

ISSN 2311-5998 (Print)
ISSN 2782-6163 (Online)

№ 5 (105)
2023

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

(посвящается памяти В. А. Рясенцева)

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 26** *Василевская Л. Ю.*
Искусственный интеллект:
проблемы гражданско-правовой квалификации
- 43** *Анисимов А. В.*
Влияние имплантируемых киберфизических
систем на гражданскую правосубъектность
физического лица
- 52** *Долинская В. В., Муратова С. А.*
Проблемы субъектов и правосубъектности
в семейном праве
- 62** *Елисеева А. А.*
Традиционные семейные ценности
как объект интересов: частно-правовой
и публично-правовой аспекты
- 125** *Качалова А. В.*
Личный фонд в системе юридических лиц

№ 5 (105)
2023

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

(посвящается памяти в. А. Рясенцева)

Издается с 2014 года

Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюффо и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой право-ведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Росси

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Уни-

верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦЮПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

МОРГУНОВА Елена Алексеевна — доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки. 5.1.4. Уголовно-правовые науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.
РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 02.08.2023 Объем 27,72 усл. печ. л. (17,50 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор Л. А. Мункуева

Корректор А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка Д. А. Беляков

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

№ 5 (105)
2023

Edition

CIVIL AND FAMILY LAW

(dedicated to the memory of V. A. Ryasentsev)

Published from the year of 2014

Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Dufлот & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Assistant of Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Professor, Institute of Law and National Security, RANEPА University; Professor, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2023

5/2023

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editor-in-Chief of the Issue:

MORGUNOVA Elena Alekseevna — Associate professor, Department of civil law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate professor

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.	
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361	
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)	
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year	
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993	
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru	
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month	
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993	
SIGNED FOR PRINTING	02.08.2023 Volume: 27,72 conventional printer's sheets (17,50 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper	
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>		
Editor L. A. Munkueva	Proof-reader A. B. Rybakova	Computer layout D. A. Belyakov

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	10
ПАМЯТИ В. А. РЯСЕНЦЕВА	
В. А. Рясенцев — руководитель, педагог и человек	12
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	18
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Искусственный интеллект и право	
Василевская Л. Ю.	
Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации	32
Подузова Е. Б.	
Технологии искусственного интеллекта в digital-медицине: проблемы теории и правоприменения	41
Анисимов А. В.	
Влияние имплантируемых киберфизических систем на гражданскую правосубъектность физического лица	49
Семейно-правовые отношения	
Долинская В. В., Муратова С. А.	
Проблемы субъектов и правосубъектности в семейном праве	58
Елисеева А. А.	
Традиционные семейные ценности как объект интересов: частно-правовой и публично-правовой аспекты	68
Рабец А. М.	
Брачная правосубъектность и брачный правовой статус: проблемы соотношения	76
Касаткина А. Ю.	
Статус члена семьи и его влияние на участие в гражданских правоотношениях	85
Османова Д. О.	
Правовой статус бывшего супруга (супруги)	92
Теоретические аспекты гражданского права	
Родионова О. М.	
Публичные и частные интересы в меняющемся гражданском праве России: единство в многообразии	101
Туманов Д. А.	
Реализация интересов через частное и публичное право	112

Правовой статус юридических и физических лиц

Аюшеева И. З., Сойфер Т. В.

Передача религиозным организациям
имущества религиозного назначения: проблемы и перспективы 122

Качалова А. В.

Личный фонд в системе юридических лиц 131

Лозовская С. О.

Правосубъектность лиц, признанных недееспособными
и ограниченно дееспособными вследствие
психического расстройства 139

Правовой режим отдельных объектов гражданских прав

Малинова А. Г.

Свободное время граждан
как нематериальное благо, нуждающееся
в гражданско-правовой защите: постановка проблемы 147

Дорохова Н. А.

Творческое видение как правовая категория:
понятие, юридическая природа,
соотношение со смежными категориями 154

Острикова Л. К.

Современные проблемы квалификации
персональных данных в контексте доктрины
о нематериальных благах 162

Соменков С. А.

Особенности правового режима помещений 170

Федосеев С. В.

Соблюдение независимости
при осуществлении функций
советом директоров акционерных обществ 178

Земельно-имущественные и экологические правоотношения

Фролова Н. М.

Фактическое изъятие земельного участка
для государственных и муниципальных нужд:
правовая природа и способы защиты 188

Кравец В. Д.

Особенности имущественной ответственности
за экологические правонарушения 197

Ахмедов А. Я.

Обоснованность выделения приоритетного способа
возмещения вреда, причиненного окружающей среде 204

Правовое регулирование страховой деятельности

Василенко Н. В.

Агрострахование с государственной поддержкой:
взаимодействие частного и публичного интересов 212

РЕЦЕНЗИИ

Фабричный С. Ю.

Рецензия на книгу «Время великих реформ.
Золотой век российского государства и права» 221

Трибуна молодого ученого

Назайкинская В. А.

Регламент как источник российского права: понятие и виды 225

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ 233

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Памятники права

Декрет ВЦИК «Об отмене права частной собственности
на недвижимость в городах» 247

Декрет ВЦИК «Об отмене наследования» 251

Научное наследие

Венедиктов А. В.

Государственная социалистическая собственность (извлечение) 254

ПОСТСКРИПТУМ

Шпаковский Ю. Г.

Цена высшего образования 268

CONTENTS

NOTE TO THE READERS	10
IN MEMORY OF V. A. RYASENTSEV	
V. A. Ryasentsev — leader, teacher and person	12
UNIVERSITY CHRONICLE	18
VECTOR OF LEGAL SCIENCE	
Artificial Intelligence and Law	
Vasilevskaya L. Ju.	
Artificial Intelligence: problems of civil law qualification	32
Poduzova E. B.	
Technologies of artificial intelligence in digital medicine: problems of theory and law enforcement	41
Anisimov A. V.	
The impact of implantable cyber-physical systems on the civil legal personality of an individual	49
Family law relations	
Dolinskaya V. V., Muratova S. A.	
Problems of subjects and legal personality in family law	58
Eliseeva A. A.	
Traditional family values as an object of interest: private law and public law aspects	68
Rabets A. M.	
Marital Legal Personality and Marital Legal Status: Correlation Problems	76
Kasatkina A. Yu.	
The status of a family member and its impact on participation in civil legal relations	85
Osmanova D. O.	
Legal status of the former spouse	92
Theoretical aspects of civil law	
Rodionova O. M.	
Public and Private Interests in Modern Private Law in Russia: unity in diversity	101
Tumanov D. A.	
Realization of interests through private and public law	112
Legal status of legal entities and individuals	
Aiusheeva I. Z., Soyfer T. V.	
Transfer of religious property to religious organizations: problems and prospects	122

Kachalova A. V. Personal Fund in the System of Legal Entities	131
Lozovskaya S. O. Legal personality of persons recognized as incapacitated and with limited legal capacity due to a mental disorder	139
Legal regime of certain objects of civil rights	
Malinova A. G. Free time of citizens as an intangible benefit in need of civil protection: posing the problem	147
Dorokhova N. A. Creative vision as a legal category: concept, legal nature, correlation with related categories	154
Ostrikova L. K. Modern problems of qualification of personal data in the context of the doctrine of intangible benefits	162
Somenkov S. A. Features of the legal regime of premises	170
Fedoseev S. V. Ensuring independence in the exercise of functions by the board of directors of joint-stock companies	178
Land, property and environmental legal relations	
Frolova N. M. Actual seizure of land for state and municipal needs: legal nature and methods of protection	188
Kravets V. D. Features of property liability for environmental offenses	197
Ahmedov A. Ya. Reasonableness of identifying of a priority method of compensation for harm caused to the environment	204
Legal regulation of insurance activities	
Vasilenko N. V. Agricultural insurance with state support: the interaction of private and public interests	212
REVIEWS	
Fabrichny S. Yu. Review of the book “The Time of Great Reforms. The Golden Age of the Russian State and Law”	221
YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE	
Nazaykinskaya V. A. Regulation as a source of Russian law: concept and types	225

DIGEST OF THE DEPARTMENT'S ACTIVITIES

- Review of the All-Russian Scientific
Symposium "Ryasentsev Readings" 233

LAW IN HISTORICAL REFRACTION

Legal monuments

- Decree of the All-Russian
Central Executive Committee "On the abolition
of the right of private ownership of real estate in cities" 247

- Decree of the All-Russian Central Executive Committee
"On the abolition of inheritance" 251

Scientific legacy

- Venediktov A. V.**
State Socialist Property (Extraction) 254

POSTSCRIPT

- Shpakovsky Yu. G.**
The Price of Higher Education 268

Дорогие читатели!

Вашему вниманию представлен номер журнала, посвященный памяти выдающегося ученого, доктора юридических наук, профессора Владимира Александровича Рясенцева. Его жизнь — пример неугомого труда, подлинный научный и педагогический подвиг! Сорок лет Владимир Александрович возглавлял кафедру гражданского и семейного права ВЮЗИ (ныне — Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)), с 1943 по 1947 г. был заместителем директора ВЮЗИ.

Владимир Александрович был настоящим интеллигентом, человеком необычайной скромности и благородства, при этом, несмотря на свою природную скромность, никогда не поступался своей совестью, принципами и ценностями, сформировавшимися еще в юношеские годы.

Имя ученого известно не только в нашей стране, но и за рубежом. По учебникам гражданского права под редакцией Владимира Александровича Рясенцева училось несколько поколений юристов Советского Союза. Профессор успешно совмещал педагогическую деятельность с научной. Каждому юристу известны его фундаментальные труды по вопросам представительства, неосновательного обогащения, изобретательскому праву. С именем ученого также связано развитие науки семейного права. В 1952 г. выходит в свет монография профессора В. И. Бошко «Очерки семейного права», переработанная и дополненная В. А. Рясенцевым, затем им подготовлены три учебника по советскому семейному праву.

Значительный вклад ученый внес не только в науку, но и в развитие законодательства и правоприменительной деятельности. Владимир Александрович принимал активное участие в разработке Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г., ГК РСФСР 1964 г., Жилищного кодекса РСФСР, положений об открытиях, изобретениях и о рационализаторских предложениях. Именно им было предложено ввести такой вид представительства, как представительство из обстановки.

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) работают ученики и коллеги В. А. Рясенцева, которым посчастливилось видеть и слышать великого ученого и педагога. Среди них и первый проректор Университета, доктор юридических наук, профессор И. В. Ершова и профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, профессор М. Н. Малеина.

Кафедра гражданского права старается бережно относиться к научному наследию В. А. Рясенцева, сохраняя и развивая учение великого профессора. В память об ученом кафедрой в этом году был организован Всероссийский научный сим-

позиум «Рясенцевские чтения». С обзором работы научного симпозиума можно ознакомиться в настоящем номере журнала. В этот выпуск вошли научные сообщения участников симпозиума, а также иные научные статьи по актуальным проблемам гражданского и семейного права.

В статьях тематического номера журнала рассмотрены такие порожденные современностью и даже несколько опережающие время проблемы, как гражданско-правовая квалификация искусственного интеллекта; влияние имплантируемых киберфизических систем на гражданскую правосубъектность физического лица; технологии искусственного интеллекта в digital-медицине.

В журнале публикуются и статьи по классическим вопросам гражданского и семейного права, которые в современном мире приобретают особое звучание. К ним можно отнести вопросы субъектов и правосубъектности в семейном праве; правосубъектности лиц, признанных недееспособными и ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства; брачной правосубъектности и брачного правового статуса; реализации интересов через частное и публичное право; свободного времени граждан как нематериального блага, нуждающегося в гражданско-правовой защите; правового статуса религиозных организаций и др.

Желаем вам приятного и полезного прочтения!

Е. В. Вавилин,
*заведующий кафедрой гражданского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
профессор, доктор юридических наук*

Н. А. Громошина,
*профессор кафедры
гражданского и административного судопроизводства
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
профессор, доктор юридических наук*

Е. А. Моргунова,
*заместитель заведующего кафедрой гражданского права
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доцент, кандидат юридических наук*

ПАМЯТИ В. А. РЯСЕНЦЕВА

В. А. Рясенцев — руководитель, педагог и человек

Основоположником научной цивилистической школы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) является профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Владимир Александрович Рясенцев, который на протяжении 40 лет (с 1950 по 1990 г.) руководил кафедрой гражданского и семейного права.

В. А. Рясенцев родился 7 октября 1909 г. в Пензе в семье врачей. Воспитание и среда, в которой рос Владимир Рясенцев, предопределили становление характера истинного русского интеллигента, а исторические события, современником которых он был, закалили его характер. Его детство и отрочество пришлись на период коренных преобразований российского общества: Первую мировую войну, распад Российской империи, Февральскую и Октябрьскую революции, Гражданскую войну, образование и становление СССР.

С 1927 по 1931 г. В. А. Рясенцев учился в Ленинградском университете на факультете советского строительства и права, по окончании которого в течение пяти лет работал в Пензе, а затем в Москве юрисконсультom и экономистом. В 1936 г. он окончил полный курс Заочного планово-экономического института, не прекращая профессиональную и научную деятельность. В этом же году В. А. Рясенцев поступил в аспирантуру Московского юридического института по кафедре гражданского права и, успешно завершив подготовку к научной и педагогической деятельности, в 1939 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Обязательства из неосновательного обогащения».

Ученая степень доктора юридических наук присуждена В. А. Рясенцеву в 1950 г. по результатам защиты диссертации «Представительство в советском гражданском праве». Эта тема до него в советском праве монографически не исследовалась.

Вся жизнь В. А. Рясенцева (за исключением нескольких лет работы юрисконсультom) была связана с преподавательской деятельностью в юридических вузах. Его педагогический стаж превысил полвека. Преподавать он начал в Московском юридическом институте в 1938 г., будучи еще аспирантом, и не прекращал эту деятельность до конца своих дней. В 1939 г. ему было присвоено ученое звание доцента, а в 1950 г. — профессора. В 1940-е гг. Владимир Александрович вел преподавательскую работу также в Военно-юридической академии, с 1943 по 1955 г. работал по совместительству на кафедре гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Но основным местом педагогической деятельности В. А. Рясенцева был

Всесоюзный юридический заочный институт (в 1990 г. преобразован в Московский юридический институт), в штате которого он состоял с 1942 г. до дня смерти.

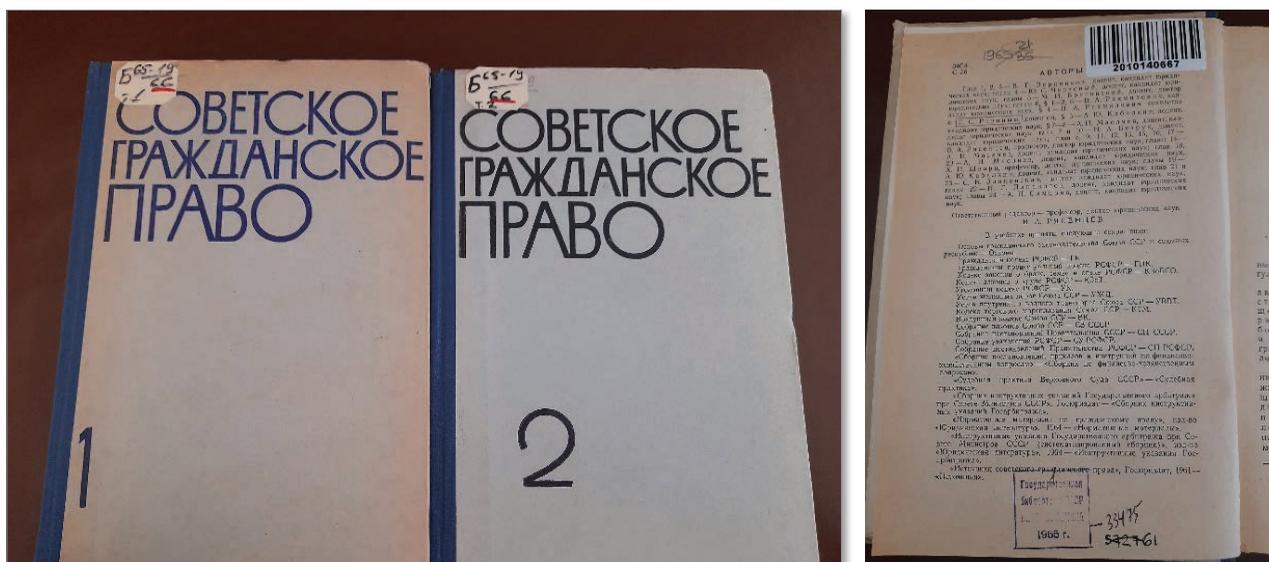
Помимо академической деятельности, Владимир Александрович занимался административной работой. Так, до 1943 г. он работал в должности старшего консультанта, а затем — начальника отдела вузов Управления учебных заведений Наркомата юстиции СССР, в 1943—1947 гг. — заместителем директора Всесоюзного юридического заочного института. Даже полностью погружаясь в административную работу, Владимир Александрович не переставал заниматься научными изысканиями — до 1947 г. им опубликовано 25 работ.

В. А. Рясенцев являлся одним из ведущих ученых в области гражданского и семейного права. Его перу принадлежит более 150 печатных работ объемом более 400 печатных листов. Необычайно широк был диапазон научных интересов В. А. Рясенцева в исследовании гражданско-правовых проблем. В его творческом наследии содержатся работы чуть ли не по всем вопросам гражданского права. В многочисленных учебниках, монографиях, учебных пособиях, статьях, в научных трудах им глубоко изложены проблемы истории гражданского права, науки гражданского права, юридических фактов, правового положения субъектов, сделок, представительства, сроков давности, осуществления и защиты гражданских прав, права собственности, общих положений обязательственного права, безвозмездного пользования имуществом, найма жилых помещений, поручения, комиссии, обязательств из неосновательного приобретения или сбережения имущества, права на открытие, авторского и изобретательского права, наследственного права. В научных работах В. А. Рясенцева были заложены фундаментальные основы понимания многих институтов гражданского и семейного права, послужившие базой для подготовки специалистов по гражданскому праву, научно-педагогических кадров и проведения будущих исследований по различным направлениям цивилистики.

В период административной работы Владимир Александрович посвятил ряд исследований специальным теоретическим вопросам гражданского права. Например, им написаны такие работы, как «Неимущественный интерес в советском гражданском праве» (Ученые записки МЮИ. Вып. 1. 1939); «К вопросу о новации в советском гражданском праве» (Социалистическая законность. 1938. № 8); «Давность» (Советская юстиция. 1937. № 19); «Ведение чужого дела без поручения» (Социалистическая законность. 1944. № 2); «Договор об отчуждении имущества на условиях пожизненного содержания» (Социалистическая законность. 1946. № 1-2). Некоторые публикации того периода имеют практический уклон. Им написаны две статьи о жилищных правах военнослужащих (Социалистическая законность. 1941. № 5; Ученые записки ВИЮН. Вып. 3. 1945); «Договор безвозмездного пользования» (Советская юстиция. 1938. № 19); две заметки по вопросам арбитражного процесса (Бюллетень Госарбитража). Знаковой работой можно также назвать «Научные студенческие кружки» (Советская юстиция. 1941. № 15), которая предопределила важное направление работы Владимира Александровича в качестве научного руководителя студенческих кружков по гражданскому праву.

Многие вопросы гражданского права были в поле внимания Владимира Александровича на протяжении всей его жизни. Например, вопросы учения о сделках

и правового регулирования отдельных их видов рассматриваются в работах: «Вопросы недействительности сделок в судебной практике» (Социалистическая законность. 1950, № 8-9); «Сделки по советскому гражданскому праву» (М., 1951); «Форма сделок и последствия ее нарушения» (Советская юстиция. 1974. № 21); «Мировые сделки» (Социалистическая законность. 1984. № 12); «Виды биржевых сделок» (Советская юстиция. 1992. № 9-10), а также в главах учебников по гражданскому праву для вузов, изданных в 1965, 1975, 1986 гг. и ряда иных учебных пособий. Проблемы сроков в гражданском праве исследованы им в работах: «Давность» (Советская юстиция. 1937. № 19); «Применение судами сроков исковой давности» (Социалистическая законность. 1950. № 4); «Начало течения и восстановление исковой давности» (Советская юстиция. 1981. № 5); «Признание долга как основание для перерыва исковой давности» (Социалистическая законность. 1985. № 12); «Приобретательная давность (давность владения)» (Советская юстиция. 1991. № 10).

Владимир Александрович одним из первых ученых-цивилистов исследовал обязательства из неосновательного обогащения (в кандидатской диссертации 1939 г., а также в статьях и учебниках), проблемы представительства в советском гражданском праве (в докторской диссертации 1950 г., в ряде статей, в учебных пособиях). Также одним из первых он обратил внимание на вопросы неимущественных интересов в гражданском праве.

Среди работ В. А. Рясенцева по гражданскому праву важное место занимают учебники и учебные пособия. Так, в 1955 г. вышло учебное пособие «Советское гражданское право» в двух частях, которое, по сути, являлось уникальным, специально подготовленным для студентов-заочников ВЮЗИ. В 1975 и 1988 гг. выходят однотомные пособия для студентов-заочников. В 1965 г. издан учебник «Советское гражданское право» в двух томах, в котором Владимир Александрович выступил в качестве ответственного редактора. Это был первый учебник по

гражданскому праву, выпущенный после кодификации гражданского законодательства в 1964 г. Уникальность и значимость этого учебника подчеркивает тот факт, что он переиздавался дважды в 1975—1976 гг. и в 1986—1987 гг.

Отдельно необходимо отметить научные исследования и учебники В. А. Рясенцева по патентному и изобретательскому праву. В 1955 г. был опубликован курс лекций «Советское изобретательское право». Данная работа открыла целый цикл исследований Владимира Александровича в этой области — более 30 работ. Так, например, в 1967 г. вышел учебник «Патентоведение», который впоследствии дважды переиздавался. Большинство статей в рамках этой тематики были посвящены злободневным вопросам патентного права, в том числе: «Вопросы изобретательского права в судебной практике» (Советская юстиция. 1976. № 21), «Задачи совершенствования правового регулирования рационализаторских предложений»; «Новейшие постановления партии и правительства по вопросам ускорения научно-технического прогресса», «Патент как форма охраны изобретений по проекту закона об изобретательской деятельности в СССР» (Вопросы изобретательства. 1982. № 2; 1987. № 11; 1989. № 2).

Существенный вклад профессор В. А. Рясенцев внес и в науку семейного права. Так, в 1946 г. опубликована его совместная работа с В. И. Серебровским «Семейное и наследственное право», которая в то время являлась чуть ли не единственным учебным пособием для студентов, отражающим послевоенные изменения законодательства. В соавторстве с В. И. Бошко в 1952 г. издана монография «Очерки советского семейного права». В дальнейшем вышли три учебника по советскому семейному праву — в 1967, 1971 и 1982 гг. В первых двух Владимир Александрович выступил как автор, в последнем — в качестве соавтора и ответственного редактора.

В. А. Рясенцев подготовил также большое число статей для периодических изданий, в том числе: «Задачи кодификации семейного законодательства» (Советское государство и право. 1969. № 1); «Отмена усыновления и признание усыновления недействительным» (Советская юстиция. 1970. № 16); «Оспаривание отцовства» (Советская юстиция. 1973. № 22); «О совершенствовании законодательства об алиментах на детей» (Советская юстиция. 1978. № 12); «Имущественные отношения в семье» (Советское государство и право. 1978. № 4); а также написал главу «Задача совершенствования законодательства о браке и семье» для книги «Развитие законодательства о браке и семье» (М., 1978).

Профессор В. А. Рясенцев рассматривал научно-исследовательскую работу как неотъемлемую часть своей педагогической деятельности. В беседах с коллегами и учениками он не раз говорил, что нельзя быть хорошим преподавателем, не участвуя в научной работе, не совершенствуя методику преподавания. Владимир Александрович всегда старался привлечь к научной работе преподавателей кафедры, которую возглавлял, в том числе через включение их в авторские коллективы учебных пособий, помощь в опубликовании рукописей.

Стремление Владимира Александровича к подготовке профессиональных научных кадров проявлялось не только в написании уникальных учебных пособий, но и в его методической работе, без которой он считал невозможной полноценную педагогическую деятельность. Интересен тот факт, что начало его методической работы приходится на период Великой Отечественной войны. В 1939—1946 гг. В. А. Рясенцев опубликовал статьи по совершенствованию высшего юридического образования: о задачах вузов в условиях Великой Отечественной войны, о методике чтения лекций, проведении практических занятий по гражданскому праву, об организации работы учебных кабинетов, учебного процесса, о производственной практике в юридических институтах, о государственных экзаменах в юридических вузах (см.: Советская юстиция. 1939. № 5, 14, 15—16, 17—18, 19—20; 1940. № 19—20; 1941. № 11; Социалистическая законность. 1941. № 11). Им также подготовлены «Методические письма по гражданскому праву для студентов ВЮЗИ» (Юриздат, 1942); «Методические письма по гражданскому праву для юридических школ» (Юриздат, 1946).

В. А. Рясенцев был прекрасным лектором. В нем удачно сочетались блестящая эрудиция, колоссальная работоспособность, умение ясно и доходчиво излагать сложные цивилистические проблемы. Студенты со вниманием слушали содержательный, четко поданный материал, который иллюстрировался примерами из судебной практики, а иногда даже из классической литературы.

В. А. Рясенцевым было подготовлено значительное число учеников, более 60 из которых получили степень кандидата юридических наук, а 12 — доктора юридических наук. Некоторые ученики Владимира Александровича продолжают работать в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на кафедре гражданского права. Долгие годы на кафедре проработал профессор Алексей Иванович Масляев, который являлся учеником Владимира Александровича. Своего учителя Алексей Иванович вспоминает как «образец, воплотивший в себе лучшие человеческие качества: фундаментальную эрудицию, профессионализм самого высокого уровня, интеллигентность, принципиальность, сочетающуюся с душевной добротой, вниманием и заботливостью к окружающим, мягкостью характера».

Научные достижения В. А. Рясенцева служили доктринальной основой разработки и применения гражданского и семейного законодательства. В. А. Рясенцев был членом научно-консультативных советов при Верховном Суде РСФСР и Верховном Суде СССР, председателем секции научно-технического совета Государственного комитета по делам изобретений и открытий, активно участвовал в подготовке Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ГК РСФСР, семейного законодательства и ЖК РСФСР.

Владимир Александрович Рясенцев скончался 12 августа 1992 г. и похоронен на Пятницком кладбище в Москве. Вся его жизнь является свидетельством стремления к творчеству, служения избранному педагогическому и человеческому пути. Память Владимира Александровича увековечена в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) портретом в галерее выдающихся профессоров Университета. С 2023 г. в стенах Университета, которому Владимир Александрович посвятил полвека, начал проводить Всероссийский научный симпозиум «Рясенцевские чтения», на котором обсуждаются перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики современного гражданского и семейного права. Основы цивилистической школы, которые заложил Владимир Александрович, продолжают жить в деятельности его учеников и последователей.

Материал подготовили:
кандидат юридических наук, доцент

Е. А. Моргунова,

кандидат юридических наук

А. В. Анисимов

Виктор Блажеев: идея распределения студентов после окончания вуза не соответствует Конституции РФ

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев в разговоре с РБК отметил, что идея распределения студентов после окончания вуза не соответствует Конституции РФ, в частности статье 37, которая закрепляет право человека на свободный труд и запрещает труд принудительный. Он также указал, что в текущих условиях реализация советской модели распределения практически нереализуема, так как использование механизма распределения было возможно в условиях плановой экономики и при отсутствии

частной собственности на средства производства.

Виктор Владимирович считает, что для кадрового обеспечения приоритетных направлений экономики более подходит механизм целевого обучения, который сохраняет принцип добровольности при выборе места работы и никак не ограничивает право выпускника на труд.

Конференции, круглые столы, семинары

XI Петербургский международный юридический форум

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) принял активное участие в работе XI Петербургского международного юридического форума.

12 мая 2023 г. на площадке форума состоялась сессия «Юридическое образование: проблемы и перспективы». Участники мероприятия обсудили вопросы повышения уровня квалификации профессиональных юридических кадров, а также рассмотрели перспективы развития национальной системы юридического образования.

В обсуждении принял участие министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков, который заявил о планах по формированию в Российской Федерации системы базового и специализированного высшего юридического образования.

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

«Мы считаем, что должно быть понятие базового или основного высшего образования, в том числе юридического, которое должно быть достаточным, чтобы сделать карьеру в жизни, без необходимости углубления знаний в узких сферах», — заявил Валерий Фальков.

Министр также отметил, что обучение по юридическим специальностям в рамках базового высшего образования не следует ограничивать конкретным сроком, его можно ранжировать в зависимости от специализации.

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев также поддержал реформирование системы высшего юридического образования в данном направлении, отметив, что новое базовое образование должно быть завершённым, а специализированное образование (магистратура) должно давать дополнительные узконаправленные знания, что комплексно повысит качество подготовки специалистов. Одним из положительных аспектов такой модели Виктор Блажеев считает отсутствие разрыва в обучении в случаях, когда квалификационные требования к должности требуют наличия у работника высшего образования не ниже уровня магистратуры.

В рамках XI Международного юридического форума в Санкт-Петербурге на Международном молодежном юридическом форуме 10 мая 2023 г. состоялась панельная сессия «Виртуальное право: правовое регулирование отношений в виртуальных вселенных и компьютерных играх».

В дискуссии приняли участие Галина Грищенко, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, Кирилл Евсиков, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, Владимир Никишин, доцент кафедры

информационного права и цифровых технологий, директор центра управления изменениями.

Директор Научно-образовательного центра права и биоэтики в сфере геномных исследований и применения генетических технологий МГЮА Олег Гринь стал участником дискуссии «Биотехнологии: запретить нельзя разрешить. Этика и право для человека на страже традиционных ценностей».

И.о. директора Института бизнес-права, заместитель заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Андрей Петраков выступил модератором секции «Молодежное предпринимательство».

В Университете обсудили проблемы правового регулирования закрытых административно-территориальных образований

19 мая 2023 г. в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась экспертная площадка «Проблемы правового регулирования обеспечения национальной безопасности государства и личности в закрытых административно-территориальных образованиях».

Ее организаторами выступили Центр компетенций «Геоправо» и ряд кафедр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА): конституционного и муниципального права, финансового права, экологического и природоресурсного права, кафедра философии и социологии.

Экспертная площадка прошла под руководством и модерированием Светланы Нарутто, доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры

конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), и Олега Рыбакова, доктора юридических наук, доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Обращаясь с приветственным словом к участникам экспертной площадки, Инна Ершова, первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, отметила трансформацию статуса ЗАТО в советский и постсоветский периоды России, подчеркнув важность стратегического потенциала закрытых административно-территориальных образований для безопасности и обороны нашей страны на современном этапе.

С приветственным словом к участникам выступила депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, член Комитета Государственной Думы по обороне Татьяна Кусайко, глава городского округа ЗАТО «Звездный городок» Московской области Евгений Барিশевский, которые поблагодарили организаторов за поднятую тему дискуссии, обратив внимание на необходимость пересмотра правового регулирования статуса и деятельности закрытых административно-территориальных образований.

В МГЮА обсудили актуальные вопросы применения норм об ответственности за экологические правонарушения

17 мая 2023 г. в Университете состоялся круглый стол «Актуальные вопросы применения норм об ответственности за экологические правонарушения», организованный Комиссией по экологии и окружающей среде Ассоциации юристов России и кафедрой экологического и природоресурсного права Университета.

В ходе круглого стола обсуждались особенности применения законодательства об ответственном обращении с животными, актуальные проблемы расследования экологических преступлений, роль прокуратуры в борьбе с экологическими преступлениями, особенности юридической ответственности за правонарушения в сфере недропользования, возмещение вреда, причиненного животному миру, привлечение к ответственности за нарушение режима водоохранных зон и др.

II Всероссийская неделя теории государства и права «Теоретическая юридическая наука: современное состояние и перспективы развития»

С 15 по 19 мая 2023 г. в Университете проходила II Всероссийская неделя теории государства и права «Теоретическая юридическая наука: современное состояние и перспективы развития», которая была посвящена 70-летию кафедры теории

государства и права и 5-летию Сообщества теоретиков права. Организаторами мероприятия выступили кафедра теории государства и права и Высшая школа права. Организационный комитет возглавили: Аркадий Корнев, заведующий кафедрой теории государства и права, профессор, доктор юридических наук; Анна Козырева, заместитель заведующего кафедрой теории государства и права, кандидат юридических наук; Эльвин Теймуров, директор Высшей школы права, кандидат юридических наук.

В рамках II Всероссийской недели теории государства и права «Теоретическая юридическая наука: современное состояние и перспективы развития» прошли следующие мероприятия: Всероссийский он-

лайн-тест по теории государства и права; совместный круглый стол с Аппаратом Уполномоченного по правам человека; образовательная площадка авторских лекций от ведущих специалистов в области теории права и государства и права; дебаты по политическим и правовым учениям, посвященные памяти профессора кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Ю. С. Завьялова; круглый стол «Использование эмпирических методов правового исследования в законопроектной деятельности» (подготовлен в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»); круглый стол «Проблемы обеспечения экономического суверенитета России на современном этапе» (подготовлен в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»); открытый студенческий лекторий по теории государства и права Sui lectoris 2023, посвященный памяти профессора кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) В. И. Лафитского.

Всего в рамках II Всероссийской недели теории государства и права «Теоретическая юридическая наука: современное состояние и перспективы развития» приняли участие более 900 человек: более 650 участников онлайн-теста, более 70 докладчиков, более 200 слушателей, более 20 экспертов пленарных заседаний круглых столов. В мероприятии участвовали также студенты, магистры и аспиранты из 30 вузов России и зарубежья, в том числе из Москвы, Кирова, Казани, Волгограда, Владивостока, Смоленска, Рязани, Нижнего Новгорода, Санкт Петербурга, Симферополя, Лиля (Франция) и др.

19 мая 2023 г. состоялось подведение итогов II Всероссийской недели теории государства и права, на которой выступил проректор по научно-исследовательской деятельности, профессор, доктор юридических наук Владимир Синюков.

IV Всероссийская научно-практическая конференция «Юридическая деятельность в зеркале научных теорий, гипотез и проблем»

19 мая 2023 г. в Университете состоялась IV Всероссийская научно-практическая конференция «Юридическая деятельность в зеркале научных теорий, гипотез и проблем», организованная кафедрой философии и социологии (ответственные — профессор Олег Рыбаков и доцент Максим Беляев). Проведение ежегодных научных мероприятий широкого формата, обращенных к проблематике юридической деятельности, взятой в междисциплинарном ракурсе, стало традицией кафедры.

Конференцию открыл заведующий кафедрой философии и социологии профессор Олег Рыбаков. С приветственным словом и содержательной характеристикой современных проблем юридической науки выступил проректор по научно-исследовательской деятельности МГЮА, профессор Владимир Синюков. В конференции приняли участие представители образовательных и научных организаций, в числе которых Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), МГУ имени М.В.Ломоносова, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Институт государства и права РАН, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, НИУ ВШЭ, МГИМО (У) МИД России, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры РФ, Российская академия адвокатуры и нотариата, Ивановский государственный университет.

Конференция в этом году была посвящена комплексу проблем развития современной юридической науки и отражению в доктринальных подходах фундаментальных основ понимания и организации юридической деятельности с учетом факторов цифровой трансформации общества и государства.

В Университете обсудили проблемы санации неплатежеспособных должников и их предприятий

31 мая 2023 г. в Университете в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» состоялась стратегическая сессия «Создание инфраструктуры санации должников и их предприятий в России». Цель мероприятия — разработка научно обоснованной концепции эффективного осуществления санации должников и их предприятий в современных геополитических и социально-экономических условиях.

Мероприятие было организовано Центром компетенций «Бизнес-право», кафедрой предпринимательского и корпоративного права, САЕ «Центр превосходства “Центр правовых исследований банкротства”» при

поддержке Комиссии по взаимодействию с предпринимательским сообществом и правовой защите бизнеса Ассоциации юристов России.

В работе стратегической сессии приняли участие ведущие представители науки конкурсного и предпринимательского права, практикующие по делам о банкротстве юристы, аспиранты и магистранты Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Стратегическая сессия прошла в режиме дискуссии: участники комментировали доклады, задавали вопросы, делились практическим опытом. В мероприятии участвовало более 50 человек. В завершение организаторы подвели итоги состоявшегося обсуждения, высказали слова благодарности участникам.

Совместный круглый стол кафедры теории государства и права, Высшей школы права МГЮА и Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

15 мая 2023 г. состоялся совместный круглый стол кафедры теории государства и права, Высшей школы права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в рамках II Всероссийской недели теории государства и права.

В круглом столе приняли участие свыше 50 участников — представители профессорско-преподавательского состава МГЮА и МГИМО, студенты и аспиранты, приглашенные эксперты. Спикеры и участники круглого стола обсудили механизмы правозащиты, их современное состояние и перспективы развития.

В рамках круглого стола выступили Алексей Малиновский, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения, Инна Барзилова, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Наталья Абакшина, кандидат экономических наук, заместитель президента по правовым вопросам Патриотического фонда социальной поддержки ветеранов и военно-патриотического воспитания молодежи «Служу Великой Руси», Владимир Порохня, кандидат в депутаты Народного совета Донецкой Народной Республики.

Развитие университета

МГЮА и S8 Capital будут сотрудничать в области научной деятельности

11 мая 2023 г. в рамках XI Петербургского международного юридического форума Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и многопрофильный холдинг S8 Capital заключили соглашение о взаимном сотрудничестве. Со стороны МГЮА документ подписал ректор Виктор Блажеев, со стороны S8 Capital — первый заместитель генерального директора Валентин Кондрашов.

Соглашение закрепляет договоренности о сотрудничестве по широкому кругу вопросов, в том числе в сфере научно-консультационной деятельности, и включает проведение научных исследований, экспертных, аналитических работ и научных мероприятий на базе Университета.

S8 Capital уделяет большое внимание развитию своих промышленных активов, включая разработку новых технологий и цифровизацию производства, поэтому совершенствование научной и правовой деятельности многопрофильного холдинга, получение доступа к современной базе знаний — очень важно для S8 Capital и является одной из ключевых целей заключения соглашения с ведущим образовательным учреждением в области юриспруденции.

В Университете прошла встреча с руководством ООО «Газпромнефть Экспертные решения»

23 мая 2023 г. состоялась встреча представителей Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с руководством ООО «Газпромнефть Экспертные решения».

В мероприятии приняли участие проректор по стратегическому и международному развитию МГЮА, руководитель Центра компетенций «Право устойчивого развития. ESG-стандарты» Мария Мажорина, руководитель Центра компетенций «Геоправо» Эльвин Теймуров, руководитель проекта «Консорциум

«Инновационная юриспруденция»» Центра управления изменениями Ольга Бендицкая, директор Центра управления изменениями Владимир Никишин.

ООО «Газпром Экспертные решения» на встрече представляли руководитель Центра развития бизнес-партнерства Светлана Бухтоярова и руководитель по развитию и работе с персоналом Елена Кузнецова.

Мария Мажорина рассказала о реализации программы развития «Приоритет-2030» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), о новых учебных дисциплинах и программах. Были представлены гостям Консорциум «Инновационная юриспруденция» и программы стажировок, организованные для студентов. О возможном сотрудничестве в рамках Центра компетенций «Геоправо» рассказал руководитель Центра Эльвин Теймуров.

Участники встречи обсудили также правовую функцию ПАО «Газпром нефть» и возможное сотрудничество организаций.

Международное сотрудничество

Встреча руководства МГЮА с официальной делегацией Исламской Республики Иран

23 мая 2023 г. Университет с официальным визитом посетила делегация Исламской Республики Иран в Российской Федерации во главе с советником Посольства, представителем Министерства наук и исследований Ирана Хади Гударзи. Со стороны МГЮА во встрече приняли участие проректор по научно-исследовательской деятельности Владимир Синюков и проректор по стратегическому и международному развитию Мария Мажорина, а также директор Центра международного сотрудничества МГЮА Анна Приходько и ее заместитель Артем Евстифеев.

Стороны обсудили совместное сотрудничество в сфере науки, высшего образования, совместного издания научной литературы, а также обмена опытом в рамках двустороннего сотрудничества и углубления тесных партнерских отношений. В конце встречи представители иранской делегации официально пригласили руководство МГЮА к посещению Ирана и его научно-образовательных и культурных мероприятий.

Мероприятия ректората

В МГЮА состоялось очередное заседание Ученого совета

29 мая 2023 г. в Университете прошло очередное заседание Ученого совета. В рамках мероприятия коллектив Университета принял решения по текущим кадровым вопросам и деятельности внутренних подразделений.

В начале мероприятия ректор МГЮА Виктор Блажеев вручил медаль Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) «За заслуги» доценту кафедры истории государства и права Татьяне Филипповой.

Далее ректор МГЮА вручил дипломы победителям международного студенческого конкурса по спортивному арбитражу и дипломы участникам Модели спортивного арбитражного суда.

Присутствующие минутой молчания почтили память ушедших из жизни в мае 2023 г. статс-секретаря — заместителя министра науки и высшего образования РФ Петра Кучеренко, директора Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с 2012 по 2019 г., советника ректора МГЮА Николая Шаклеина, первого заведующего кафедрой финансового права МГЮА Ольги Горбуновой.

Далее Ученый совет Университета принял решения по текущим кадровым вопросам и деятельности внутренних подразделений.

После этого был заслушан научный доклад «Актуальные проблемы экономики и управления» заведующего кафедрой экономики и управления Александра Губина и отчет начальника Учебно-методического управления Александра Панокина о деятельности кафедры предпринимательского и корпоративного права. Проректор по стратегическому и международному развитию Мария Мажорина рассказала о ходе реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

С докладом выступил проректор по молодежной политике Александр Чанышев. Впервые в истории Университета была утверждена Стратегия развития молодежной политики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В МГЮА прошел день карьеры

18 мая 2023 г. в Университете прошел день карьеры — мероприятие, направленное на содействие занятости студентов и трудоустройство выпускников. Организатором дня карьеры выступил Центр карьеры и развития компетенций.

На торжественном открытии проректор по молодежной политике МГЮА Александр Чанышев сказал: *«Содействие в трудоустройстве студентов и выпускников — важная задача, которая является приоритетным направлением молодежной политики в МГЮА. Сегодня в Университете создано профильное структурное подразделение — Центр карьеры и развития компетенций. Мы традиционно проводим День карьеры два раза в год, чтобы каждый студент и выпускник смог сделать свой профессиональный выбор, а каждый работодатель осуществить подбор специалистов».*

В дне карьеры в качестве экспонентов выступали не только руководители, представители государственных органов, но и коммерческие компании, готовые предложить студентам и выпускникам интересные вакансии и программы стажировок. Кроме того, на дне карьеры были организованы мастер-классы от Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федерального агентства по делам молодежи и Федеральной анти-монопольной службы.

На ярмарке вакансий было представлено 13 организаций, студенты и выпускники МГЮА могли задать вопросы представителям компаний и получить консультации по вопросам трудоустройства и профессионального развития.

День карьеры в МГЮА — это отличная возможность познакомиться с работодателями, узнать о новых вакансиях и программе стажировок, а также получить полезные знания и советы от профессионалов.

В Университете прошли праздничные мероприятия, посвященные 78-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне

Утро 4 мая в преддверии 78-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне началось со Всероссийской акции «Георгиевская ленточка»: во всех корпусах Университета волонтеры выдавали ленточки, которые являются не только символом Победы, но и напоминанием о героических подвигах наших предков.

Кульминацией праздничного дня стал торжественный концерт, который прошел в Кутафинском зале главного корпуса Университета. Со сцены Кутафинского зала выступили наши ветераны, представители ректората и приглашенные гости.

К зрителям и участникам мероприятия обратился ректор МГЮА Виктор Блажеев: *«Спустя 78 лет наш народ снова встал на борьбу с коричневой чумой, наши ребята сражаются и защищают нашу Родину, и, не побоюсь этого слова, нашу цивилизацию. Я вас от всей души поздравляю с этим великим праздником — победа всегда будет за нами, потому что мы с вами — народ-победитель!»*

На торжественном концерте, посвященном празднованию 78-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, руководитель Аппарата Ассоциации юристов России Елена Спиридонова сказала: *«Очень важно помнить, что мы люди и нам недостаточно жить ради удовлетворения простых потребностей. Мы должны жить смыслами, ценностями и идеалами. Это гораздо важнее и значимее. Мы — народ-победитель и в этот раз, конечно, победа также будет за нами, потому что на нашей стороне правда».*

На сцене выступил участник событий Великой Отечественной войны, профессор кафедры административного права и процесса МГЮА Дмитрий Константинович Нечевин. Он поздравил зрителей и участников торжественного концерта с Днем Победы и прочитал стихотворения собственного сочинения.

Песни военных лет, прозу и танцевальные номера представили творческие студенческие коллективы Университета.

Завершился концерт по традиции совместным исполнением песни «День Победы» под аккомпанемент оркестра Семеновского полка под руководством Сергея Диденко.

В конце праздника в первом двореике была организована традиционная полевая кухня, где любой желающий смог отведать гречку с тушенкой и горячий черный чай.

Также в Университете прошел кинопоказ российского художественного фильма «Нюрнберг» режиссера Николая Лебедева о важном событии мировой истории — Нюрнбергском процессе. Основой сценария стала книга Александра Звягинцева «На веки вечные».

Мы помним подвиг наших предков в этой войне, ценим их героическую волю и стремление к свободе, мы чтим память тех, кто подарил свободу своим потомкам!

В МГЮА прошла выставка, посвященная судебным процессам над военными преступниками

3 мая 2023 г. В МГЮА прошло открытие выставки «Без срока давности. Суды истории», которая посвящена трем крупнейшим международным судебным процессам над нацистскими и японскими военными преступниками: Нюрнбергскому процессу 1945—1946 гг., Токийскому процессу 1946—1948 гг. и Хабаровскому процессу 1949 г.

С приветственным словом к присутствующим обратился проректор по молодежной политике МГЮА Александр Чанышев: *«Уже не первый год в преддверии Дня Победы мы экспонируем выставку. Нам важно помнить уроки истории и понимать, что преступления против человечности не имеют срока давности, военные преступники обязательно предстанут перед судом».*

При подготовке экспозиции были использованы материалы Центрального архива ФСБ и архивов региональных УФСБ России, Архива внешней политики РФ, Государственного архива РФ, Российского государственного архива кинофотодокументов, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Хабаровского края, Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова, а также электронные базы документов проекта «Без срока давности», Федерального архивного агентства (Росархив) «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» и Международного военного трибунала в Нюрнберге Стэнфордского университета.

Премии, конкурсы, награждения

Преподаватель МГЮА — один из лучших лекторов России

18 мая 2023 г. состоялось награждение победителей конкурса «Лига лекторов», среди которых заместитель заведующего кафедрой интеллектуальных прав МГЮА Елена Гринь.

«Лига лекторов» — это масштабный конкурс для просветителей, в рамках которого любой желающий может попробовать свои силы в качестве лектора. Он дает возможность совершенствовать навыки публичных выступлений, найти свою аудиторию и получать вознаграждение за отличную работу. Среди более чем 9 000 участников в третьем сезоне конкурса только 50 человек стали победителями.

Награды победителям вручили первый заместитель Руководителя Администрации Президента РФ Сергей Кириенко, глава Минобрнауки РФ Валерий Фальков и генеральный директор Российского общества «Знание» Максим Древаль.

«Сегодня вручено много заслуженных наград, но мне кажется, что участие и победа в таком конкурсе — это очень хороший знак, добрый в отношении нашей высшей школы. Такое количество увлеченных своей работой преподавателей — залог качества высшего образования. При этом человек, который относится по-особому к рутине, — это и есть профессионал», — отметил министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков.

**Людмила Юрьевна
ВАСИЛЕВСКАЯ,**

профессор кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
ljvasilevskaja@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Искусственный интеллект¹: проблемы гражданско-правовой квалификации

Аннотация. Следуя методологии цивилистического исследования, автор анализирует понятие искусственного интеллекта и аргументирует вывод об ошибочности признания правосубъектности искусственного интеллекта. Искусственный интеллект как результат комплексного программирования является сложным объектом гражданских прав, в составе которого находятся различные структурные элементы — результаты интеллектуальной деятельности. Рассматривается механизм приобретения права использования результатов интеллектуальной деятельности, входящих в сложный объект, лицом, организовавшим создание искусственного интеллекта. Анализируется суть законодательных изъятий из общих правил о договорах об отчуждении исключительного права и о лицензионных договорах применительно к искусственному интеллекту.

Обоснован вывод, что в отсутствие регулирования отношений по приобретению права на сложный объект следует предусмотреть: соглашение между лицом, организовавшим создание искусственного интеллекта, и каждым из правообладателей результата интеллектуальной деятельности, входящего в состав искусственного интеллекта, либо особое условие в договоре об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности в составе искусственного интеллекта или в лицензионном договоре с каждым правообладателем. Аргументирован вывод, что лицо, организовавшее создание искусственного интеллекта, при наличии рассмотренных правовых оснований приобретает не только права на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности — структурные элементы искусственного интеллекта, но и право на весь искусственный интеллект в целом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, результат интеллектуальной деятельности, сложный объект, правовой режим, исключительное право на искусственный интеллект, договор об отчуждении исключительного права, лицензионный договор.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040

¹ Автор считает, что искусственный интеллект — это условный термин и должен использоваться в кавычках.

Liudmila Ju. VASILEVSKAYA,

Professor of the Department of civil law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor

ljvasilevskaja@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Artificial Intelligence: problems of civil law qualification

Abstract. Following the methodology of civil research, the concept of artificial intelligence is analyzed and the conclusion about the fallacy of recognizing the legal personality of artificial intelligence is argued. Artificial intelligence as a result of complicated programming is a complex object of civil rights, which includes various structural elements — the results of intellectual activity. The mechanism of acquiring the right to use the results of intellectual activity included in a complex object by a person who organized the creation of artificial intelligence is considered. The essence of legislative exceptions from the general rules on agreement on the alienation of exclusive rights and license agreements in relation to artificial intelligence is analyzed. The conclusion is substantiated that in the absence of regulation of relations on the acquisition of the right to a complex object, it should be provided for: an agreement between the person who organized the creation of artificial intelligence and each of the right holders of the result of intellectual activity that is part of artificial intelligence, or a special condition provided for in the agreement on the alienation of the exclusive right to the result of intellectual activity in as part of an artificial intelligence or a license agreement with each right holder. The conclusion is reasoned that the person who organized the creation of artificial intelligence, in the presence of the considered legal grounds, acquires not only the rights to the relevant results of intellectual activity — structural elements of artificial intelligence, but also the right to the entire artificial intelligence as a whole.

Keywords: artificial intelligence, legal personality, the result of intellectual activity, complex object, legal regime, exclusive right to artificial intelligence, agreement on the alienation of the exclusive right, license agreement.

В условиях широкомасштабной цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека одной из актуальных проблем исследования, интересующих многих ученых, в том числе и юристов, стала проблема искусственного интеллекта. Не обошел ее своим вниманием и законодатель, приняв соответствующие нормативные правовые акты. Так, в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий «искусственного интеллекта» в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» (далее — Закон об искусственном интеллекте, Закон № 123-ФЗ) в пп. 2 п. 1 ст. 2 дается следующее определение искусственного

интеллекта: «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Очевидно, что данное определение, с одной стороны, далеко от совершенства юридической техники, а с другой — не имеет отношения к нормативному регулированию, связанному с искусственным интеллектом. Поэтому, видимо, неслучайно существующая в цивилистике понятийная путаница в трактовке искусственного интеллекта не могла не отразиться и на позиции законодателя в этом вопросе. Публикаций по проблеме искусственного интеллекта становится все больше, а вместе с ними увеличивается и количество концептуальных неточностей и ошибок.

Выделим **основные недостатки**, существующие, на наш взгляд, в понимании и трактовке искусственного интеллекта.

Первый недостаток заключается в отсутствии методологии цивилистического исследования. Публикации по искусственному интеллекту грешат цитатничеством из англоязычных текстов, авторы не видят принципиальной разницы между понятиями искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта, хотя законодатель разводит эти понятия (ст. 2 Закона № 123-ФЗ). Рассмотрение вопросов, связанных с искусственным интеллектом, происходит чаще всего с помощью инструментария технических наук, анализ искусственного интеллекта сводится к его технической характеристике, что, на наш взгляд, недопустимо.

Каждая наука имеет свою терминологию для исследования, и, если авторы для юридической характеристики искусственного интеллекта используют понятийный аппарат технических наук, происходит механистическое смешение правовых и технических признаков анализируемого явления, что влечет отсутствие единого доктринального стержня в понимании искусственного интеллекта, абстрактные рассуждения о необходимости соответствующего правового регулирования.

Второй недостаток связан с тем, что многие авторы суть проблемы сводят к выяснению вопроса, является ли искусственный интеллект субъектом права. На данном этапе развития естественно-научного знания утверждать о возможности правосубъектности искусственного интеллекта означает не что иное, как допущение схоластики. Для каждого юриста утверждение о наделении физических и юридических лиц правосубъектностью исключительно в силу закона — базовая непреложная истина. Очевидно, что рассуждения авторов о правосубъектности искусственного интеллекта по аналогии с известными субъектами гражданского права есть не что иное, как вольная, оторванная от законодательных предписаний, субъективная интерпретация, искажающая суть основных положений науки гражданского права².

² См., например: Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о

Более того, имитация искусственным интеллектом когнитивных функций человека вовсе не означает, что искусственный интеллект посредством допускаемой законодателем технической имитации может приблизиться по своим функциям, назначению и оценке «своих» результатов к естественному интеллекту человека. Человечество и близко не подошло к тому, чтобы признавать искусственный интеллект субъектом права.

Суждения авторов о возможности наделения искусственного интеллекта правосубъектностью в настоящее время следует связывать, на наш взгляд, с целым комплексом различных причин (политических, социальных, научных и др.), среди которых необходимо учитывать прежде всего экономическую причину (первопричину), а именно: финансовый, денежный интерес крупного бизнеса, стимулирующий крупнейших производителей высокотехнологичной продукции к поиску новых механизмов активного потребления со стороны населения инновационной продукции в целях господства и контроля на рынках ее производства и сбыта, а также к отысканию новых путей и способов минимизации собственной ответственности перед потребителем³.

Третий недостаток проявляется в том, что часто искусственный интеллект отождествляется с его материальным носителем. Предлагаемые определения искусственного интеллекта как «вещи с функцией искусственного интеллекта»⁴ или «как объектов с искусственным интеллектом или как объектов с полноценным искусственным интеллектом (киберсубъекты)»⁵ вызывают недоумение. Отмеченная ошибка неминуемо приводит к смешению гражданско-правовых режимов вещей и объектов интеллектуальных прав.

Искусственный интеллект как результат творческого интеллектуального труда человека идеален по своей природе. Это означает, что он, чтобы быть воспринимаемым другими лицами, должен быть представлен в объективной, материальной форме. Такой материальной формой для идеальных продуктов, существующих на различных технических устройствах и их системах (компьютер, смартфон, планшет и проч.), является цифровая (электронная) форма, которая позволяет представить любой нематериальный результат интеллектуальной деятельности не в вещественной (предметной) форме напечатанного текста, схемы или изображения, а в иной материальной форме — цифровой, в виде знаков, цифр, программного кода, существующих на особых материальных носителях — современных

правовых режимах // Lex russica. 2019. № 9. С. 85—95 ; Энтин В. Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М. : Статут, 2017.

³ См.: Василювская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. М. : Проспект, 2021. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василювская. С. 50—51.

⁴ См.: Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 75.

⁵ См.: Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. № 4. P. 1231—1287.

способах и средствах хранения идеального результата человеческой деятельности (*BackUp-системы*)⁶.

Для искусственного интеллекта компьютерное устройство — материальный носитель всех заложенных и исполняемых на них программ, существующих в бинарном, двоичном формате — в цифровой форме⁷.

Таким образом, следует различать материальную (цифровую) форму искусственного интеллекта и его материальный носитель. Существовая на материальном носителе, искусственный интеллект может быть внедрен в любой овеществленный объект (космический аппарат, дрон, робототехническое устройство), в человека (кардиостимулятор), в животное (чипированная обезьяна) и проч.

Разграничение цифровой формы и материального носителя искусственного интеллекта имеет важное практическое значение: следует различать право собственности на вещь (материальный носитель) и исключительное право на такой результат интеллектуальной деятельности, как искусственный интеллект. Следовательно, приобретая вещь (материальный носитель искусственного интеллекта) по договору купли-продажи, покупатель не становится правообладателем искусственного интеллекта, т.е. переход права собственности на материальный носитель не означает перехода исключительного права на искусственный интеллект, существующий на материальном носителе⁸.

Таким образом, сравнение искусственного интеллекта с интеллектом человека вряд ли следует признать корректным. На современном этапе развития информационных технологий искусственный интеллект представляет собой сложное программирование, созданное человеком для решения конкретных поставленных задач. В целом с большинством задач искусственный интеллект справляется, не выходя за рамки, обозначенные программистом. Поэтому сравнение его с работой человеческого мозга есть узкое, ограниченное допущение, искажающее саму суть искусственного интеллекта.

По мнению С. А. Соменкова, «в целом проблема создания искусственного интеллекта сводится к максимально точному воспроизведению работы мозга человека с помощью технических средств. Эта задача сможет быть решена с помощью создания нейронных сетей, над созданием которых сейчас активно работают специалисты в области ИИ»⁹.

На наш взгляд, суждения автора относятся к одной из достаточно расхожих и поверхностных по своей сути точек зрения в отношении искусственного интеллекта. Данную позицию в оценке искусственного интеллекта сложно признать верной, поскольку специалисты могут разработать программы и создать инновационный продукт, не ставя перед собой задачу максимально точного воспроизведения работы мозга человека.

⁶ См. подробнее: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Указ. соч. С. 72—73.

⁷ См.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Указ. соч. С. 42.

⁸ См.: *Василевская Л. Ю.* «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта»: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации // *Хозяйство и право.* 2021. № 11. С. 7—8.

⁹ *Соменков С. А.* Указ. соч. С. 78.

Более того, абсолютизация искусственного интеллекта в условиях развития IT-технологий не имеет под собой объективной основы: несмотря на провозглашаемые в публикациях уникальные возможности искусственного интеллекта, связанные с функцией самообучения и поиска решений без заранее заданного алгоритма, следует признать, что искусственный интеллект и ИНС (искусственно-нейронные сети) не являются аналогами интеллекта человека, поскольку современный уровень развития нейронаук — нейрофизиологии, нейробиологии, когнитивной науки, биоинженерии — до сих пор не дает ясных и исчерпывающих представлений о механизме работы человеческого мозга, о функционале интеллекта человека.

При таких обстоятельствах говорить об имитации искусственным интеллектом когнитивных функций человека означает не что иное, как допускать явное искажение сути: в настоящее время уровень развития техники не может даже с помощью уникального высокоточного арсенала средств современной науки создать модель биологических нейронных сетей¹⁰.

В связи с этим обратим внимание на высказывание известного специалиста по компьютерной безопасности Е. Касперского: «Искусственный ли это интеллект у нас на работе? Нет, это просто компьютерные алгоритмы¹¹, в нашем случае очень хорошие, написанные с высочайшим профессионализмом, талантом и любовью к борьбе с кибернегодяйством. Называть это ИИ было бы *умышленной подменой понятий* (курсив мой. — Л. В.)»¹².

Аналогичного мнения придерживается и президент Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» М. Ковальчук, считая, что искусственный интеллект в настоящее время «ничего общего с интеллектом не имеет», «это просто увеличение объема вычислений, это облако»¹³.

Приведенные суждения свидетельствуют о том, что искусственный интеллект — это результат сложного программирования. Следовательно, его создание, как считают IT-специалисты, невозможно без целого комплекса охраняемых законом различных результатов интеллектуальной деятельности (РИД): алгоритмов (ноу-хау), создаваемых для исполнения программ «инструкций» (п. 1 ст. 1465 ГК РФ), изобретений как новых технических решений (п. 1 ст. 1350 ГК РФ), баз данных (п. 1 ст. 1240 и п. 1 ст. 1260 ГК РФ) и др.

Речь идет о сложноструктурном объекте гражданских прав, в котором основным системообразующим элементом, безусловно, выступают компьютерные программы. Каждый из перечисленных элементов охраняется либо авторским правом (программы для ЭВМ), либо патентным правом (изобретения), что же касается алгоритмов (ноу-хау), то законодатель, как известно, предусматривает

¹⁰ См.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 50—51.

¹¹ Автор, на наш взгляд, имел в виду и алгоритмы, и программы, их реализующие.

¹² Евгений Касперский: Никакого искусственного интеллекта пока нет // URL: <https://newizv.ru/comment/2/15-02-2017/252046-evgenij-kasperskij-nikakogo-iskusstvennogo-intellekta-roka-net> (дата обращения: 08.04.2023).

¹³ URL: <https://nauka/17398623> (дата обращения: 09.04.2023).

для них особый режим, отличный от правового режима иных объектов исключительных прав, входящих в структуру искусственного интеллекта¹⁴.

Искусственный интеллект, обладающий новой качественной определенностью, в отличие от входящих в его состав результатов интеллектуальной деятельности, можно рассматривать как сложный объект гражданских прав. Однако такая трактовка не согласуется с позицией законодателя, поскольку норма п. 1 ст. 1240 ГК РФ свидетельствует о закрытом перечне сложных объектов, что, на наш взгляд, противоречит реалиям имущественного оборота в сфере инноваций. Более того, отсутствие искусственного интеллекта в перечне охраняемых РИД (ст. 1225 ГК РФ) свидетельствует о неготовности законодателя к решению давно назревшей проблемы определения юридической природы искусственного интеллекта и его правового режима как объекта интеллектуальных прав.

Если признать «искусственный интеллект» сложным объектом, то механизм распоряжения исключительным правом на сложный объект порождает, как показывают доктрина и практика, немало вопросов. Так, согласно п. 1 ст. 1240 ГК РФ, лицо, организовавшее создание сложного объекта, в составе которого несколько охраняемых РИД, приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие РИД. Применительно к искусственному интеллекту это означает, что лицо, организовавшее создание искусственного интеллекта, приобретает право использования тех РИД, которые вошли в состав искусственного интеллекта (компьютерные программы, алгоритмы, технические решения, базы данных и иные охраняемые РИД). Обратим внимание, что законодатель в ст. 1240 ГК РФ устанавливает изъятия из общих правил о договорах об отчуждении исключительного права и о лицензионных договорах.

Для использования РИД в составе сложного объекта законом изменено основное правило п. 3 ст. 1233 ГК РФ: договор, направленный на распоряжение исключительным правом, по умолчанию считается лицензионным.

Суть изменений состоит в следующем. Во-первых, в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 1240 ГК РФ для приобретения права использования РИД, специально созданного или создаваемого для включения в сложный объект, заключается договор об отчуждении исключительного права, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Следовательно, по этому договору право использования РИД, специально созданного или создаваемого для включения в сложный объект, приобретает лицо, организовавшее создание сложного объекта, именно к организатору переходит в полном объеме исключительное право на определенный РИД в составе сложного объекта. Поскольку данная норма диспозитивная, по согласию между организатором создания сложного объекта и правообладателем созданного или создаваемого для включения в сложный объект РИД может быть заключен лицензионный договор.

Во-вторых, в соответствии с предписаниями ст. 1240 ГК РФ лицензионные договоры на использование результатов интеллектуальной деятельности в составе

¹⁴ Подробнее см.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Указ. соч. С. 77—78, 92—93.

сложного объекта не могут быть ограничены каким-либо сроком (в пределах действия исключительных прав) и не могут содержать условия, ограничивающие права лицензиата на использование объекта договора; такие условия признаются недействительными. По сути, указанное правило направлено на обеспечение предоставления организатору создания сложного объекта всех необходимых для использования этого объекта правомочий. Стороны вправе предусмотреть иные условия, однако при отсутствии какого-либо указания в тексте договора будут применяться не общие положения п. 3 и абз. 2 п. 4 ст. 1235 ГК РФ, а правило абз. 3 п. 1 ст. 1240 ГК РФ.

Исключительное право на РИД, входящий в состав сложного объекта, приобретаемое организатором создания сложного объекта, не следует отождествлять с правом, которое он приобретает в отношении сложного объекта в целом (*право на сложный объект*). Это означает, что, признавая искусственный интеллект сложным объектом, следует выделять единое право на искусственный интеллект, а не только отдельные права на входящие в него различные РИД.

Как указывал В. А. Дозорцев, «при охране только элементов, входящих в состав единого сложного творческого продукта, невозможно использование объекта в целом»¹⁵. По мнению известного цивилиста, речь идет о фикции авторства, которая предусматривается для того, чтобы лицо, организовавшее создание сложного объекта, наделялось правом использования объекта в целом. Таким образом, по мнению данного автора, в этом случае допустимы «условные конструкции, не отражающие реальности», посредством которых обеспечивается достижение конечного результата (создание сложного объекта)¹⁶.

Применительно к созданию искусственного интеллекта эти суждения известного специалиста по интеллектуальной собственности означают, что организатору создания сложного объекта необходимо получить от каждого правообладателя право использования РИД, находящегося в составе сложного объекта по специальным предписаниям ст. 1240 ГК РФ (договор об отчуждении исключительного права или лицензионный договор).

Очевидно, что организатору создания искусственного интеллекта необходимо заключить соответствующий договор и с авторами различных компьютерных программ, и с правообладателями ноу-хау — создателями алгоритмов, и с авторами изобретений, и с иными правообладателями РИД, входящих в состав искусственного интеллекта. Следуя суждениям В. А. Дозорцева, организатор создания искусственного интеллекта приобретает и право использования объекта в целом (*право на сложный объект*).

Регулирование отношений по приобретению права на сложный объект в ГК РФ не предусмотрено. На наш взгляд, в данном случае важно предусмотреть: 1) соглашение между лицом, организовавшим создание искусственного интеллекта, и каждым из правообладателей РИД, входящего в состав искусственного интеллекта как сложного объекта, либо 2) особое условие, предусмотренное в договоре об

¹⁵ См.: Дозорцев В. А. Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2005. С. 153—154.

¹⁶ См.: Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 153—154.

отчуждении исключительного права на РИД в составе искусственного интеллекта или в лицензионном договоре с каждым правообладателем.

Полагаем, что лицо, организовавшее создание искусственного интеллекта, при наличии указанных правовых оснований приобретает не только права на соответствующие РИД — структурные элементы искусственного интеллекта (компьютерные программы, ноу-хау, изобретения и проч.), но и право на весь искусственный интеллект в целом.

Обозначенные нами проблемы и высказанные суждения, полагаем, послужат основой для научной дискуссии по проблемам искусственного интеллекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Василевская Л. Ю.* «Искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации // Хозяйство и право. — 2021. — № 11. — С. 3—19.
2. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика искусственного интеллекта и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. — М. : Проспект, 2021. — Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. — 288 с.
3. *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. — М. : Статут, 2005. — 416 с.
4. *Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С.* Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах // *Lex russica*. — 2019. — № 9. — С. 85—95.
5. *Соменков С. А.* Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2019. — № 2. — С. 75—85.
6. *Энтин В. Л.* Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). — М. : Статут, 2017. — 216 с.
7. *Solum L. B.* Legal Personhood for Artificial Intelligences // *North Carolina Law Review*. — 1992. — Vol. 70. — № 4. — P. 1231—1287.

Технологии искусственного интеллекта¹ в digital-медицине: проблемы теории и правоприменения

Аннотация. Технологии искусственного интеллекта нашли широкое применение при оказании медицинских услуг. Они используются при проведении дистанционных консультаций и консилиумов, очных медицинских вмешательств, при обработке больших объемов информации о пациентах и об их законных представителях. Отношения, связанные с применением технологий искусственного интеллекта при оказании медицинских услуг, не урегулированы должным образом в действующем законодательстве. Доктрина и правоприменительная практика не выработала единых подходов к решению проблем в исследуемой области. Автор, опираясь на положения цивилистической науки, раскрывает особенности и условия применения технологий искусственного интеллекта в digital-медицине. Установлено соотношение понятий «телемедицинские технологии» и «технологии искусственного интеллекта»; big data и технологии искусственного интеллекта. Сделан вывод, что технологии искусственного интеллекта могут быть использованы при оказании медицинских услуг только после получения от пациента (его законного представителя) соответствующего добровольного информированного согласия. Проанализировано содержание согласия на обработку биометрических данных и согласия на раскрытие врачебной тайны. **Ключевые слова:** технологии искусственного интеллекта, искусственный интеллект, телемедицинские технологии, big data, врачебная тайна, персональные данные пациента, биометрические данные пациента, согласие, оказание медицинских услуг, осуществление медицинской деятельности.

Екатерина Борисовна ПОДУЗОВА,

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
ekaterinak7785@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.041-048

Ekaterina B. PODUZOVA,

Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor

ekaterinak7785@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Technologies of artificial intelligence in digital medicine: problems of theory and law enforcement

Abstract. Artificial intelligence technologies have found their wide application in the provision of medical services. They are used during: remote consultations and consultations; face-to-face medical interventions; processing

¹ Автор считает, что искусственный интеллект — это условный термин и должен использоваться в кавычках.

large amounts of information about patients and their legal representatives. Relations related to the use of artificial intelligence technologies in the provision of medical services are not properly regulated in the current legislation. The doctrine and law enforcement practice have not developed common approaches to solving problems in the area under study.

Based on the provisions of civil science, the features and conditions for the use of artificial intelligence technologies in digital medicine are revealed. The relationship between the concepts of telemedicine technologies and artificial intelligence technologies has been established; big data and artificial intelligence technologies. It is concluded that artificial intelligence technologies can be used in the provision of medical services only after receiving from the patient (his legal representative) the appropriate voluntary informed consent. The content of consent to the processing of biometric data and consent to the disclosure of medical confidentiality was analyzed.

Keywords: *technologies of artificial intelligence, artificial intelligence, telemedicine technologies, big data, medical confidentiality, personal data of the patient, biometric data of the patient, consent, provision of medical services, implementation of medical activities.*

Актуальность проблемы

Технологии искусственного интеллекта становятся все более востребованными объектами для современного гражданского оборота и экономики. Сложно найти сферу общественной жизни, в которой бы не применялись данные объекты, и оказание медицинских услуг не является исключением. Особенно востребовано в федеральных медицинских центрах проведение телемедицинских консультаций.

Бесплатные телемедицинские консультации проводят специалисты Национального медицинского исследовательского центра акушерства, гинекологии и перинатологии имени академика В. И. Кулакова в рамках проекта «Облако здоровья»². Телемедицинские консультации проводятся и медицинскими работниками Морозовской детской городской клинической больницы Департамента здравоохранения города Москвы³.

Пациенты и их законные представители передают медицинскую информацию в базы и банки данных, функционирующие с помощью искусственного интеллекта (*big data*). Для оказания медицинских услуг медицинские организации используют технологии искусственного интеллекта, воплощенные в робототехнических

² См.: Бесплатные телемедицинские консультации // URL: https://ncagp.ru/index.php?t8=200&pr_p_razdel=0&pr_p_object=383& (дата обращения: 02.04.2023).

³ Государственное бюджетное учреждение здравоохранения города Москвы «Морозовская детская городская клиническая больница Департамента здравоохранения города Москвы» // URL: <https://xn--90adclrioar.xn--p1ai/telemedicine/> (дата обращения: 03.04.2023).

устройствах⁴ (РТУ). Рассмотрим теоретические и практические проблемы применения технологий искусственного интеллекта в digital-медицине.

Технологии искусственного интеллекта: особенности правовой природы

В подпунктах 2, 3 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»⁵ дано легальное определение искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта. И искусственный интеллект, и технологии искусственного интеллекта квалифицируются как систематизированная определенным образом совокупность технически сложных объектов — результатов интеллектуальной деятельности, воплощенных на материальных носителях (компьютере, смартфоне, РТУ и др.).

Несмотря на обозначенный законодателем подход к определению правовой природы и правового режима данных объектов, в цивилистической доктрине не выработано единого мнения по данной проблеме. Искусственный интеллект ошибочно определяется в качестве субъекта или квазисубъекта гражданского права («цифрового» лица)⁶. В доктрине искусственный интеллект некорректно квалифицируется и в качестве вещи⁷.

Обоснование правосубъектности искусственного интеллекта с помощью существования цифровой проекции лица в информационной системе представляется неверным по ряду причин. Цифровая проекция личности законодательно не признается, а без этого невозможно установить юридическую связь между субъектом права и его цифровой проекцией. Утверждать о наличии правовой связи цифровой проекции личности и искусственного интеллекта также не

⁴ Например, робот-хирург da Vinci. Робот-ассистированная хирургическая система da Vinci (англ. da Vinci Surgical System) — аппарат для проведения хирургических операций. Состоит из двух блоков, первый предназначен для хирурга-оператора, а второй — четырехрукий робот-манипулятор — является исполнительным устройством (URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/da_vinci_\(робот-хирург\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/da_vinci_(робот-хирург))) (дата обращения: 03.04.2023).

⁵ URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 24.04.2020.

⁶ См.: *Dremluga R. I., Mamychев A. Yu., Dremluga O. A., Matyuk Yu. S. Artificial intelligence as a subject of law: pros and cons // Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values. 2019. Т. 7. № 1. Р. 127 ; Дремлюга Р. И., Дремлюга О. А. Искусственный интеллект — субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 120—125 ; Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / под ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2021. § 10 главы 1 (авторы параграфа — И. Н. Тарасов и И. Н. Спицин).*

⁷ См.: *Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 82.*

представляется возможным. Подобное утверждение является несостоятельным аргументом в пользу признания статуса субъекта за искусственным интеллектом. Такие «субъекты» права могут быть использованы злоумышленниками в целях совершения преступлений.

Ни искусственный интеллект, ни технологии искусственного интеллекта не могут быть квалифицированы в качестве вещей, поскольку они по своей правовой природе являются интеллектуальной собственностью⁸. Согласно п. 1 ст. 1227 ГК РФ «интеллектуальные права не зависят от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель (вещь)». Отрицание взаимосвязи гаджетов, РТУ с искусственным интеллектом, технологиями искусственного интеллекта означает применение упрощенного подхода к определению их правовой природы.

Л. Ю. Василевская, разграничивая понятия «искусственный интеллект» и «технология искусственного интеллекта», обращает внимание на следующие отличия между ними:

- 1) материальным носителем технологии искусственного интеллекта выступает РТУ, материальным носителем искусственного интеллекта являются компьютер, смартфон, планшет и др.;
- 2) в отличие от искусственного интеллекта, в состав технологии искусственного интеллекта могут быть включены готовые результаты интеллектуальной деятельности⁹.

В развитие обозначенного автором подхода отметим, что в технологию искусственного интеллекта могут входить не один, а несколько различных по своей целевой направленности инновационных продуктов. Например, помимо искусственного интеллекта, отвечающего за функционирование отдельных элементов РТУ, в состав технологии искусственного интеллекта может быть включен искусственный интеллект, отвечающий за координацию синхронного функционирования отдельных частей РТУ. В качестве охраноспособного элемента технологии искусственного интеллекта выступает алгоритм (алгоритмы) взаимодействия всех ее элементов — ранее созданные результаты интеллектуальной деятельности и интеллектуальная собственность, созданная специально для конкретной технологии искусственного интеллекта.

Специфика применения технологий искусственного интеллекта в digital-медицине

К технологиям искусственного интеллекта, применяемым в цифровой медицине, на наш взгляд, относятся телемедицинские технологии¹⁰, *big data* (база данных, об-

⁸ См. об этом также: *Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B.* “Artificial intelligence” technologies in the mechanism of contractual regulation in the Russian Federation // *Kutafin law review*. 2022. № 2. Т. 9. С. 343—354.

⁹ См.: *Василевская Л. Ю.* «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта»: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации // *Хозяйство и право*. 2021. № 11. С. 3—18.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Пп. 22 п. 1 // *СЗ РФ*. 2011. № 48. Ст. 6724.

рабатывающая с помощью искусственного интеллекта большие объемы медицинской информации), а также технологии искусственного интеллекта, воплощенные в РТУ, применяемые для совершения медицинских вмешательств. Использование технологий искусственного интеллекта в digital-медицине предполагает получение: *согласия на обработку персональных и биометрических данных пациента* (его законного представителя); *согласия на использование изображения пациента* (его законного представителя); *согласия на раскрытие врачебной тайны*.

Обратим внимание, что в законодательстве¹¹ не разграничиваются понятия «персональные данные пациента» и «информация, составляющая врачебную тайну». Пациент (его законный представитель) дает согласие на обработку этих сведений как персональных данных в целях оказания ему медицинских услуг. Для обработки персональных данных требуется их предоставление, однако действия по их предоставлению не нашли отражения в требованиях к содержанию согласия, закрепленных в ст. 9 Федерального закона «О персональных данных». По нашему мнению, пациент (его законный представитель) должны выражать *согласие на предоставление и обработку персональных данных*, а не только на их обработку.

Следует поддержать подход законодателя, нашедший свое отражение в положениях Федерального закона от 29.12.2022 № 572-ФЗ¹², согласно которому от гражданина требуется *согласие на размещение и обработку биометрических персональных данных* в единой биометрической системе.

В пункте 1 ст. 9 Закона «О персональных данных» предусмотрены определенные признаки согласия на обработку персональных данных. Требования к обязательной письменной форме этого согласия в законодательстве не предусмотрено, допустимо включение согласия на обработку персональных данных в текст другого документа. На практике допускается дача согласия на обработку персональных данных в форме конклюдентных действий. Совершение согласия на обработку персональных данных в устной форме либо в форме конклюдентных действий, включение согласия в текст иного документа не соответствуют признакам этой односторонней сделки.

Биометрические данные пациента являются информационным элементом *big data* в сфере digital-медицины. Это понятие не имеет своего легального определения. Применению подлежит общая дефиниция биометрических персональных данных, закрепленная в п. 1 ст. 11 Закона «О персональных данных». Биометрические данные пациента обрабатываются только с его согласия, при этом используется общая форма согласия на обработку персональных данных¹³.

¹¹ См.: Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

¹² Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru>, 29.12.2022.

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 30.06.2018 № 1322-р (ред. от 20.10.2021) «Об утверждении формы согласия на обработку персональных данных, необходимых для

Предоставление и обработка биометрических данных не являются обязательными для физического лица¹⁴, исключение составляют случаи, предусмотренные в п. 2 ст. 11 Закона «О персональных данных».

В области digital-медицины биометрические данные не только обрабатываются оператором, но и транслируются для достижения научных и образовательных целей. На наш взгляд, в этой ситуации необходимо получить отдельное согласие пациента (его законного представителя) на распространение информации, содержащей биометрические данные, с указанием перечня слушателей (к примеру, на трансляцию для неограниченного круга лиц либо для лиц из согласованного с пациентом закрытого списка) и целей распространения.

Ряд сведений, характеризующих физиологические и биологические особенности пациента (его законного представителя), не относятся к врачебной тайне (ст. 13 Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Например, в ходе аудио-, видеозаписи проведения телемедицинской консультации передаются, обрабатываются и хранятся в информационных системах биометрические данные, являющиеся сведениями об оцифрованном изображении гражданина¹⁵ (пациента, его законного представителя).

Обратим внимание, что Верховный Суд РФ не признает исключительное право гражданина на его изображение¹⁶. В пункте 1 ст. 152.1 ГК РФ предусмотрено, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина являются правомерными только при наличии согласия этого гражданина или определенного круга наследников¹⁷, исключение составляют случаи реализации публичного интереса¹⁸.

регистрации гражданина Российской Федерации в единой системе идентификации и аутентификации, и биометрических персональных данных гражданина Российской Федерации в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См. об этом также: Закон о биометрических данных. П. 12 ст. 3.

¹⁵ О правовой природе изображения гражданина см.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: Big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. М. : Проспект, 2023. Т. 5 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. § 1 (автор параграфа — Л. Ю. Василевская).

¹⁶ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ В судебной практике отмечается, что согласие на обнародование изображения гражданина должно быть получено в том случае, когда оно является основным объектом использования. См.: апелляционное определение Московского областного суда от 30.06.2014 по делу № 33-14128/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2019 года (утвержден решением Конституционного Суда РФ от 25.04.2019). П. 17 ; определение Конституционного Суда РФ от 12.02.2019 № 274-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации» ;

Так, например, если медицинская организация намерена разместить на своем сайте изображение гражданина в целях демонстрации положительного эффекта медицинского вмешательства, с пациента (его законного представителя) должно быть взято согласие на обнародование изображения, а также согласие на раскрытие врачебной тайны посредством публикации на сайте информации о результатах медицинского вмешательства в форме оцифрованной фотографии пациента.

В судебной практике незаконное обнародование изображения пациента квалифицируется как разглашение врачебной тайны. Судом не принимается во внимание нарушение недобросовестным субъектом (медицинским работником, обнародовавшим в социальных сетях изображение несовершеннолетнего пациента) норм ст. 152.1 ГК РФ. Так, в областном суде Оренбурга рассматривалось дело об обнародовании изображения ребенка без получения согласия его законного представителя (ст. 152.1 ГК РФ)¹⁹.

В результате разглашения биометрических данных пациента и (или) размещения в публичном доступе его изображения пациенту причиняется моральный вред, в некоторых ситуациях — и имущественный вред. По утверждению М. В. Кратенко и В. П. Мороза «бремя доказывания морального вреда, так же, как и причиненного имущественного вреда, несет потерпевший»²⁰.

Определяя предмет доказывания по искам о компенсации морального вреда, Верховный Суд РФ презюмирует факт причинения морального вреда пациенту в результате причинения вреда его здоровью; установлению подлежит лишь размер компенсации²¹. В иных случаях такая презумпция отсутствует²².

постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 44 ; постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.10.2012 № 61 (ред. от 04.04.2014) «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе». П. 7 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации». П. 25 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: постановление Оренбургского областного суда от 09.02.2018 № 4а-45/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Кратенко М. В., Мороз В. П. Проблемы доказывания в медицинских спорах: сравнительный анализ права России, Беларуси и стран Евросоюза // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 4. С. 766—789.

²¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». Абз. 2 п. 32 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». Абз. 3 п. 32 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». П. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». Абз. 3 п. 32.

Выводы и предложения

Анализ законодательства, доктрины и правоприменительной практики в части использования технологий искусственного интеллекта в digital-медицине позволяет сделать следующие выводы.

1. К технологиям искусственного интеллекта, применяемым в digital-медицине, относятся телемедицинские технологии, big data, технологии искусственного интеллекта, воплощенные в РТУ.

2. Использование технологий искусственного интеллекта в digital-медицине предполагает получение согласия на обработку персональных и биометрических данных пациента (его законного представителя); размещение изображения пациента (его законного представителя); раскрытие врачебной тайны.

3. Данное согласие является односторонней сделкой, предполагающей явно выраженную волю пациента (его законного представителя) на совершение определенных действий. Эта воля не может быть подразумеваемой либо следовать из обстановки.

4. В результате разглашения биометрических данных пациента и (или) размещения в публичном доступе его изображения пациенту причиняется моральный вред. Бремя доказывания факта причинения морального вреда возложено на пациента.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / под ред. В. В. Яркова. — М. : Статут, 2021. — 738 с.
2. Василевская Л. Ю. «Искусственный интеллект» и технологии искусственного интеллекта: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации // Хозяйство и право. — 2021. — № 11. — С. 3—18.
3. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: Big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. — М. : Проспект, 2021. — Т. 5. — 309 с.
4. Дремлюга Р. И., Дремлюга О. А. Искусственный интеллект — субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 2. — С. 120—125.
5. Кратенко М. В., Мороз В. П. Проблемы доказывания в медицинских спорах: сравнительный анализ права России, Беларуси и стран Евросоюза // Вестник Пермского университета. — Юридические науки. — 2021. — № 4. — С. 766—789.
6. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 2. — С. 75—85.
7. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B. “Artificial intelligence” technologies in the mechanism of contractual regulation in the Russian Federation // Kutafin Law Review. — 2022. — № 2. — Т. 9. — С. 343—354.
8. Dremluga R. I., Mamychev A. Yu., Dremluga O. A., Matyuk Yu. S. Artificial intelligence as a subject of law: pros and cons // Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values. — 2019. — Т. 7. — № 1.

Влияние имплантируемых киберфизических систем на гражданскую правосубъектность физического лица

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможных изменений в правосубъектности физического лица, которому имплантирована киберфизическая система. При имплантации КФС могут быть затронуты все элементы правосубъектности. Основное влияние КФС (особенно использующая технологии сильного искусственного интеллекта) оказывает на дееспособность физического лица, потому что КФС может влиять на волю и волеизъявление физического лица. Обозначение КФС как *persona* гражданского права видится преждевременным. Последствия имплантации КФС должны зависеть от типа КФС, потому что в случае с неавтономным КФС влияние на правосубъектность является незначительным. Если же применена КФС с полностью автономным искусственным интеллектом, есть риск возникновения конфликта интересов ИИ и человека, которому имплантирована КФС. Такая ситуация требует законодательного регулирования, в том числе определения субъекта ответственности и механизмов защиты третьих лиц. Одним из таких механизмов видится обязательное раскрытие информации об имплантированных КФС. В статье также рассмотрена возможность признания физического лица с КФС комплексным субъектом.

Ключевые слова: киберфизическая система, правосубъектность физического лица, комплексный субъект.

Алексей Владимирович АНИСИМОВ,

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
avanisimov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.049-057

Alexey V. ANISIMOV,

Associate professor of the Chair of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

avanisimov@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya Moscow, Russia, 125993

The impact of implantable cyber-physical systems on the civil legal personality of an individual

Abstract. The article is devoted to the study of possible changes in the legal personality of an individual with implanted cyber-physical system. When CPS is implanted, all elements of legal personality can be affected. The main impact of the CPS (especially those using strong artificial intelligence technologies) is on the legal capacity of an individual because the CPS can

© Анисимов А. В., 2023

influence the will of an individual. The identification of the CPS as a persona of civil law seems to be premature. The consequences of CPS implantation should depend on the type of CPS, because in the case of non-autonomous CPS, the impact on legal personality is negligible. In the case of a CPS with a fully autonomous artificial intelligence, there is a risk of a conflict of interest between the AI and the person who has the CPS implanted. This situation requires legislative regulation, including the definition of the subject of responsibility and mechanisms for protecting third parties. One of such mechanisms seems to be the mandatory disclosure of information about implanted CPSs. The article also considers the possibility of recognizing an individual with CPS as a complex entity.

Keywords: *cyber-physical system, legal personality, complex subject.*

Введение

Для понимания влияния киберфизических систем на гражданскую правосубъектность прежде всего необходимо сформулировать понятие киберфизической системы (англ. cyber-physical system) (далее — КФС). КФС — это система, предполагающая интеграцию вычислительных ресурсов в физическую структуру, в том числе и человека¹.

Киберфизическая система, имплантируемая человеку, представляет собой сложное медицинское изделие, носящее временный или постоянный характер, чаще всего неотделяемое. КФС на данном этапе развития техники использует только некоторые возможности технологий искусственного интеллекта (ИИ). Однако потенциал использования данной технологии предполагает, что в скором времени появятся КФС с полным набором технологии ИИ.

В теории гражданского права правосубъектность распадается на три элемента: правоспособность, дееспособность, деликтоспособность (иногда выделяется сделкоспособность как элемент дееспособности)². Предметом рассмотрения данного исследования является возможность влияния КФС на правосубъектность лица, которому она имплантируется.

КФС как persona в гражданском праве

Правоспособность физического лица не должна зависеть от имплантации ему КФС. Однако ограничение правоспособности допускается согласно п. 3 ст. 55 Конституции РФ посредством принятия федерального закона в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности,

¹ Cyber-Physical Systems: From Theory to Practice / D. Rawat, J. Rodrigues, I. Stojmenovic. CRC Press, 2016. ISBN 978-1-4822-6333-6.

² Подробнее см.: Ермолаева Т. А., Ананьева А. А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания // Lex russica. 2019. № 12. С. 9—18.

здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В целом это положение дает законодателю возможность ограничить права лиц с имплантированным КФС в том случае, если КФС будут оказывать существенное влияние на здоровье граждан, а также угрожать правам и интересам других лиц.

Если представить утопический сценарий, в котором КФС смогут влиять на поведение лиц, которым они имплантированы, законодательно потребуется определение отдельного статуса таких лиц, но определение такого статуса будет лежать уже вне гражданско-правовой плоскости, а скорее — в плоскости конституционного права и основ законодательства, а также, возможно, соматических прав. Но ограничение прав не должно нарушать общие права человека, т.е. поражение в определенных правах может быть компенсировано через другие институты, например институт представительства.

Важным аспектом данной проблематики является использование КФС с технологиями искусственного интеллекта разной степени автономности. Так, можно говорить об автономных и полуавтономных КФС. Автономные КФС могут использовать все технологии так называемого «сильного ИИ» (strong AI). При применении автономных КФС необходимо говорить об изменении статуса субъекта в силу того, что потенциально субъектом может быть признан ИИ, у которого должны быть все элементы правосубъектности.

Возможности появления ИИ как отдельного субъекта пока достаточно призрачны, но все же необходимо рассматривать и такой сценарий. Однако на данном этапе технического развития кажется целесообразным рассматривать в качестве субъекта только человека, которому имплантирована автономная КФС.

В резолюции Европарламента от 16.02.2017³ о применении норм гражданского законодательства к роботам предлагает рассмотреть вариант появления электронных лиц в случае использования сильного ИИ. Возможность появления электронного или цифрового лица отсылает нас к самому понятию лица в праве.

Вопросы понятия лица в праве и статуса робота как лица рассматривались в работах Г. А. Гаджиева и Е. А. Войниканис⁴. В рамках исследования авторы обращаются к ряду трудов римских цивилистов, в которых подчеркивается, что «юридическая личность» и сам человек римскими юристами никогда не отождествлялись: слово *persona* использовалось с глаголами «носить», «представлять», «исполнять», «сохранять» (*gerere, tenere, sustinere, suscipere* и т.п.), но никогда не употреблялось с глаголом «быть».

Представление о том, что юридическая маска и человек, который ее носит, — одно и то же, закрепилось в европейской юриспруденции только в XIX в., во многом благодаря теории фикций Ф. К. фон Савиньи, основанной на тезисе, что «действительными субъектами права могут быть только живые люди». То есть

³ Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16.02.2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). EP reference number: P8_TA (2017)005.

⁴ Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24—48.

употребление термина «лицо» не всегда сводится к человеку, поэтому робот также может признаваться лицом в определенных ситуациях.

Persona является многозначным словом, так как его можно понимать и как лицо, и как маску⁵. В первом смысле persona отождествлялось с людьми (раб по этой классификации в римском праве, например, не был persona), а во втором смысле этот термин отражает его юридическую природу, а не антропологическую, биологическую сущность (и поэтому этот термин можно применить к юридическим лицам).

Очевидно, что субъект права не всегда совпадает с конкретным физическим лицом. Так, субъектами права могут выступать еще не родившиеся дети (наситурусы), юридические лица, государственные органы. Даже вещи в ряде зарубежных правовых порядков иногда выступали в качестве субъекта, например, корабли признавались юридическим лицом⁶. При этом важно, что статус лица был необходим не столько для определения действий самого лица, сколько для регулирования отношений других лиц с ним.

С понятием persona во всех теоретических рассуждениях всегда связаны два понятия: воля и интерес. При наличии воли и интереса можно говорить о субъектности ИИ. В случае симбиоза человека и автономной КФС происходит слияние двух субъектов в один. О. А. Ястребов⁷ указывал, что существует опасность создания «философского зомби», системы, которая достаточно реалистично имитирует человеческое общение, но в то же время не обладает самосознанием и самоидентификацией.

Воля как правовая категория используется в большинстве отраслей права. Чаще всего под волей понимается психическое отношение субъекта к совершаемым действиям, стремление к наступлению определенных последствий и т.д.⁸ Очевидно, что воля в рамках гражданского права обнаруживает себя чаще всего в сделках. Также для гражданского права воля может проявляться в вине субъекта, т.е. в осознании и желании наступления определенных последствий.

Можно спорить о философских понятиях свободы воли или предопределенности, но для права очевидна необходимость воли для определения самостоятельности субъекта. Так, пороки воли в праве всегда имеют последствием для субъекта исключение его из правоотношения (например, признание сделки недействительной⁹). Можно предположить, что ИИ может выступать в правоотношениях с позиции субъекта тогда, когда будет существовать однозначная уверенность в автономии его воли, но и в такой ситуации целесообразно рассматривать вопрос не о наделении ИИ правосубъектностью, а о развитии инструментов

⁵ Спекторский Е. В. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 72—73

⁶ U. S. Supreme Court. *Tucker v. Alexandroff*, 183 U.S. 424 (1902). *Tucker v. Alexandroff*. No. 303. January 6, 1902. 183 U. S. 424.

⁷ Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2. Т. 13. С. 42.

⁸ См., например: Лазарева О. В. Понятие и структура воли: правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4.

⁹ ГК РФ. Ст. 177, 179.

регулирования общественных отношений между классическими субъектами права с учетом степени автономности ИИ.

Другой важной характеристикой субъекта является наличие интереса. Некоторые ученые указывают на возможность использования ИИ как агента¹⁰, тогда робот будет руководствоваться интересом своего принципала. Наличие собственных интересов у КФС можно предположить только при использовании сильного ИИ.

Дееспособность выражается в способности лица своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их¹¹. Имплантация КФС может существенно повлиять на дееспособность лица только в том случае, если мы допускаем, что КФС может повлиять на волю лица и на его психическое состояние / отношение к своим действиям.

Если КФС не влияет на поведение лица (например, если КФС используется для мониторинга и сбора данных, т.е. перемещения данных от человека к элементам КФС), должны применяться общие нормы о дееспособности физического лица. Если же движение данных и взаимодействие с КФС являются двусторонними, то в данном случае логично поставить вопрос о том, насколько субъект обладает свободой воли и независимости и не влияет ли КФС на формирование воли субъекта. В таком случае может встать вопрос о том, необходимы ли данному лицу помощь и контроль со стороны других лиц, как, например, при ограничении дееспособности или при частичной дееспособности лиц, не достигших 18 лет (по модели опеки и попечительства в смысле ст. 31 и 32 ГК РФ).

Очевидно, что на данном этапе еще рано признавать КФС отдельным лицом. Ключевым моментом является защита прав как лица, которому КФС имплантирована, так и лиц, которые с ним взаимодействуют. Возможность имплантируемых КФС полностью заменить процесс формирования воли у лица является спорной и с этической, и с правовой точек зрения. При этом следует учитывать, что разработка полностью автономных имплантируемых КФС в настоящее время возможна, скорее, в теоретическом, но не в практическом плане.

КФС и сделкоспособность

Интересным представляется и вопрос о влиянии имплантированных КФС на статус сделок, совершенных лицом с КФС. Необходимо ли в законодательстве предусматривать потенциальное неравенство лиц в сделке в случае, если одна сторона является носителем КФС, а также соответствующие механизмы юридического «выравнивания»? На наш взгляд, такого изменения законодательства не потребуется, если на момент совершения сделки будут очевидны и прозрачны формирование воли и волеизъявление каждой из сторон.

Однако возможно установить в законодательстве необходимость раскрытия информации о наличии автономной КФС в теле одной из сторон, чтобы другая

¹⁰ Михалева Е. С., Шубина Е. А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 26—35.

¹¹ ГК РФ. Ст. 21.

сторона обладала всей полнотой информации о процессе волеобразования у контрагента. Имплантирование полностью автономных систем человеку окажется возможным только в будущем. Поэтому на данном этапе развития и внедрения имплантируемых КФС необходимости в закреплении отдельных положений о сделках, совершенных лицами с имплантируемыми КФС, нет, однако этот вопрос, безусловно, заслуживает внимания в контексте дальнейшей разработки темы исследования.

По аналогии со ст. 177 ГК РФ сто́ит предусмотреть возможность признания сделок недействительными в связи с наличием КФС у одной из сторон в том случае, если КФС могло повлиять на волеизъявление стороны, как механизм, способствующий предотвращению потенциальных злоупотреблений. Самостоятельность воли лица как элемент сделки является существенной для определения действительности такой сделки. Поэтому при возможности КФС влиять на волю лица вопрос об оспаривании сделок станет насущной проблемой.

КФС и деликтоспособность

Для определения деликтоспособности лица с имплантированной КФС необходимо опять же отталкиваться от автономии воли такого лица. Существенным элементом ответственности физического лица является вина, которая неразрывно связана с понятием воли. Можно отметить, что наличие собственных воли и интереса не всегда отличают субъекта от объекта, но чаще всего являются необходимыми элементами для применения норм об ответственности.

Перенос ответственности на КФС может означать только признание такой системы отдельным субъектом права, что в настоящее время не представляется возможным. Наличие у субъекта имплантированной КФС, на наш взгляд, не должно освобождать его от ответственности. Можно сравнить это с другим гражданско-правовым институтом — ответственностью за вред, причиненный источником повышенной опасности. Так, КФС может быть признана таким источником в том случае, когда ее элементы оказывают влияние на поведение человека.

Носитель автономной КФС с сильным ИИ может рассматриваться как *sui generis* — симбиоз двух субъектов, и в такой ситуации необходимо разрабатывать отдельные подходы к регулированию его ответственности. Но если не признавать ИИ особым субъектом, то КФС должна рассматриваться как объект, инструмент субъекта.

Резолюцией Европарламента от 16.02.2017¹² определены две модели ответственности, которые потенциально могут быть использованы для определения ответственности робота:

- 1) ответственность независимо от вины;
- 2) риск-ориентированный подход, когда ответственным признается то лицо, которое способно было минимизировать риск.

¹² Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16.02.2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). EP reference number: P8_TA (2017)005.

Резолюция закрепляет, что в настоящее время необходимо руководствоваться принципом ответственности человека, а не робота, но при этом указывает, что проблема ответственности является сложной и требует учета развития техники, учета автономности робота, детально изучать, возник ли вред вследствие использования роботом навыков, заложенных разработчиками, или эти навыки были приобретены роботом самостоятельно в процессе самообучения.

КФС и физическое лицо как комплексный субъект

Надивидуальные субъекты в литературе обозначаются как коллективные субъекты (иногда комплексные). В. Базаров пишет, что комплексный субъект гражданского права — это системное образование с заранее определенными целями либо без таковых, функционирующее в сфере имущественных и личных неимущественных правоотношений, действующее на постоянной либо временной основе, правомочное принимать определенные решения внутреннего организационного характера и решения, касающиеся внешней сферы деятельности, имеющее представительские органы либо уполномоченного представителя воли и интересов такого объединения¹³.

К признакам таких субъектов В. Базаров относит среди прочего системность, компетенцию, волевой признак, темпоральный признак, признак юридической ответственности. Несмотря на то, что рассмотрение комплексных субъектов больше сводится к определению статуса имущественного комплекса, данная концепция является интересной при исследовании симбиоза человека и автономной КФС, построенной на основе искусственного интеллекта.

Коллективные субъекты давно известны праву как в публичной области (народы, этносы), так и в частной (юридические лица). В случае КФС, как пишет А. М. Пономарев, механика конструирования такого рода субъекта может быть сведена к нескольким шагам:

- 1) юридические субъекты формируются как экстраполяция на едином логическом основании в правовое поле характеристик разнородных социальных субъектов (в случае КФС — ИИ признается автономным субъектом права, сходным с человеком);
- 2) юридическими нормами приписываются отношения этим логически сконструированным юридическим субъектам (КФС и человек признаются сложным субъектом);
- 3) восстановление справедливости юридическими средствами есть восстановление юридического статуса субъектов, признаваемых равными в связи с конструированием на едином логическом основании;
- 4) восстановление социальной справедливости есть верификация обосновываемых логико-дискурсивным способом притязаний социального актора на статус определенного юридического лица¹⁴.

¹³ Базаров В. Б. Понятие комплексных субъектов российского гражданского права // Власть. 2014. № 1. С. 121—124.

¹⁴ Пономарев А. М. Юридический субъект в качестве идеального конструкта... // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4—4. С. 62—63.

Признание коллективного субъекта субъектом права не всегда связано с его статусом юридического лица. Честь и достоинство присущи не только единичному субъекту, но и коллективному (например, честь коллектива). Как указывает Е. В. Лоос, для защиты коллективных субъектов требуется разработка специфического понятийного аппарата¹⁵. Для статуса носителя КФС признание таких коллективных субъектов служит подтверждением потенциальной возможности создания новой категории со своим понятийным аппаратом.

В настоящее время возможность признания лица с имплантированной автономной КФС коллективным субъектом видится преждевременной и спорной, потому что еще не существует возможности признания субъектом самой КФС. При этом необходимо отметить, что в целом такое развитие законодательства не является желательным по причинам, которые были рассмотрены выше.

Возможности дальнейших исследований

Изменение статуса лица с КФС в рамках гражданского права возможно только в случае, когда КФС заменяет определенные мыслительные функции и может влиять на формирование воли и волеизъявления лица, а также на его психическое отношение к происходящему. В случае, когда КФС не оказывает такого влияния, статус этого лица не должен совершенно отличаться от лица без КФС. До тех пор, пока КФС не будет являться полностью автономной, нет необходимости в создании отдельного лица и уточнении его правового статуса. Дальнейшие исследования влияния КФС на правосубъектность могут быть посвящены различным типам КФС с сильным ИИ. В этом случае основными будут вопросы сделкоспособности и деликтоспособности такого субъекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Базаров В. Б.* Понятие комплексных субъектов российского гражданского права // *Власть*. — 2014. — № 1. — С. 121—124.
2. *Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А.* Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2018. — № 4. — С. 24—48.
3. *Ермолаева Т. А., Ананьева А. А.* Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания // *Lex russica*. — 2019. — № 12. — С. 9—18.
4. *Лазарева О. В.* Понятие и структура воли: правовой аспект // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. — 2019. — № 4.
5. *Лоос Е. В.* К вопросу о чести и достоинстве коллективных субъектов // *Алтайский юридический вестник*. — 2017. — № 3. — С. 43—46.

¹⁵ *Лоос Е. В.* К вопросу о чести и достоинстве коллективных субъектов // *Алтайский юридический вестник*. 2017. № 3. С. 43—46.

6. Михалева Е. С., Шубина Е. А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 3. — С. 26—35.
7. Пономарев А. М. Юридический субъект в качестве идеального конструкта... // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2011. — № 4—4. — С. 62—63.
8. Спекторский Е. В. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. — 1913. — Кн. 2. — С. 72—73.
9. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — № 2. — Т. 13.

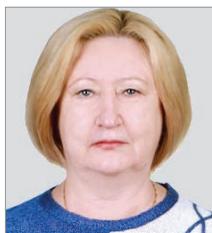
Семейно-правовые отношения

Проблемы субъектов и правосубъектности в семейном праве

**Владимира
Владимировна
ДОЛИНСКАЯ,**

профессор кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
член Научно-консультативного
совета
при Верховном Суде РФ,
доктор юридических наук,
профессор
vvdolinskaja@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Светлана
Александровна
МУРАТОВА,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук,
доцент
samuratova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. В семейном законодательстве, в отличие от гражданского, субъекты правоотношений прямо не поименованы. Помимо разрозненности норм, касающихся субъектов семейных правоотношений, проблему представляет мобильность состава лиц, обусловленная эволюцией общества и права. Проведен сравнительный анализ норм права и доктринальных позиций, в результате чего выделены различные классификации субъектов семейных правоотношений, обосновано включение в их число организаций и публично-правовых образований, семьи как квазиправосубъектного образования.

В результате введения института приемной семьи появились новые специальные субъекты семейных правоотношений — приемные дети и приемные родители. В связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий поднят вопрос о квалификации в качестве субъектов семейных правоотношений потенциальных родителей, донора спермы и суррогатной матери. Существует проблема правовой квалификации эмбриона. Выявлены проблемы, связанные с правосубъектностью участников семейных правоотношений: смешение брачной и семейной правосубъектности, отсутствие отдельных норм о семейной правоспособности и дееспособности и др. Обосновано, что объем семейной правосубъектности меняется в зависимости от возраста, ряда других юридических фактов, в том числе иной отраслевой природы; он связан с целеполаганием осуществления прав и исполнения обязанностей.

Ключевые слова: семейная дееспособность, семейная правоспособность, семейные правоотношения, семья, специальные субъекты семейных правоотношений, члены семьи.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.058-067

Vladimira V. DOLINSKAYA,

*Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

*Member of the Scientific Advisory Board
of the Supreme Court of the Russian Federation,*

Dr. Sci. (Law), Professor

vvdolinskaja@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Svetlana A. MURATOVA,

*Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

samuratova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Problems of subjects and legal personality in family law

Abstract. *In family legislation, unlike civil legislation, the subjects of legal relations are not directly named. In addition to the disparity of norms concerning subjects of family legal relations, the mobility of the composition of such persons, due to the evolution of society and law, is a problem. A comparative analysis of the norms of law and doctrinal positions is carried out, as a result of which various classifications of subjects of family legal relations are identified, the inclusion of organizations and public legal entities, the family as a quasi-legal entity, is justified.*

As a result of the introduction of the institution of the foster family, new special subjects of family legal relations appeared — foster children and foster parents. In connection with the development of assisted reproductive technologies, the issue of qualification of potential parents, sperm donor and surrogate mother as subjects of family legal relations has been raised. There is a problem of legal qualification of the embryo. The problems associated with the legal personality of participants in family legal relations are revealed: the mixing of marital and family legal personality, the absence of separate norms on family legal capacity and legal capacity, etc. It is proved that the scope of family legal personality varies depending on age, a number of other legal facts, including other sectoral nature; it is associated with the goal-setting of the exercise of rights and performance of duties.

Keywords: *family dispositive legal capacity, family legal capacity, family legal relations, family, special subjects of family legal relations, family members.*

Современный этап развития отечественного права характеризуется возрастающим интересом к проблемам семейных правоотношений. Это вызвано прежде всего повышением внимания государства к вопросам семьи, материнства и детства и обусловлено потребностью решения демографических и иных

социальных проблем, существующих в нашей стране и, соответственно, необходимостью совершенствования системы российского семейного законодательства.

В Конституции РФ закреплено, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства и детства (ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38). В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года в качестве одной из основных задач демографической политики Российской Федерации названо укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений¹.

При этом, несмотря на вековую историю семейного права, до сих пор не решен ряд вопросов по субъектам семейных правоотношений. В семейном законодательстве они прямо не поименованы. В отличие, например, от Гражданского кодекса РФ (далее — ГК), в Семейном кодексе РФ (далее — СК) нет подраздела «Лица» (подразд. 2 разд. 1 ГК).

В доктрине нет единства мнений и относительно круга субъектов семейных отношений. Одни определяют перечень субъектов семейных отношений, исходя из понятия семьи, данного в ст. 1 Федерального закона от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»² (лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство), и, таким образом, сужают его до физических лиц.

Другие связывают понятие субъектов именно с отношениями, регулируемыми семейным законодательством (ст. 2 СК). Однако данная общая норма а) содержит открытый перечень субъектов («и иными лицами»), б) использует некорректное деление: в одних случаях указывает и вид отношений, и лиц, между которыми они складываются, а в других случаях ограничивается только видом отношений, участников которых приходится устанавливать путем анализа других, специальных норм.

Итак, в ст. 2 СК поименованы следующие члены семьи:

- супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные);
- другие родственники;
- иные лица.

В законодательстве также упоминаются бывшие супруги (ст. 90, 91 СК), родные братья и сестры (ст. 93 СК), дедушки и бабушки (ст. 94, 95 СК), внуки (ст. 94, 95 СК), воспитанники и фактические воспитатели (ст. 96 СК), пасынки и падчерицы (ст. 97 СК), отчим и мачеха (ст. 97 СК), опекуны и попечители (ст. 146, 148.1 СК), приемные родители и приемные дети (ст. 153 СК).

Помимо разрозненности норм, касающихся субъектов семейных правоотношений, проблему представляет мобильность состава таких лиц, обусловленная эволюцией общества и права. Возникают новые формы семейных правоотношений, в ряде случаев между новыми лицами.

Например, в 1995 г. в семейное законодательство было введено понятие «*приемная семья*» (гл. 21 СК). В пункте 1 Положения о приемной семье, утвержденном

¹ Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изм.) // СЗ РФ. 2007 № 42. Ст. 5009.

² СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904 (с изм.).

постановлением Правительства РФ от 17.07.1996 № 829³, она определялась как одна из форм устройства на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей. В настоящее время приемная семья определяется как опека или попечительство над ребенком или детьми, осуществляемые по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем, на срок, указанный в этом договоре (п. 1 ст. 152 СК).

В результате введения данного института появились новые специальные субъекты семейных правоотношений — приемные дети и приемные родители. При этом одни исследователи считают приемную семью разновидностью опеки (попечительства), другие — самостоятельной формой отношений, а законодатель устанавливает значимую специфику как этих отношений, так и правового статуса их участников, отличного от статуса детей и родителей в узком, классическом смысле слова⁴.

Другая форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, — патронат, патронатное воспитание, патронатная семья (п. 1 ст. 14 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»)⁵ — предусмотрена законами субъектов РФ, такие законы приняты более чем в 40 субъектах (например, в Алтайском крае действует Закон от 28.12.2009 «О патронатном сопровождении в Алтайском крае»⁶).

Патронатная семья имеет неоднозначную правовую природу (задействованы механизмы и административного, и гражданского, и семейного, и трудового права)⁷. Ее истоки можно обнаружить в российском дореволюционном, советском законодательстве первой половины XX в., она считается аналогом широко применяемой за рубежом формы помещения детей в фостеровские семьи.

В связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий встает вопрос о квалификации в качестве субъектов семейных правоотношений потенциальных родителей, донора спермы и суррогатной матери⁸.

Помимо медицинских, моральных и правовых вопросов аборта существует проблема квалификации эмбриона — это субъект или объект права (в том числе в гражданском, семейном, уголовном праве)⁹.

³ СЗ РФ. 1996. № 31. Ст. 3721 (утр. силу).

⁴ См., например: *Доржиева С. В.* Приемная семья. Прошлое, настоящее, будущее. М., 2018; *Цветков В. А.* Приемная семья как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.

⁵ СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

⁶ Сборник законодательства Алтайского края. 2009. № 164 (ч. 1). С. 115.

⁷ См., например: *Григорович Е. В.* Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона (семейно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; *Муратова С. А.* Законодательное регулирование и правовая природа договора суррогатного материнства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 198—202; *Пестрикова А. А.* Обязательства суррогатного материнства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁸ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Ст. 55 // URL: <http://pravo.gov.ru>, 22.11.2011.

⁹ См., например: *Федосеева Н. Н., Фролова Е. А.* Проблема определения правового статуса эмбрионов в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1;

Таким образом, «заккрытие» перечня субъектов семейных правоотношений не будет решением проблемы.

Одним из методов познания является классификация понятий и явлений.

Ю. Ф. Беспалов предлагал, например, классифицировать субъектов семейных правоотношений на:

- кровных родственников;
- лиц, приравненных законом к кровным родственникам;
- свойственников;
- участников отношений суррогатного материнства;
- участников отношений по воспитанию и содержанию ребенка, оставшегося без попечения родителей¹⁰.

Они различаются не только наименованием, но и правами и обязанностями, характером и объемом правосубъектности.

Можно также обратиться к классической триаде участников правоотношений: физические лица, юридические лица, публично-правовые образования¹¹.

Ранее в литературе по семейному праву подчеркивалось, что в семейных правоотношениях могут участвовать только физические лица¹², а органы опеки и попечительства, например, рассматривались как субъекты административных правоотношений.

В настоящее время в п. 1 ст. 152 СК органы опеки и попечительства признаны стороной договора о приемной семье. Они также наделены правами и обязанностями в отношении детей, переданных на патронатное воспитание.

Правилами временной передачи детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации¹³, предусмотрено право организации, в которую помещен ребенок, лишившийся родительского попечения, передавать его временно (например, на период каникул, выходных или нерабочих праздничных дней), исключительно в интересах ребенка, с целью обеспечения его воспитания и гармоничного развития, в семью граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации. Временная передача ребенка в семью не является формой устройства ребенка в семью на воспитание, но отношения регулируются семейным законодательством.

Все это свидетельствует о наличии легальных оснований квалифицировать некоторые юридические лица в качестве субъектов семейного права.

Eser Albin. The Legal Status of the Embryo in Comparative Perspective // International journal of medicine and law. 1992. № 11.

¹⁰ См.: Беспалов Ю. Ф. К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. 2013. № 6.

¹¹ См.: Гражданское право : Участники правоотношений : учебное пособие / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. М., 2017. (Серия «Гражданское право» / науч. ред. В. Л. Слесарев).

¹² См.: Матвеев Г. К. Советское семейное право. М., 1985. С. 47—48 ; Советское семейное право / под ред. В. А. Рясенцева. М., 1982. С. 42—44.

¹³ Утв. постановлением Правительства РФ от 19.05.2009 № 432 (СЗ РФ. 2009. № 21. Ст. 2581).

Представляется, что публично-правовые образования также можно признать специальными субъектами семейно-правовых отношений. Упомянутые в СК и иных актах государственные органы и органы местного самоуправления действуют не сами по себе — как юридические лица, а от имени государства и муниципальных образований. Их акты — регистрация (например, брака, рождения), предписания (например, об отобрании ребенка) — как юридические факты в семейном праве также исходят от публично-правовых образований.

В 90-е гг. XX в. возобновилась дискуссия о семье в системе субъектов отношений. Ее истоки можно обнаружить в римском праве и Русской Правде. В 1949 г. обосновал признание семьи субъектом жилищного права О. П. Луцев¹⁴. В 60-х гг. XX в. доказал существование семьи как субъекта правоотношений в социальном обеспечении Е. И. Астрахан¹⁵. Эта позиция была поддержана В. С. Андреевым и М. Л. Захаровым¹⁶. В 1992 г. рабочая группа Екатеринбургского юридического института и Санкт-Петербургского университета под руководством Л. М. Звягинцевой (г. Екатеринбург) разработала и представила в Верховный Совет РФ проект закона РФ «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства», где среди прочего предусматривалось, что семья от своего имени и в интересах всех своих членов должна была вступать в правоотношения с различными субъектами через своего представителя; устанавливались взаимные права и обязанности семьи и государства, а также их взаимная ответственность, т.е. предусматривалась правосубъектность семьи¹⁷.

За признание семьи субъектом права высказываются в настоящее время социологи¹⁸ и ряд юристов¹⁹.

Мы предлагаем относить к квазиправосубъектным образованиям²⁰, наряду с поименованными в законодательстве (см., например, п. 1 ст. 225.10, ст. 225.11 АПК, ст. 53, 54, 65.2, 174 ГК, п. 2 ст. 11 НК РФ, Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»²¹, Федеральный закон от 29.12.2015

¹⁴ См.: Луцев О. П. Семья как субъект права на жилплощадь в СССР. Алма-Ата, 1949.

¹⁵ См.: Астрахан Е. И. Некоторые вопросы пенсионного правоотношения по советскому трудовому праву // Ученые записки. Вып. 14 / ВИЮН. М., 1962. С. 153.

¹⁶ См.: Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР. М., 1980. С. 217—218; Советское пенсионное право / под ред. М. Л. Захарова. М., 1974. С. 204.

¹⁷ Рабец А. М. Проблемы правосубъектности семьи в семейном праве РФ // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 52—55.

¹⁸ См., например: Дармодехин С. В. Государственная семейная политика в современной России: дис. ... д-ра соц. наук. М., 1997.

¹⁹ См., например: Иванов В. И., Харитонов Ю. С. О субъектах права по законодательству России // Гражданское право. 2012. № 3; Рабец А. М. Указ. соч.; Соловьев В. В. Правовое положение семьи военнослужащего в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 42—43.

²⁰ См.: Долинская В. В. Проблемы квазиправосубъектных образований в частном праве // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев [и др.]. М., 2017.

²¹ СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930 (с изм.).

№ 382 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»²²) и Общероссийском классификаторе организационно-правовых форм ОК 028-2012 (ОКОПФ), утв. приказом Росстандарта от 16.10.2012 № 505-ст²³, такое социально-правовое явление, как семья.

Для этого уже сейчас существует обоснование в источниках права, среди которых:

- п. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966²⁴, ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966²⁵;
- ч. 2 п. 1 ст. 1, п. 2 ст. 39, п. 2 ст. 45, п. 4 ст. 65 СК, гл. 20 УК РФ, Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей»²⁶;
- постановление Правительства РФ от 15.10.2005 № 614 «Об утверждении Правил предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию передаваемых полномочий Российской Федерации по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов»²⁷;
- законы субъектов Российской Федерации²⁸.

Нами разработано определение семьи — это общность физических лиц, не имеющая статуса юридического лица, но обладающая во внешних отношениях, как единое целое, очевидное для третьих лиц, частичной правосубъектностью.

Для семьи характерны:

- невозможность замены участников;
- целевое объединение;
- наличие общности имущества, участие в которой может не прекращать собственных правомочий участников, но являться предпосылкой более эффективной реализации права каждого из участников²⁹.

²² URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 29.12.2015.

²³ СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

²⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

²⁶ СЗ РФ. 2007. № 1. Ст. 19 (с изм.).

²⁷ СЗ РФ. 2005. № 43. Ст. 4399 (с изм.).

²⁸ См., например: Закон Республики Башкортостан от 05.11.1993 № ВС-21/19 «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства». Ст. 4, 12, 18, 20, 22, 23; Закон Кабардино-Балкарской Республики от 17.08.1996 № 21-РЗ «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства». Ст. 7—9, 12, 13, 47.

²⁹ См.: Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М., 2020. Гл. 2, § 1: Семья в системе субъектов экономической деятельности (автор — В. В. Долинская).

Характеристику семьи см. также: *Матвеев Г. К.* Советское семейное право. М., 1978. С. 41; *Нечаева А. М.* Семья и закон. М., 1980. С. 61—62; Советское семейное право / под ред. В. А. Рясенцева. С. 43.

Помимо проблемы неопределенного круга участников семейных правоотношений, существуют проблемы, связанные с их правосубъектностью.

В связи с тем, что длительное время субъектами семейного права признавались только физические лица, в научной литературе рассматривалась именно их правосубъектность с акцентом на брачную дееспособность.

В настоящее время в СК и ряде специальных правовых актов лишь упоминаются отдельные права и обязанности юридических лиц и государства.

Несмотря на обособление семейного права от гражданского, в СК нет отдельных норм о семейной правоспособности и дееспособности (лишь упоминается, что *«брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов»* (п. 3 ст. 42 СК), их содержании, в связи с чем приходится обращаться к гражданскому законодательству (ст. 4, 5 СК).

В литературе даже высказано мнение, что, в отличие от гражданского права, в сфере регулирования семейных отношений дееспособность самостоятельного значения не имеет, учитывается лишь возраст субъекта семейных отношений³⁰, что не соответствует действующему законодательству.

Представляется, что семейная правоспособность физического лица возникает, как и гражданская, с момента рождения³¹.

Наличие семейной дееспособности не является необходимой предпосылкой возникновения, изменения, прекращения всех семейных правоотношений³². Так, в родительских правоотношениях малолетние дети не обладают семейной дееспособностью, но являются самостоятельными носителями прав, предусмотренных гл. 11 СК.

Объем семейной правосубъектности меняется в зависимости не только от возраста, но и от ряда других юридических фактов. Кроме того, он связан с целеполаганием осуществления прав и исполнения обязанностей.

Например, способность вступать в брак, быть опекуном, попечителем, усыновителем, приемным родителем появляется по общему правилу только с совершеннолетнего возраста.

Примечательно, что как гражданско-правовая категория эмансипации (ст. 27 ГК) оказывает влияние на семейную правосубъектность, так и юридические факты из сферы семейного права — вступление в брак лиц в возрасте от 16 до 18 лет и до достижения 16 лет (ст. 13 СК) — влекут за собой приобретение полной дееспособности в гражданских правоотношениях.

Примечательно, что правовые последствия расторжения брака, заключенного до достижения 18 лет, предусмотренные ГК и СК, различны. Согласно п. 2 ст. 21 ГК полная дееспособность, приобретенная в результате заключения брака, сохраняется в случае расторжения брака до достижения 18 лет. Что касается семейной дееспособности, то нельзя сделать вывод о ее сохранении в полном объеме, поскольку разрешение о снижении брачного возраста распространяется только на один конкретный случай регистрации брака, следовательно, возможности

³⁰ См.: *Нечаева А. М.* Семейное право : курс лекций. М., 1998. С. 11.

³¹ См.: *Муратова С. А.* Семейное право : учебник. 6-е изд. М., 2019. С. 52.

³² См., например: *Антокольская М. В.* Семейное право. М., 2001. С. 88—89 ; Советское семейное право / под ред. В. А. Рясенцева. С. 47.

заклучить новый брак на общих основаниях нет. Вместе с тем, если от брака несовершеннолетних лиц имеются дети, то после его расторжения сохраняется право несовершеннолетних родителей, достигших 16-летнего возраста, самостоятельно осуществлять свои родительские права (п. 2 ст. 62 СК).

Так же, как гражданское право, семейное законодательство позволяет выделить частичную семейную дееспособность. Например, с 10 лет ребенок дает согласие на усыновление (п. 1 ст. 132 СК), на восстановление в родительских правах (п. 4 ст. 72 СК); с 14 лет несовершеннолетние родители имеют право на установление отцовства в отношении своих детей в судебном порядке (п. 3 ст. 62 СК).

В связи с пробелом в семейном законодательстве сложно квалифицировать некоторые нормы СК — речь идет об ограничении дееспособности или об ограничении субъективного права (например, в ст. 14, 17, 127 СК).

Зато мы можем выявить еще одну связь отраслей права.

Признание гражданина судом недееспособным по основаниям, предусмотренным ст. 29 ГК, влечет утрату и семейной дееспособности. Ограничение дееспособности гражданина (п. 1 ст. 30 ГК) влечет ограничение и семейной дееспособности. Так, согласно ст. 99 СК не полностью дееспособные лица заключают соглашения об уплате алиментов с согласия их законных представителей. При усыновлении детей несовершеннолетних родителей, не достигших 16 лет, необходимо получить не только их согласие, но и согласие их родителей или опекунов (попечителей), а при их отсутствии — органа опеки и попечительства.

Эти доктринальные рассуждения могут лечь в основу совершенствования семейного законодательства Российской Федерации, что в рамках нормативно-правового обеспечения предусмотрено Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р, в качестве одного из способов реализации государственной семейной политики³³.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андреев В. С.* Право социального обеспечения в СССР. — М., 1980.
2. *Антокольская М. В.* Семейное право. — М., 2001.
3. *Астрахан Е. И.* Некоторые вопросы пенсионного правоотношения по советскому трудовому праву // Ученые записки ВШУОН. — Вып. 14. — М., 1962.
4. *Беспалов Ю. Ф.* К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. — 2013. — № 6.
5. Гражданское право : Участники правоотношений : учебное пособие / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М., 2017. — (Серия : Гражданское право / науч. ред. В. Л. Слесарев).
6. *Григорович Е. В.* Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона (семейно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999.

³³ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 29.08.2014.

7. Дармодехин С. В. Государственная семейная политика в современной России : дис. ... д-ра соц. наук. — М., 1997.
8. Долинская В. В. Проблемы квазиправосубъектных образований в частном праве // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев [и др.] — М., 2017.
9. Доржиева С. В. Приемная семья. Прошлое, настоящее, будущее. — М., 2018.
10. Иванов В. И., Харитонова Ю. С. О субъектах права по законодательству России // Гражданское право. — 2012. — № 3.
11. Луцев О. П. Семья как субъект права на жилплощадь в СССР. — Алма-Ата, 1949.
12. Матвеев Г. К. Советское семейное право. — М., 1978.
13. Матвеев Г. К. Советское семейное право. — М., 1985.
14. Муратова С. А. Законодательное регулирование и правовая природа договора суррогатного материнства // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 6.
15. Муратова С. А. Семейное право : учебник. — 6-е изд. — М., 2019.
16. Нечаева А. М. Семейное право : курс лекций. — М., 1998.
17. Нечаева А. М. Семья и закон. — М., 1980.
18. Пестрикова А. А. Обязательства суррогатного материнства : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.
19. Рабец А. М. Проблемы правосубъектности семьи в семейном праве РФ // Вестник Омского университета. — Серия : Право. — 2018. — № 1 (54).
20. Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. — М., 2020.
21. Советское пенсионное право / под ред. М. Л. Захарова. — М., 1974.
22. Советское семейное право / под ред. В. А. Рясенцева. — М., 1982.
23. Соловьев В. В. Правовое положение семьи военнослужащего в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.
24. Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбрионов в международном и российском праве // Медицинское право. — 2008. — № 1.
25. Цветков В. А. Приемная семья как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2005.
26. Eser Albin. The Legal Status of the Embryo in Comparative Perspective // International journal of medicine and law. — 1992. — № 11.

**Анна Александровна
ЕЛИСЕЕВА,**

доцент кафедры
гражданского права,
доцент кафедры
нотариата
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
aeliseeva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Традиционные семейные ценности как объект интересов: частно-правовой и публично-правовой аспекты

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные семейные ценности в качестве объекта правовой охраны и защиты, исследуется природа отношений в семье, приводятся подходы к определению сущности традиционного понимания семьи. На основе системного анализа действующего законодательства дается характеристика семейным правоотношениям и нормам, их регулирующим, определяются содержание и объект интересов семьи; формулируется определение традиционных ценностей российской семьи. В заключении делается вывод о том, что существующая нестабильная политическая и экономическая ситуация в современном мире сопровождается для России появлением не только новых вызовов и угроз, но и дополнительных возможностей. В частности, предлагается при совершенствовании семейного законодательства учитывать традиционные семейные ценности и основываться на российском историческом опыте, а не чужеродном, иностранном.

Исследование выполнено с использованием общенаучного диалектического, формально-юридического метода познания, а также метода индуктивной и дедуктивной логики.

Ключевые слова: семья, семейная жизнь, семейные отношения, интересы семьи, национальные интересы, ценности, традиционные семейные ценности, духовно-нравственные ценности, государственная семейная политика, брак, супруги, дети, член семьи, семейное право.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.068-075

Anna A. ELISEEVA,

Associate Professor of the Department of Civil Law,
Associate Professor of the Department of Notaries
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
aeliseeva@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Traditional family values as an object of interest: private law and public law aspects

Abstract. The article considers traditional family values as an object of legal protection and protection, examines the nature of family relations, and provides approaches to determining the essence of the traditional understanding of the family. On the basis of a systematic analysis of the current

legislation, a characterization is given to family legal relations and their regulatory norms, the content and object of family interests are determined; the definition of the traditional values of the Russian family is formulated. In conclusion, it is concluded that the current unstable political and economic situation in the modern world is accompanied for Russia by the emergence of not only new challenges and threats, but also additional opportunities. In particular, it is proposed, when improving family legislation, to take into account traditional family values and be based on Russian historical experience, and not alien, foreign.

The study was carried out using the general scientific dialectical, formal-legal method of cognition, as well as the method of inductive and deductive logic.

Keywords: family, family life, family relations, family interests, national interests, values, traditional family values, spiritual and moral values, state family policy, marriage, spouses, children, family member, family law.

Традиционные ценности объединяют нашу многонациональную и многоконфессиональную страну и рассматриваются Российской Федерацией в качестве основы российского общества.

Семья является базой гражданского общества, на основе которой формируются многие социальные институты, в том числе право.

Семья является сложным и многообразным социальным явлением, не имеющим универсального определения и правового статуса в российском законодательстве.

Отношения в семье можно классифицировать по разным основаниям, в том числе по характеру возникающих связей.

Профессор В. А. Рясенцев подчеркивал: «В семейном союзе проявляются моральные, психические, физиологические и хозяйственно-бытовые связи между небольшим кругом лиц, порождающие общность их жизни и интересов»¹. Исходя из специфики связи, наличия в ней правовой составляющей, присутствующей между лицами, образующими семью, он выделял общее (социологическое) и специальное (юридическое) понятие семьи.

Другой выдающийся правовед, профессор О. С. Иоффе, справедливо отмечал: «Семья — важная ячейка или, по выражению классиков марксизма, “клеточка” общества, сочетающая в себе естественные и общественные элементы»².

Естественные потребности семьи основаны на взаимной любви, уважении, влечении супругов друг к другу, стремлении к продолжению рода. Общественные элементы базируются: на браке как основе семьи; супружеских отношениях как результате брака; отношениях между родителями и детьми как консеквенции супружества. «Вместе с тем семья включает в себя и некоторые иные отношения (например, отношения между детьми или другими входящими в ее состав

¹ Рясенцев В. А. Семейное право. М. : Юрид. лит., 1971. С. 43.

² Иоффе О. Советское гражданское право : курс лекций. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. Т. 3 : Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности. Семейное право. Наследственное право. С. 170.

родственниками), а с другой стороны, не исключено, что отдельные (например, бездетные) семьи не порождают и некоторых из числа таких отношений, которые упомянуты в качестве основных»³.

Семья — это непреходящая ценность для жизни и развития человека. Семья является объектом государственной семейной политики⁴, приоритетами которой на современном этапе являются: «утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи»⁵.

Семейные ценности российского народа формировались веками на основе процессов, происходящих в социуме. Духовно-нравственные категории (уважение, взаимопомощь, милосердие, верность, счастье, дружба, любовь и т.п.) всегда играли важную роль в регулировании отношений внутри семьи, служили основой их построения.

Православие и другие вероисповедания оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих российских граждан. Согласно религиозным воззрениям, семья — это «институт, предписанный Богом», «малая церковь», «близкое и духовное единство людей», ядром которого всегда выступает брак, основанный не просто на взаимном влечении супругов (мужчины и женщины), страсти или общих интересах (включая рождение детей), а на стремлении пожизненно быть вместе на основе любви, уважения, взаимопомощи и заботы.

Согласно положениям п. 7 ст. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 (далее — Стратегия), «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России является национальным интересом Российской Федерации»⁶. Крепкая семья относится к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, защита которых, среди прочего, обеспечивается укреплением института семьи, сохранением традиционных семейных ценностей.

В Стратегии обращается внимание на объективно существующую для человечества угрозу утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов, разрушения базовых моральных и культурных норм, религиозных устоев, институтов брака, семейных ценностей вследствие происходящих в современном мире изменений, вызванных социально-экономическим и

³ Иоффе О. С. Указ. соч. С. 170—171.

⁴ Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики». П. 3 // СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2460.

⁵ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р). Разд. III // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

⁶ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

технологическим развитием. А ситуация в России и в мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей.

Проведем небольшое исследование данных утверждений в части условий существования российской семьи. Семья, дети, семейное воспитание, солидарность поколений являются ценностями для всех традиций и культур нашей страны.

Отношения, возникающие внутри семьи, являются предметом регулирования особой отрасли права — семейного права. Но семейное право как система юридических норм регламентирует далеко не все отношения, возникающие между членами семьи, а лишь те из них, которые особо значимы для общества и подконтрольны государству. Нужно заметить, что действующие семейно-правовые нормы регулируют отношения, не только собственно возникающие в связи с образованием и существованием семьи как коллектива (объединения), основой которого являются супруги, но и иные общественные отношения.

Анализ норм Семейного кодекса Российской Федерации⁷ позволяет утверждать, что семейные правоотношения в действующем законодательстве — категория собирательная, включающая общественные отношения, возникающие на основании различных юридических фактов, в частности: брака, родства, свойства, фактического воспитания, устройства в семью на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей⁸.

Указанные обстоятельства служат основанием для утраты традиционного для России правового понимания семейных отношений как подвластных правовому регулированию отношений, возникающих при постоянном сожительстве мужа, жены, детей, и ведет к отождествлению данных отношений с иными, квазисемейными отношениями, в частности, с родственными отношениями, возникающими сугубо на основании факта родства (например, правовая связь между одинокой матерью (отцом) и ребенком), или отношениями по опеке (попечительству) (например, отношения, возникающие при создании и существовании приемной семьи), или, что еще хуже, к появлению «прогрессивных» подходов к определению семейных правоотношений как «межотраслевых», «партнерских», «фактически брачных», «нетрадиционных сексуальных» отношений, отношений «тесных личных связей», отношений по государственной регистрации деторождения, в том числе с использованием вспомогательных репродуктивных технологий.

В наш бушующий инновационными идеями век вопреки здравому смыслу определение семьи семейное законодательство не содержит⁹, в отличие от иного отраслевого законодательства¹⁰. Но активное участие граждан в различных правоотношениях в качестве членов семьи обусловило необходимость выработки законодателем и правоприменителем многообразных толкований термина «семья»

⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁸ Более подробно о предмете семейного права см.: Елисеева А. А. К вопросу о круге и субъектах отношений, регулируемых семейным правом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 1. С. 22—25.

⁹ О понимании семьи как правовой категории см.: Елисеева А. А. «Молодая семья» как правовая категория // Семейное и жилищное право. 2018. № 4. С. 35—37.

¹⁰ См., например: Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Ст. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

в отдельных отраслях права с позиций стоящих перед ними специфических задач. При этом данный процесс осуществляется не через качественную характеристику содержательной части дефиниции «семья», а путем примитивного, порой не основанного на традиционном подходе определения круга лиц, образующих семью¹¹.

Данный факт влечет существование в современном российском праве необоснованно широкого, подчас не совпадающего в разных ситуациях круга лиц, имеющих статус «член семьи», что, конечно же, не способствует реализации принципа правовой определенности, дезориентирует современного человека, ведет к обесцениванию традиционных для российского общества институтов семьи и брака, деформации представлений в обществе о семейных ценностях¹².

Таким образом, приведенные факты, к сожалению, подтверждают заявленный в Стратегии тезис о необходимости принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей, в том числе направленных на укрепление института семьи, сохранение и продвижение традиционных семейных ценностей.

Охрана духовно-нравственных ценностей в последние годы становится все чаще объектом особого внимания законодателя. Так, важное значение в укреплении института семьи внес Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», закрепивший фундаментальные принципы и приоритеты, формирующие основы брака (п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ¹³), воспитания детей (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ¹⁴).

Не менее высокое значение в укреплении института семьи и сохранении традиционных семейных ценностей имеет и такой документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, как Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее — Основы), утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809¹⁵ и разработанные в соответствии со Стратегией.

¹¹ См., например: Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ. Ст. 31 ; Закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах». Ст. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Подробно о категории семейные ценности см.: *Елисеева А. А.* Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 67—74.

¹³ Согласно действующим положениям Конституции брак рассматривается как союз мужчины и женщины.

¹⁴ Указанные положения Конституции называют детей важнейшим приоритетом государственной политики России, провозглашают, что государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим; обозначают, что государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

¹⁵ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». П. 24 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

Основы причисляют категорию «крепкая семья» к традиционным ценностям, под которыми понимаются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» (п. 4).

В Основах утверждается, что деструктивное идеологическое воздействие на граждан России¹⁶ становится угрозой для демографической ситуации в стране. Распространение деструктивной идеологии влечет за собой следующие риски: «создание условий для саморазрушения общества, ослабление семейных, дружеских и иных социальных связей; причинение вреда нравственному здоровью людей; навязывание представлений, предполагающих отрицание человеческого достоинства и ценности человеческой жизни; распространение аморального образа жизни, вседозволенности и насилия; формирование общества, пренебрегающего духовно-нравственными ценностями; искажение исторической правды, разрушение исторической памяти; отрицание российской самобытности» (п. 17).

Согласно положениям, содержащимся в Основах, одной из задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей является «сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины), обеспечение преемственности поколений, забота о достойной жизни старшего поколения, формирование представления о сбережении народа России как об основном стратегическом национальном приоритете» (пп. «в» п. 24).

Духовно-нравственная ценность — это идеал, ориентир социально значимых процессов и явлений в реальной жизни. В современной России семья признается не только российской духовно-нравственной ценностью, но и конституционной ценностью. В Основном законе нашей страны отражаются наиболее значимые для россиян духовно-нравственные ориентиры. Семья является одной из фундаментальных ценностей, зафиксированных в Конституции России (ч. 1 ст. 38).

Согласно толкованиям, приведенным Конституционным Судом РФ в постановлении от 23.09.2014 № 24-П, «семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства»¹⁷.

¹⁶ Под деструктивным идеологическим воздействием понимается насаждение чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений (п. 14 Основ).

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об администра-

Традиционная семейная ценность как правовая категория является благом, которое, в свою очередь, представляет собой объект интереса, в том числе семьи. Интересы семьи формируют цели интересов каждого члена семьи и общего предела их реализации. Интересы семьи охраняются нормами различных отраслей права, в том числе семейного.

Интересы российской семьи с правовой точки зрения представляют собой закрепленные в законе социально значимые потребности семьи, обеспечивающие ее благополучное существование, объектом которых выступают блага, охраняемые государством.

Отношения членов семьи определяется этическим фактором. Семейные отношения бывают личными и имущественными. Имущественные отношения являются производными от личных, что соответствует природе семьи.

Поскольку семейные отношения имеют неимущественный и имущественный характер, интересы семьи также включают в себя как материальную, так и нематериальную составляющую, но неимущественные интересы являются определяющими в семье.

Подводя итог, можно отметить следующее.

Важнейшей задачей любой нации является сохранение и передача будущим поколениям существующих традиций и ценностей народа.

Традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт являются основой сохранения общероссийской гражданской идентичности.

Традиционные ценности российской семьи — это исторически сложившиеся нравственно-духовные ориентиры построения семейной жизни, обеспечивающие непрерывную смену поколений, выступающие условием сохранения и развития самобытности многонационального народа Российской Федерации.

Традиционные семейные ценности (крепкая семья, брак, материнство, отцовство, дети, семейное воспитание, солидарность поколений и т.д.) являются объектами интересов семьи.

Не все интересы семьи признаются правовыми. Как правовая категория традиционные семейные ценности представляют собой нематериальные блага, охраняемые и защищаемые законом.

Существующая нестабильная политическая и экономическая ситуация в современном мире сопровождается для Российской Федерации появлением не только новых вызовов и угроз, но и дополнительных возможностей. В частности, эффективным инструментом реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных семейных ценностей может стать решение уже давно обсуждаемой проблемы совершенствования правового регулирования семейных отношений¹⁸ с учетом российского (а не чужеродного, иностранного) исторического опыта. Речь идет о введении в Семейный кодекс РФ традиционного

тивных правонарушений в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // СПС «КонсультантПлюс».

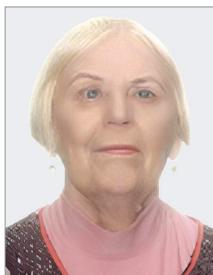
¹⁸ См., например: *Булаевский Б. А.* Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // *Актуальные проблемы российского права.* 2017. № 5. С. 41—45; *Пискунов Я.* Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет: интервью с Л. Ю. Михеевой // *Закон.* 2017. № 2. С. 6—20.

понятия семьи, интересов семьи, брака; дополнительных ограничений в части признание браков, заключенных за пределами территории Российской Федерации, влекущих умаление традиционных семейных ценностей; а также принципов приоритета защиты интересов семьи, сохранения традиционных семейных ценностей и их учета при разрешении семейно-правовых конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Булаевский Б. А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5. — С. 41—45.
2. Елисеева А. А. К вопросу о круге и субъектах отношений, регулируемых семейным правом // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2023. — № 1. — С. 22—25.
3. Елисеева А. А. «Молодая семья» как правовая категория // Семейное и жилищное право. — 2018. — № 4. — С. 35—37.
4. Елисеева А. А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 3. — С. 67—74.
5. Иоффе О. С. Советское гражданское право : курс лекций. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. — Т. 3 : Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности. Семейное право. Наследственное право.
6. Пискунов Я. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет: интервью с Л. Ю. Михеевой // Закон. — 2017. — № 2. — С. 6—20.
7. Рясенцев В. А. Семейное право. — М. : Юрид. лит., 1971.

**Анна Максимовна
РАБЕЦ,**

ведущий аналитик
 лаборатории социально-
 правовых исследований
 Юридического института
 Национального
 исследовательского
 Томского государственного
 университета,
 доктор юридических наук,
 профессор,
 заслуженный деятель науки
 Российской Федерации
rabecjur@mail.ru
 634050, Россия, г. Томск,
 просп. Ленина, д. 36

Брачная правосубъектность и брачный правовой статус: проблемы соотношения

Аннотация. В статье проводится сравнительное исследование двух правовых категорий: брачной правосубъектности и правового статуса лица, состоящего в браке; приводятся авторские определения каждой из данных категорий, дается развернутая характеристика семейно-правового статуса в составе общего брачно-правового статуса физического лица, включающего в себя специальные статусы: семейно-правовой, гражданско-правовой, а также закрепленный в отраслях публичного права. Сформулированы определение понятия брака с учетом правового статуса лица, состоящего в браке, предложения о его законодательном закреплении, а также по совершенствованию норм семейного и ряда других отраслей права, регламентирующих правовой статус лица, состоящего в браке.

Ключевые слова: личность, статус, брак, семья, закон, права, обязанности, гарантии.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.076-084

Anna M. RABETS,

Leading analyst of the Laboratory of Social and Legal Research
 of the Law Institute of the National Research Tomsk State University,
 Dr. Sci. (Law), Professor,
 Honored Scientist of the Russian Federation
rabecjur@mail.ru
 36, prosp. Lenina, Tomsk, Russian, 634050

Marital Legal Personality and Marital Legal Status: Correlation Problems

Abstract. The article provides a comparative study of two legal categories: marital legal personality and the legal status of a married person; the author's definitions of each of these categories are given, a detailed description of the family legal status as part of the general marital legal status of an individual including a number of special statuses: family legal, civil legal, and also enshrined in the branches of public law. The definition of the concept of marriage is formulated taking into account the legal status of a married person, a proposal for its legislative consolidation, as well as a number of proposals for improving the norms of family and a number of other branches of law regulating the legal status of a married person.

Keywords: Personality, status, marriage, family, law, rights, obligations, guarantees.

Брак относится к числу исторически сложившихся, устойчивых традиционных семейных ценностей в масштабе всего мирового сообщества, о чем свидетельствует содержание общепризнанных норм международного права, в частности ст. 16 Всеобщей декларации прав человека¹, ст. 112 Конвенции по защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека)².

В Российской Федерации в настоящее время, и прежде всего в связи с внесением поправок в действующую Конституцию³, создана прочная и надежная нормативно-правовая база для придания браку должной социальной и правовой значимости. В силу п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 и ч. 1 ст. 114 Конституции РФ брак определяется как добровольный союз мужчины и женщины и подлежит защите и сохранению в числе традиционных семейных ценностей.

Правовая ценность брака состоит в следующем.

Во-первых, являясь институтом права, он служит средством выражения государственного признания — легитимации союза мужчины и женщины, заключенного с целью создания семьи, а также обеспечивает юридическую возможность вступившего в него лица принимать на себя все права и обязанности, основанные на браке и связанные с ним, т.е. обеспечивает приобретение брачной правосубъектности.

Во-вторых, будучи юридическим фактом, порождающим между вступившими в него лицами целый комплекс взаимных прав и обязанностей, брак создает особый частноправовой статус.

В-третьих, состояние в браке, наряду с другими юридическими фактами, может оказывать влияние на характер правоотношений с третьими лицами и с органами публичной власти, т.е. расширяет частноправовой и создает публично-правовой статус лица, состоящего в браке.

Таким образом, хотя главным предназначением брака является создание семьи, однако его регулирующие свойства выходят далеко за рамки только семейного права.

Логично было бы предположить, что проблемы брачной правосубъектности и правового статуса лица, состоящего в браке, должны исследоваться не только в доктрине семейного права, поскольку для познания основанных на браке категорий «брачная правосубъектность» и «брачный правовой статус» необходимо вторжение в сферу не только семейного, но и гражданского права, и не только частного, но и публичного права.

Между тем приходится констатировать, что в доктрине семейного права, несмотря на наличие довольно многочисленных работ, посвященных проблемам брака, довольно затруднительно выделить исследования, касающиеся

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной ассамблеей ООН 10.12.1948) // Международное публичное право : сборник документов : М. : Бек, 1996. С. 8.

² Конвенция по защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) (принята 04.11.1950, с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 1.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

характеристики правового статуса лиц, состоящих в браке, из которого можно было бы получить достаточно полное и четкое представление о правах, обязанностях, ограничениях и запретах, связанных с браком, и о тех законодательных актах и конкретных правовых нормах, в которых они закреплены. Думается, что в этом состоит одна из причин, по которым авторитет брака как социального феномена, как правового института, как основы создания семьи во всем мировом сообществе, в том числе в Российской Федерации, не достиг той высоты, при которой он должен был бы и мог бы в полной мере выполнять свое предназначение в обществе.

Одной из наиболее сложных в теоретическом плане проблем в комплексном исследовании понятия, содержания и структуры правового статуса лица, состоящего в браке, является проблема соотношения двух категорий, составляющих правовую основу взаимодействия брака и личности: категорий брачной правосубъектности и брачного правового статуса. Представляется, что наиболее продуктивным подходом в исследовании данной проблемы является сравнение указанных категорий с более общими понятиями: «правосубъектность» и «правовой статус».

Известно, что как в общей теории права, так и в теории гражданского права однозначное определение здесь отсутствует. Вряд ли целесообразно описывать все позиции, высказанные по данному вопросу; отметим лишь, что едва ли не большинство авторов связывали правовой статус личности с правосубъектностью, причем высказывались и прямо противоположные суждения. Одни ученые утверждали, что правовой статус является элементом правосубъектности, по крайней мере, применительно к субъектам гражданского права⁴. Другие, напротив, определяли правосубъектность как элемент правового статуса⁵.

Предпочтительной представляется третья позиция, согласно которой данные категории, несмотря на их практически неразрывную взаимосвязь, имеют право на самостоятельное существование⁶. Если, к примеру, гражданская правосубъектность понимается как «определяемая законом мера способности (свободы и необходимости) лица к участию в гражданских правоотношениях»⁷, то правовой статус личности можно определить как совокупность ее конкретных прав и обязанностей, закрепленных в законе, которые лицо может реализовать на практике⁸, как говорится, здесь и сейчас.

Если брачную правосубъектность, включающую брачную правоспособность и дееспособность, можно отнести к отраслевой, т.е. семейной, правосубъектности,

⁴ Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1969. С. 87.

⁵ Комаров С. А. Общая теория государства и права : учебник. СПб. : Изд-во Юридического института, 2001. С. 135.

⁶ Ручкина Г. Ф. Гражданская правосубъектность органов внутренних дел РФ (организационно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 22.

⁷ Красавчиков О. А. Модели гражданской правосубъектности // Проблемы социалистической законности на современном этапе коммунистического строительства. Харьков, 1978. С. 102—121.

⁸ Хватова М. А. Гражданская правосубъектность физических лиц в Российской Федерации (проблемы теории и практики). М. : Юстицинформ, 2014. С. 17.

то понятие «правовой статус лица, состоящего в браке» значительно шире и определяется не только возрастными границами, состоянием здоровья и действием принципа моногамии, но и целым рядом других обстоятельств, и прежде всего характером выполняемых данной личностью конкретных социальных ролей.

Основу формирования брачной правосубъектности составляют два естественных неотчуждаемых права, принадлежащих личности от рождения, независимо от признания их со стороны общества и государства: право на собственную правосубъектность личности на любой территории, без какой бы то ни было дискриминации, и право на создание семьи, включая недопустимость произвольного или незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь.

Что касается права на брак, то оно, несомненно, нуждается в признании со стороны общества и государства путем его регистрации. Такое признание выражается в том, что государство, во-первых, обеспечивает формализацию, т.е. фиксированную в установленной форме констатацию того факта, что данные мужчина и женщина заключили союз для создания семьи. Во-вторых, государство гарантирует защиту брака от посягательства на его действительность. В-третьих, гарантирует лицам, вступившим в брак, свободу его расторжения, что следует из смысла принципа добровольности брака, действующего не только при вступлении в брак, но и во время состояния в браке.

Таким образом, элементами права на брак как права человека является право на его заключение по достижении установленного законом брачного возраста, право на его «неприкосновенность», понимаемое в смысле закрепления законом презумпции его действительности, а также право на его расторжение. Исходя из этого, брачную правосубъектность можно определить как юридическую возможность лица вступать в брак, состоять в браке и расторгать брак.

Особенность брачной правосубъектности, как представляется, состоит в том, что невозможно или, по крайней мере, весьма затруднительно дифференцировать ее на брачную правоспособность и брачную дееспособность. Это обстоятельство дало возможность М. В. Антокольской утверждать о семейной (в том числе брачной) дееспособности как части гражданской дееспособности, которая наступает, как известно, с 18 лет.

Признание лица недееспособным в общем гражданско-правовом смысле влечет невозможность вступления в брак ввиду отсутствия брачной дееспособности. К этому выводу М. В. Антокольская приходит на том основании, что осуществление некоторых субъективных прав, в частности семейных, в том числе права на вступление в брак, возможно только собственными действиями лица, что характерно не только для семейных, но и для некоторых гражданских прав, в том числе права на составление завещания. Иначе говоря, автор отрицает наличие семейной правосубъектности в принципе, включая, разумеется, и брачную правосубъектность⁹.

С таким суждением невозможно согласиться хотя бы потому, что в соответствии со ст. 21, 27 Семейного кодекса РФ не гражданская дееспособность влияет на брачную правосубъектность, а как раз наоборот, лицо, вступившее в брак,

⁹ Антокольская М. В. Семейное право : учебник для вузов. М. : Норма ; Инфра-М, 2010. С. 108.

считается полностью дееспособным. С другой стороны, эмансипация несовершеннолетнего лица сама по себе, без специального законоположения и решения о снижении брачного возраста, не создает ему возможность вступить в брак как полностью дееспособному лицу. Кроме того, ограничение дееспособности в гражданско-правовом смысле вообще никак не влияет на брак.

Все это свидетельствует не о каких-либо отдельных, юридически не значимых, а о качественных отличиях гражданской правосубъектности от брачной. Если при анализе содержания гражданской правосубъектности определяющее значение имеет не правоспособность, а дееспособность, поскольку гражданская правоспособность, как принято считать, возникает с момента рождения и прекращается смертью, то для семейной правосубъектности, в частности и в особенности для брачной, определяющей является именно правоспособность как динамическая категория. Гражданской правосубъектности неизвестны ограничения, к примеру, по степени родства, по критериям чисто нравственного характера (например, невозможность вступления в брак усыновителя и усыновленного) и т.п.

Другое дело, что существенные различия между гражданской дееспособностью и юридической возможностью вступления в брак в возрасте 14 лет нельзя считать оправданными, в том числе с позиций семейной правосубъектности, которая так же, как и гражданская, считается полностью сформированной с 18 лет. Закономерно, что именно институт брака в семейном праве подвергается особо резкой критике.

Определяя масштаб или границы действия понятия «правовой статус лица, состоящего в браке», следует констатировать, что относительно общего правового статуса личности, закрепленного в Конституции РФ и в соответствующем текущем законодательстве, исследуемое понятие является менее масштабным, т.е. правовой статус лица, состоящего в браке, безусловно, является специальным, поскольку его действие распространяется на определенный круг субъектов. В то же время его можно определить как общий правовой статус, как своеобразное собирательное понятие, если исходить из возможности выделения в нем различных групп субъектов, объединенных общим правовым состоянием (например, возрастом) либо определенными социальными ролями (в частности, лиц с семейными обязанностями, военнослужащих, жен (или вдов) военнослужащих, государственных гражданских служащих и т.п.).

В самом общем виде правовой статус лиц, состоящих в браке, можно определить как межотраслевой. При этом на всех указанных лиц распространяется семейно-правовой статус как совокупность прав и обязанностей, закрепленных нормами семейного права, поскольку брак является прежде всего семейным союзом (семейной общностью) и порождает права и обязанности прежде всего между лицами, вступившими в брак. Как известно, такие лица именуются супругами. Все лица, вступившие в брак, в той или иной мере обладают хотя бы минимумом прав и обязанностей, закрепленных нормами гражданского права, т.е. гражданско-правовым статусом, хотя бы в объеме норм наследственного права. На практике гражданско-правовой статус супругов значительно шире, как будет описано далее.

Что касается правового статуса лица, состоящего в браке, закрепленного в других отраслях права, то объем прав и обязанностей зависит от той конкретной

социальной роли, которую выполняет это лицо. Важно в подобных случаях, чтобы закон связывал наличие у лица соответствующих прав и обязанностей именно с наличием у него брака. Речь идет о трудовом статусе лиц, состоящих в браке, статусе пенсионеров, военнослужащих, о статусе государственных и муниципальных служащих, судей, работников правоохранительных органов и иных лиц, если состояние их в браке изменяет объем их прав и обязанностей по сравнению с такими же категориями лиц, не состоящих в браке.

При этом при решении вопроса о том, вступать или не вступать в брак, или вопроса о выборе соответствующей работы необходимо иметь в виду, что брак не обязательно расширяет объем прав лица; напротив, с его наличием могут быть связаны определенные дополнительные обязанности, ограничения и запреты, могущие распространяться не только на само лицо, осуществляющее такой выбор, но также на его супруга (супругу), совершеннолетних детей и его родственников, т.е. на родителей, совершеннолетних детей, братьев и сестер супруга.

Достаточно значимым представляется вопрос о том, входят ли в структуру правового статуса вообще, и в частности правового статуса лица, состоящего в браке, правовые гарантии, обеспечивающие реализацию и защиту субъективных прав и исполнение юридических обязанностей, составляющих его содержание. Сложность решения данного вопроса состоит в неоднозначной трактовке как самого термина «правовые гарантии», так и их предназначения, правовых и иных средств их выражения и т.п.

Так, Д. С. Ксенофонтова отмечает, что разнозначное понимание в научной литературе как самого термина «правовые гарантии», так и роли последних в правовом понимании препятствует некоему единообразному пониманию сущности правовых гарантий как таковых. Автор подчеркивает, что правовые гарантии рассматриваются как элементы различных механизмов, а именно механизма правового регулирования, механизма реализации норм права, механизма осуществления прав и исполнения обязанностей, механизма социально-юридического обеспечения прав, механизма гарантирования реализации прав и обязанностей и т.п.¹⁰, а также, что весьма примечательно для целей настоящего исследования, — в качестве элемента правового статуса¹¹. Думается, что именно в этом качестве они могут выступать лишь при условии их выраженности в виде правовой нормы¹², а также если содержанием этой правовой нормы является субъективное право или юридическая обязанность.

На возможность такого положения, когда одно субъективное право гарантируется с помощью другого субъективного права или с помощью обязанности, справедливо обратил внимание Д. М. Чечот, отмечая, что субъективное право или его защита связаны с взаимодействием многих других субъективных прав и

¹⁰ Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. С. 37—40.

¹¹ Витрук Н. В. Проблемы теории правового положения личности в социалистическом обществе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1979. С. 52—53.

¹² Хазов Е. Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина: теоретические основы и проблемы реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 17.

обязанностей, возникающих в рамках правового института, отрасли права и, наконец, системы всего права в целом¹³. К примеру, право супругов на заключение брачного договора гарантируется их правом сообща распоряжаться имуществом, являющимся общей совместной собственностью супругов, и единолично распоряжаться собственностью каждого из них; в свою очередь, это право гарантируется правом человека на заключение брака, являющимся одним из элементов общего правового статуса личности (ст. 64, п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ).

Итак, правовой статус лица, состоящего в браке, определяемый как совокупность прав и обязанностей, основанных на браке, включает в себя круг вытекающих из брака семейных прав и обязанностей, связанных с браком гражданских прав, обязанностей, ограничений и запретов, жилищных, трудовых, пенсионных прав, служебных прав, обязанностей, ограничений и запретов, распространяющихся на членов семьи, основанной на браке. Его структурными элементами являются также гарантии реализации и защиты прав и исполнения обязанностей, вытекающих из брака, выраженные в виде иных субъективных прав и обязанностей.

Интересно проследить сравниваемые категории в динамике их развития. Брачная правосубъектность сама по себе — категория постоянная. Она может вообще не возникнуть, если лицо к моменту достижения брачного возраста было недееспособным и оставалось таковым до смерти. Возникнув с достижением брачного возраста, она не прекращается до момента смерти. Нельзя считать прекращением брачной правосубъектности утрату лицом, не состоящим в браке, дееспособности, поскольку дееспособность может быть восстановлена хотя бы частично, в частности, при признании ранее полностью недееспособного гражданина ограниченно дееспособным.

Таким образом, можно говорить лишь о бессрочном приостановлении брачной правосубъектности. В процессе брачной жизни юридические возможности, входящие в состав брачной правосубъектности лица, реализуются последовательно, поскольку брак является длящимся правовым состоянием. Понятно, что превращение в действительность всех трех ее юридических возможностей не является обязательным; более того, оно крайне нежелательно (понятно, что речь идет о возможности расторжения брака). Реализация одновременно всех юридических возможностей брачной правосубъектности невозможна ввиду действия принципа моногамии, т.е. возможности состоять лишь в одном браке. Признание брака недействительным, как представляется, порочит конкретный брак как правоотношение и как юридический факт, но на брачную правосубъектность никакого влияния не оказывает.

Иное дело — брачный правовой статус. Эта категория чрезвычайно динамична. Во-первых, невозможно определить момент, с наступлением которого можно было бы констатировать, что брачно-правовой статус данного лица полностью сформировался. Одни его элементы могут прекращаться, например, при демобилизации из рядов вооруженных сил, при выходе судьи в отставку и т.п., но могут возникать другие его составляющие. После расторжения брака или после смерти одного из супругов лицо считается состоявшим в браке с соответствующим

¹³ Чечот Д. М. Субъективное право и формы защиты. Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. С. 18.

изменением его правового статуса: прекращается семейный статус, но возникают отношения гражданско-правовые, прежде всего наследственные, а также могут возникнуть отношения, регулируемые нормами публичного права (по выплате пособия вдовам военнослужащих, пенсий по случаю потери кормильца нетрудоспособным вдовам (вдовцам) и т.п.

С другой стороны, супруг (супруга) государственного служащего, занимающего ответственные должности, судьи, прокурора и т.п., претерпевает те же запреты и ограничения, что и само лицо, занимающее соответствующую должность, к примеру, он (она) не вправе открывать счета в зарубежных банках и т.п.

Однако невозможно разумно объяснить, почему лицо, состоящее в браке, обязанное по службе испытывать определенные ограничения и запреты, обязывается по закону информировать о доходах своего супруга, своих родителей, совершеннолетних детей и иных указанных в законе родственников и (или) собственников. Если говорить о правосубъектности и о правовом статусе супруга (супруги) такого лица, то с чисто правовых позиций следовало бы возложить такую информационную обязанность на самого этого супруга, обладающего такой же правосубъектностью и таким же брачным правовым статусом.

Кроме того, в случае заключения супругами брачного договора с установлением режима раздельности имущества лицо, занимающее определенную должность, может и не знать обо всем имуществе или обо всех доходах супруга, в особенности в случае их раздельного проживания в связи с характером работы и т.п. В известной мере это как бы уменьшает объем правосубъектности супруга такого лица, а на само это лицо возлагаются дополнительные обязанности.

Итак, сравнительное исследование двух взаимосвязанных, однако самостоятельных правовых категорий брачной правосубъектности и брачного правового статуса дает основания для следующих выводов:

1. Поскольку указанные категории в науке семейного права практически не употреблялись и данное исследование в значительной мере проводилось для их апробации, имеются все основания констатировать, что они являются вполне применимыми в науке семейного права, четко определяемыми научными категориями, основанными на понятиях и категориях, употребляемых в общей теории права и в теории гражданского права. Брачная правосубъектность определяется как юридическая возможность физического лица вступать в брак, состоять в браке, т.е. быть субъектом брачного правоотношения, а также расторгать брак. Брачный правовой статус определяется как гарантированная законом совокупность семейных и иных прав и обязанностей, основанных на браке или связанных с состоянием в браке.

2. Брачная правосубъектность полностью укладывается в рамки семейной правосубъектности и является ее частью. Брачный правовой статус создается с момента государственной регистрации брака, включает в себя семейный статус, а также гражданско-правовые и иные правоотношения, обусловленные состоянием в браке или связанные с ним.

3. Практическая применимость данных научных категорий определяется как возможность и целесообразность анализа и оценки законодательства, регулирующего любые общественные отношения, связанные с состоянием в браке, на предмет их соответствия принципам защиты брака как добровольного союза

мужчины и женщины, равноправия супругов в семье, недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи.

4. Представляется возможным и необходимым законодательное закрепление в Семейном кодексе РФ определения понятия брака с учетом не только семейно-правового, но и общего правового статуса лиц, вступивших в него. В аспекте сказанного брак можно определить как свободный, добровольный, бессрочный союз мужчины и женщины, заключенный с целью создания семьи путем государственной регистрации в органах ЗАГС по достижении установленного законом брачного возраста и при отсутствии препятствий к его заключению, порождающий у вступивших в него лиц взаимные семейные личные и имущественные права и обязанности, а также иные права и обязанности неимущественного и имущественного характера с другими гражданами, организациями и органами публичной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антокольская М. В. Семейное право : учебник для вузов. — М., 2010. — 336 с.
2. Витрук Н. В. Проблемы теории правового положения личности в социалистическом обществе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1979. — 49 с.
3. Комаров С. А. Общая теория государства и права : учебник. — СПб. : Изд-во Юридического института, 2001. — 366 с.
4. Красавчиков О. А. Модели гражданской правосубъектности // Проблемы социалистической законности на современном этапе коммунистического строительства. — Харьков, 1978. — С. 102—121.
5. Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2015. — 226 с.
6. Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. — М., 1969. — 187 с.
7. Ручкина Г. Ф. Гражданская правосубъектность органов внутренних дел РФ (организационно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1997. — 213 с.
8. Хазов Е. Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина: теоретические основы и проблемы реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 47 с.
9. Хватова М. А. Гражданская правосубъектность физических лиц в Российской Федерации (проблемы теории и практики). — М. : Юстицинформ, 2014. — 242 с.
10. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. — 237 с.

Статус члена семьи и его влияние на участие в гражданских правоотношениях

Аннотация. В статье исследуется вопрос участия членов семьи в гражданских правоотношениях. Рассмотрены случаи, когда статус члена семьи является основанием для возникновения, изменения и прекращения у него определенных прав и обязанностей. Статус члена семьи наделяет такое лицо правами и устанавливает обязанности; предусматривает запреты и ограничения; преимущества и т.д. Также проанализирована проблема определения статуса члена семьи как субъекта гражданских правоотношениях в связи с наличием семейного интереса, что является правовой особенностью. В такой ситуации происходит столкновение гражданско-правовых и семейно-правовых механизмов осуществления прав, когда положение о том, что граждане (физические лица) приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ), противоречит положениям семейного законодательства о разрешении внутрисемейных вопросов по взаимному согласию.

Сделан вывод о том, что целью законодательных изменений должно быть соблюдение баланса между правами и интересами физического лица и правами и интересами семьи и члена семьи как субъекта прав.

Ключевые слова: семья, член семьи, статус члена семьи, семейный интерес.

**Анастасия Юрьевна
КАСАТКИНА,**

старший преподаватель
кафедры гражданского
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

ayukasatkina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.085-091

Anastasia Yu. KASATKINA,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

ayukasatkina@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya Moscow, Russia, 125993

The status of a family member and its impact on participation in civil legal relations

Abstract. The article examines the issue of participation of family members in civil legal relations. Cases are considered when the status of a family member is the basis for the emergence, change and termination of certain rights and obligations. The status of a family member gives such a person rights and establishes duties; provides for prohibitions and restrictions; benefits, etc. The problem of determining the status of a family member is also analyzed as a solution to legal relations in connection with the presence of such phenomena as family interest, which is a manifestation of the peculiarity. Due to

© Касаткина А. Ю., 2023

the fact that in this case there is a clash of civil law and family law mechanisms for the exercise of rights, when the provision that citizens (individuals) acquire and perceive situations with their civil rights of their will and in the interests (paragraph 2 of Art. 1 of the Civil Code of the Russian Federation) adoption of the provisions of family law on the resolution of intra-family issues by mutual agreement.

It is concluded that the purpose of legislative changes should be to maintain a balance between the rights and interests of an individual and the rights and interests of the family and family member as a subject of rights.

Keywords: family, family member, family member status, family interest.

Семья, ее вопросы и проблемы не перестают вызывать научный интерес. Повышенное внимание со стороны научного сообщества связано не только с кризисными явлениями в современной российской семье, сопровождающими ее жизнь и деятельность, но и с важностью института семьи для благополучного развития общества и государства в целом.

В юридической доктрине представлены различные точки зрения касательно сущности понятия «семья». Профессор В. А. Рясенцев определял семью в социологическом и юридическом смысле. «В социологическом понимании семья есть союз лиц, основанный на браке, родстве (или только родстве), принятии детей на воспитание, характеризующийся общностью жизни, интересов, взаимной заботой. Советскую семью в юридическом смысле можно определить как круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений на принципах коммунистической морали»¹.

Кроме того, в российской науке семейного права семья понимается как союз²; малая социальная группа³; фундамент общества⁴; договор простого товарищества⁵; общность совместно проживающих лиц, объединенных правами и обязанностями, предусмотренными семейным законодательством⁶; квазиправосубъектное образование⁷.

¹ Рясенцев В. А. Семейное право. Советское изобретательское право / сост. Б. А. Булавский, Е. А. Моргунова. М. : Проспект, 2017. С. 56—57.

² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права [по изданию 1907 г.]. М., 1995. с. 166.

³ Мананкова Р. П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 26—41.

⁴ Сагр А. Семейные ценности в Исламе. СПб. : Изд-во Диля, 2008. С. 68.

⁵ Ильина О. Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 12—15.

⁶ Нечаева А. М. Семейное право : учебник для академического бакалавриата. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. С. 33.

⁷ Долинская В. В. Проблемы квазиправосубъектных образований в частном праве // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ :

Семья представляет собой социально-правовое образование, созданное и действующее с целью продолжения рода и жизни в целом; воспитания, содержания и благополучия ее членов, совместного осуществления прав семьи и исполнения обязанностей, а также прав и обязанностей ее членов, в осуществлении которых возможно участие иных лиц, связанных членством в семье, без причинения им зла в любом виде и форме.

Семья состоит из нескольких человек, объединившихся по различным основаниям, одобряемым государством и обществом. Соответственно, одной из основ российской семьи является правовая связь ее членов.

По мнению В. А. Рясенцева, термин «член семьи» применим «к тем, кто входит в одну семью, и к тем, кто ранее входил в нее, также к лицам, вообще не принадлежавшим к составу одной семьи, но связанным близким родством»⁸.

Нельзя не согласиться с мнением Ю. Ф. Беспалова о том, что «член семьи — человек, связанный с другими физическими лицами родством, свойством, иными обстоятельствами правового и фактического порядка, проживающий совместно с ними, ведущий с ними общий быт, общий бюджет, решающий иные семейные задачи в целях общего семейного блага и блага каждого члена семьи»⁹.

Статус члена семьи наделяет лицо правами и устанавливает обязанности; предусматривает запреты и ограничения; преимущества и т.д. Иными словами, в предусмотренных законодательством РФ случаях статус члена семьи служит основанием для возникновения, изменения и прекращения у него определенных прав и обязанностей.

Правовое значение статуса члена семьи оказывает влияние и на участие лица в гражданских правоотношениях. В частности, к наследованию по закону призываются наследники в зависимости от очередности, которая определяется как родством и свойством, так и правовым статусом члена семьи (ст. 1142—1146 ГК РФ). Несомненно, дети, супруг и родители наследодателя — наследники первой очереди не только потому, что они состоят в близком отношении родства и свойства с наследодателем, но и потому, что непосредственно являются его членами семьи.

Статус члена семьи значим и при представительстве. Статья 28 ГК РФ определяет, что родители могут совершать от имени своих детей сделки, кроме мелких бытовых сделок; сделок, направленных на безвозмездное получение выгоды, не требующих нотариального удостоверения либо государственной регистрации; сделок по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения. Таким образом, участие родителей в сделке обусловлено их правовой связью с ребенком как членов одной семьи.

Члены семьи собственников жилого помещения имеют право проживать и пользоваться этим жилым помещением на условиях, установленных жилищным

сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев [и др.]. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; Статут, 2017.

⁸ Рясенцев В. А. Указ. соч. С. 59.

⁹ Беспалов Ю. Ф. Российский член семьи: понятие и его социально-правовое значение // Вестник Тверского государственного университета. 2020. № 35. С. 141—154.

законодательством; дееспособные и ограниченные судом в дееспособности несут солидарную с собственником ответственность по обязательствам, вытекающим из пользования жилым помещением; могут требовать устранения нарушений их прав на жилое помещение от любых лиц, включая собственника помещения (ст. 288, 292 ГК РФ).

Даритель вправе отменить дарение, если одаряемый совершил покушение на его жизнь, жизнь кого-либо из членов его семьи или близких родственников либо умышленно причинил дарителю телесные повреждения (ст. 578 ГК РФ).

В случае смерти потерпевшего (кормильца) право на возмещение вреда имеют также один из родителей, супруг либо другой член семьи независимо от его трудоспособности, который не работает и занят уходом за находившимися на иждивении умершего его детьми, внуками, братьями и сестрами, не достигшими 14 лет либо, хотя и достигшими указанного возраста, но по заключению медицинских органов нуждающимися по состоянию здоровья в постороннем уходе, они также сохраняют право на возмещение вреда после окончания ухода за этими лицами (ст. 1088 ГК РФ).

Также согласно п. 1 ст. 1183 ГК РФ членам семьи, проживавшим совместно с наследодателем, принадлежит право на получение подлежавших выплате наследодателю, но не полученных им при жизни по какой-либо причине сумм заработной платы и приравненных к ней платежей, пенсий, стипендий, пособий по социальному страхованию, возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, алиментов и иных денежных сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию.

Нельзя не отметить, что участие лица в гражданских правоотношениях, обусловленных наличием статуса члена семьи, имеет правовую особенность. В частности, такое участие в некоторых случаях может осложняться интересом самой семьи. В такой ситуации на первый взгляд следует руководствоваться общим положением ГК РФ о том, что граждане (физические лица) приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Однако такой подход противоречит положениям семейного законодательства о разрешении внутрисемейных вопросов по взаимному согласию. Таким образом, происходит столкновение гражданско-правовых и семейно-правовых механизмов осуществления прав.

В судебной практике можно увидеть, как применяются положения части первой ГК РФ и СК РФ к семейным отношениям.

В апелляционном определении Московского городского суда от 22.08.2019 по делу № 33-19470/2019 указано: «Из материалов дела следует, что Ф.И.О. и Ф.И.О. состояли в зарегистрированном браке с 25.02.2011, который решением мирового судьи судебного участка № 38 от 06.08.2018 расторгнут. От брака стороны имеют общего ребенка — дочь А., которая согласно пояснениям истца после расторжения брака осталась с ней проживать, тогда как ответчик не оказывает истцу материальной помощи на содержание ребенка, не имеет постоянного места работы, что не было опровергнуто ответчиком.

Руководствуясь положениями ст. 256 ГК РФ, ст. 34, 36, 38, 39 СК РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении

дел о расторжении брака”, суд в порядке раздела совместно нажитого имущества признал за каждой из сторон право собственности на 1/2 доли в праве собственности на квартиру, расположенную по адресу <...> со взысканием по ст. 98 ГПК РФ с ответчика в пользу истца госпошлины в размере 46 034 руб. 00 коп.

С указанными выводами суда первой инстанции судебная коллегия соглашается, поскольку они мотивированны, соответствуют установленным обстоятельствам дела, основаны на правильном применении и толковании норм материального права и исследованных судом доказательствах, оценка которых произведена по правилам ст. 67 ГПК РФ».

Однако нередко при определении обстоятельств, имеющих значение для дела, допускаются судебные ошибки. «Такое возможно в силу неопределенности положений нормативных правовых актов.

В семейном законодательстве таких положений множество. Например, ст. 7 СК РФ наделяет субъектов семейных отношений правом действовать по своему усмотрению. Это правило, во-первых, некорректно, а во-вторых, противоречит семейным ценностям. Член семьи объективно связан с другими членами семьи, интерес каждого члена семьи обременен интересами семьи и интересами других членов»¹⁰.

Для обеспечения благополучия членов семьи и в целом семьи законодатель следовало бы определить, какие отношения входят в предмет гражданского и семейного правового регулирования для устранения конкуренции норм части первой ГК РФ и СК РФ. Такая конкуренция норм касается в том числе правового статуса субъектов семейных отношений.

Проблема определения статуса члена семьи влияет на участие субъектов в гражданских правоотношениях также в связи с наличием такого явления, как семейный интерес.

«Семейный интерес отражает общую потребность нескольких лиц, объединенных в самостоятельное образование и действующих в качестве такового, и потребность каждого члена семьи в отдельности»¹¹. Согласно приведенному пониманию семейного интереса можно выделить общий семейный интерес, который определяется частными интересами членов семьи, так и интерес самой семьи в целом как самостоятельного образования.

Ценность семейного интереса состоит в гармоничном обеспечении интереса каждого ее члена, в благополучии семьи и ее членов, сохранении и продолжении здоровой жизни.

Однако не каждая семья самостоятельно способна обеспечить интересы своей семьи и интересы членов семьи как внутри семьи, так и в отношениях своей семьи с другими семьями, обществом и государством в целом. В этих случаях на помощь семье и членам семьи должно прийти государство, которое в лице органов, наделенных специальными полномочиями способно оценить и определить

¹⁰ Беспалов Ю. Ф. Несовершенство российского законодательства о семье, семейных ценностях и пути их преодоления : монография. М. : Проспект, 2021. С. 144.

¹¹ Беспалов Ю. Ф. Семейный интерес и интерес членов семьи, обладающих особым социально-правовым статусом: общее и различное, назначение и ценность для семьи // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 6—8.

семейные потребности, их необходимость, принять, изменить и дополнить соответствующие нормы семейного законодательства.

Анализ Семейного кодекса РФ позволяет выявить, что чаще положения о конфликте интересов участников семейных отношений касаются родителей и детей, а также отношений между супругами. Когда такие конфликты в отношениях возникают, они препятствуют осуществлению семейных прав, в том числе могут препятствовать совместному проживанию родителей и ребенка, воспитанию детей и т.д., в том числе создавать конфликты в некоторых супружеских правах.

Право родителей на представление интересов ребенка, предусмотренное ст. 64 СК РФ, приостанавливается, если между интересами родителей и интересами ребенка возникли противоречия.

Определить интерес ребенка можно как его нуждаемость в благополучном воспитании, развитии, безопасном и надлежащем осуществлении своих прав и исполнении родителями своих обязанностей перед ребенком.

С целью устранения конфликтов в положениях глав 1, 4, 11, 12 СК РФ о семейных, в том числе родительских и супружеских, правах, правах ребенка, главу 11 СК РФ следовало бы дополнить ст. 54.1, содержащей правила об интересе ребенка следующего содержания:

«Под интересом ребенка понимается необходимость создания условий для его всестороннего и благополучного развития и воспитания, подготовки к самостоятельной жизни.

Интерес ребенка, как понятие оценочное, определяется в каждой конкретной спорной ситуации уполномоченными на ее разрешение лицами».

Из статьи 31 главы 6 СК РФ следовало бы исключить право супруга на выбор места жительства и дополнить ее положением об определении супругами совместного места жительства по их согласованному усмотрению.

Также предлагается:

- статью 7 главы 2 СК РФ дополнить правилами об осуществлении семейных прав членом семьи с учетом интереса семьи в целом;
- пункт 1 статьи 22 СК РФ дополнить после слов «невозможны» словами «по причине распада семьи, вызванного неправомерным поведением одного из супругов или обоих либо поведением, противоречащим основам нравственности и семейным ценностям»;
- абзац 2 пункта 2 статьи 22 изложить в следующей редакции: «Расторжение брака производится судом лишь в случае невозможности устранения препятствий для сохранения семьи»¹².

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что участие члена семьи и семьи в целом в гражданских правоотношениях связано с конкуренцией и совместным действием норм части первой ГК РФ и СК РФ. В связи с этим законодателю следовало бы определить, какие отношения входят в предмет гражданского и семейного правового регулирования для устранения конкуренции, а также какие механизмы регулирования отношений приоритетны: гражданско-правовые или семейно-правовые.

¹² Касаткина А. Ю. Конфликт интересов по семейному законодательству и его последствия // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 9—11.

Целью законодательных изменений должно быть соблюдение баланса между правами и интересами физического лица и правами и интересами семьи и члена семьи как субъекта прав.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Беспалов Ю. Ф.* Несовершенство российского законодательства о семье, семейных ценностях и пути их преодоления : монография. — М. : Проспект, 2021.
2. *Беспалов Ю. Ф.* Российский член семьи: понятие и его социально-правовое значение // Вестник Тверского государственного университета. — 2020. — № 35. — С. 141—154.
3. *Беспалов Ю. Ф.* Семейный интерес и интерес членов семьи, обладающих особым социально-правовым статусом: общее и различное, назначение и ценность для семьи // Семейное и жилищное право. — 2020. — № 4. — С. 6—8.
4. *Долинская В. В.* Проблемы квазиправосубъектных образований в частном праве // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев [и др.]. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Статут, 2017.
5. *Ильина О. Ю.* Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. — 2019. — № 1. — С. 12—15.
6. *Касаткина А. Ю.* Конфликт интересов по семейному законодательству и его последствия // Семейное и жилищное право. — 2020. — № 4. — С. 9—11.
7. *Мананкова Р. П.* Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. — 2012. — № 4. — С. 26—41.
8. *Нечаева А. М.* Семейное право : учебник для академического бакалавриата. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2015.
9. *Рясенцев В. А.* Семейное право. Советское изобретательское право / сост. Б. А. Булаевский, Е. А. Моргунова. — М. : Проспект, 2017.
10. *Сакр А.* Семейные ценности в Исламе. — СПб. : Изд-во Диля, 2008.
11. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права [по изданию 1907 г.]. — М., 1995.

**Диана Османовна
ОСМАНОВА,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
doosmanova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Правовой статус бывшего супруга (супруги)

Аннотация. В статье сделана попытка определить правовой статус бывшего супруга, т.е. лица, с которым прекращена брачная связь, в контексте различных сфер правовой жизни — вещных, семейных, наследственных, корпоративных, конкурсных правоотношений и др. На основе анализа судебной практики и доктринальных позиций выявлено несовершенство некоторых положений в обозначенных областях, имеющих ключевое значение. Это требует нормативного оформления правового статуса бывшего супруга, поскольку подобная неопределенность дестабилизирует текущий оборот. В частности, речь идет: об объеме распорядительной власти бывших супругов в отношении совместного имущества; об особенностях определения режима имущества, поступившего после расторжения брака; о возможностях бывшего супруга в части приобретения корпоративных прав; о последствиях фиктивного прекращения брачных отношений и влиянии указанного поведения на иные сферы, в том числе в контексте процедуры несостоятельности (банкротства) и др. Подобная нормативная отстраненность с учетом спектра и сложности обозначенных проблем приводит к распространению злоупотреблений и нарушению баланса интересов сторон в случае необходимости их защиты.

Ключевые слова: бывший супруг, брак, расторжение брака, прекращение брака, режим имущества супругов, корпоративные права, несостоятельность (банкротство), совместное имущество, семейный союз, раздел имущества, брачный договор.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.092-100

Diana O. OSMANOVA,

Associate professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
doosmanova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Legal status of the former spouse

Abstract. The article attempts to determine the legal status of the former spouse, that is, the person with whom the marital relationship has been terminated, in the context of various spheres of legal life — property legal relations, family, hereditary, corporate, competitive, etc. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal positions in some of the designated areas, key imperfections have been identified that require their solution and normative registration of the legal status of the former spouse, since such uncertainty

destabilizes the current turnover. In particular, we are talking about: the extent of the administrative power of the former spouses in relation to conscientious property; the specifics of determining the regime of property received after the dissolution of marriage; the possibilities of the former spouse regarding the acquisition of corporate rights; the consequences of fictitious termination of marital relations and the impact of this behavior on other areas, including in the context of insolvency proceedings (bankruptcy), etc.

Such normative detachment, taking into account the spectrum and complexity of the identified problems, leads to the spread of abuses and the violation of the balance of interests of the parties, if necessary, their protection.

Keywords: *ex-spouse, marriage, dissolution of marriage, termination of marriage, marital property regime, corporate rights, insolvency (bankruptcy), joint property, family union, division of property, marriage contract.*

Одной из самых неоднозначных категорий в контексте системы юридических фактов являются факты-состояния¹, пример которых — состояние в брачном союзе. Однако с учетом актуальной правоприменительной практики и положений закона (включая предлагаемые реформы²) для юридической плоскости значение имеет не только нахождение в указанной связи, но и ее прекращение. В частности, подобное воздействие усматривается в области корпоративного, вещного, наследственного, обязательственного, жилищного права, отношений несостоятельности (банкротства) и, конечно, семейного права.

Безусловно, в первую очередь прекращение брачной связи влияет на область, которая непосредственно посвящена ее правовому регулированию. В то же время для настоящего исследования значимым является разрешение вопроса о последствиях ее разрыва в контексте имущественных отношений бывших супругов.

Несмотря на то, что законный совместный режим собственности супругов не является характерным для российского правопорядка³, он закреплен в

¹ В частности, о этой категории упоминает Е. А. Усачева со ссылкой на А. Х. Ульбашева (см.: Усачева Е. А. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супругов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4. С. 91—111). На данный факт указывает и Т. П. Строгонова (см.: Строгонова Т. П. Правовой статус членов и бывших членов семьи собственника жилого помещения. М.: Статут, 2022). Об этом явлении также см.: Чеговадзе Л. А. Основания и условия гражданско-правовых состояний // Экономические споры: проблемы теории и практики. 2002. № 4; Она же. Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004.

Вместе с тем следует отметить, что далеко не все авторы поддерживают идею наличия таких юридических фактов. Например, см.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950.

² Законопроект о закреплении правового статуса бывшего супруга (супруги) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения 02.04.2023).

³ В частности, Свод законов Российской империи устанавливал раздельную собственность супругов. Аналогичный режим устанавливал Брачно-семейный кодекс РСФСР 1918 г.,

положениях СК РФ и ГК РФ. Однако здесь стоит отметить, что, по мнению автора, внимательное системное прочтение указанных актов едва ли позволяет говорить об истинно общем режиме имущества супругов.

Действительно, формально п. 1 ст. 33 СК РФ закрепляет, что законным режимом является режим совместной собственности. Однако далее закон уточняет, какое именно имущество и в каком случае может быть отнесено к брачному и, соответственно, подпадает под законный режим (ст. 34 СК РФ). Судебная практика детализирует условия, наличие которых позволяет судить о действии законного режима, в частности: 1) возмездность приобретения имущества; 2) время приобретения имущества (в период действия брака или после его прекращения, в том числе фактического прекращения); 3) источник средств приобретения имущества (совместные или индивидуальные денежные средства супругов)⁴. Помимо этого, априори не считаются общими долговые обязательства⁵.

В конечном итоге мы сталкиваемся с ситуацией существования трех имущественных масс как внутри, так и за пределами брачного союза: совместной — супругов и индивидуальной — каждого из них. Подобное едва ли позволяет согласиться с выводом о безоговорочном и автоматическом режиме совместного имущества супругов.

в силу чего все то, что было приобретено супругами как до, так и во время брака, не становилось общим. Указанная норма подчеркивала независимость женщины от мужа, в том числе в имущественном плане. Однако к 1922 г. стало заметно, что подобное регулирование, наоборот, ущемляет интересы женщин, которые трудятся внутри семьи, ввиду чего не могут наращивать свое материальное состояние, в связи с чем судебная практика, а затем и закон (Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г.) перешли к противоположной модели — общности имущества супругов. См.: *Брикса К.* Проблемы и перспективы развития института совместной собственности супругов // *Цивилистика.* 2021. № 3. С. 30.

⁴ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». Абз. 4 п. 15 // СПС «КонсультантПлюс».

В одном из споров Верховный Суд РФ указал, что квартира, купленная на денежные средства одного из супругов, доставшиеся ему по наследству, является личной собственностью указанного супруга. См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.09.2020 № 41-КГ20-10-К4 // СПС «КонсультантПлюс». В пункте 10 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017, указано, что на имущество, приобретенное в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, режим общей совместной собственности супругов не распространяется (СПС «КонсультантПлюс»). В другом деле Суд признал индивидуальной собственностью квартиру, приобретенную на личные средства одного из супругов, право собственности на которую было зарегистрировано на другого супруга (см.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.11.2020 № 117-КГ20-2-К4 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.08.2021 № 5-КГ21-91-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

По этой причине усматриваются две ключевые проблемы, которые существуют независимо от наличия или отсутствия брачной связи: 1) установление режима имущества, а точнее его относимости к совместному имуществу супругов (пусть даже бывших); 2) объем распорядительной власти супругов в отношении совместного имущества, особенно после прекращения брачных отношений.

В качестве иллюстрации первой из обозначенных проблем следует привести пункт 3 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2022), закрепляющего судебное дело, в рамках которого решался вопрос о правовом режиме денежных средств, полученных после развода. В период существования брака компания-работодатель накопила долг по заработной плате перед одним из супругов. Однако выплата была произведена к тому моменту, когда работник официально был разведен. Суды трех инстанций пришли к выводу о том, что указанные денежные средства не подпадают под режим совместной собственности супругов, однако Верховный Суд РФ занял иную позицию. В частности, он указал, что трудовая деятельность осуществлялась в период брака и предусматривала поступление от нее дохода именно в совместную имущественную массу супругов, в связи с чем дата перечисления денежных средств значения не имеет, поскольку их выплата направлена на исполнение ранее возникшего обязательства.

Таким образом, выплата за пределами брачной связи не меняет правовой режим полученных средств и не лишает бывшего супруга права на получение их части при разделе⁶.

Примером второй проблемы является широко обсуждаемый в правовых кругах спор, рассмотренный Конституционным Судом РФ по жалобе гражданина Е. В. Мокеева. Заявитель являлся покупателем объекта недвижимого имущества, который, как оказалось впоследствии, находился в совместной собственности бывших супругов⁷.

В частности, ключевой причиной спора стало намерение бывшего супруга истребовать свою долю в праве на общее имущество — реализованную недвижимую вещь. Вопреки сложившейся для подобных споров практике Верховного Суда РФ⁸ (которая защищает интересы бывшего супруга, а не добросовестного

⁶ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2022), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2021 № 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Мокеева» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.05.2018 № 305-ЭС17-20998 по делу № А40-167485/2015 // СПС «КонсультантПлюс». В рамках данного спора бывшая супруга обратилась с требованием о признании недействительным договора купли-продажи доли в ООО, которая являлась совместным имуществом супругов и была реализована в пользу третьего лица без согласия заявительницы.

Другим успешным примером аналогичного оспаривания совершенных сделок со стороны бывшего супруга является определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.09.2016 № 18-КГ16-97 (СПС «КонсультантПлюс»). Подробнее об обозначенной проблеме см.: *Бевзенко Р. С.* Сделка с супружеским имуществом без

приобретателя), Конституционный Суд РФ занял сторону добросовестного покупателя.

Как отмечает А. Латыев, с мнением которого солидарен автор настоящей работы, Конституционный Суд РФ в рамках данного постановления пытается решить крайне сложный вопрос о соотношении интереса конкретного лица (бывшего супруга) и оборота (в лице третьих лиц, которые вступают в обязательственные отношения по поводу имущества, являющегося совместным)⁹. Конституционный Суд РФ смещает акцент в сторону обнаружения «более тесной связи» между участниками оборота: очевидно, бывшие супруги юридически должны быть ближе друг к другу, чем один из них по отношению к своему контрагенту. В этой связи заинтересованному супругу следовало позаботиться об опубликовании своего права в целях недопущения необоснованной реализации вещи без его ведома¹⁰.

Расторжение брака в данном случае предполагает необходимость разрешения следующих крайне важных вопросов, касающихся: 1) исковой давности по требованию о разделе совместно нажитого имущества; 2) принципиальной необходимости получения согласия бывшего супруга на совершение сделок в отношении совместного имущества.

В вопросе исковой давности по требованию о разделе совместно нажитого имущества отсутствует единая правовая позиция. В силу взаимосвязанных положений п. 7 ст. 38 СК РФ и п. 19 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» исковая давность составляет 3 года и начинается течь не со времени прекращения брака, а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 200 ГК РФ). О субъективном характере начала течения подобного срока свидетельствует и практика Верховного Суда РФ¹¹.

Иными словами, расторжение брака не ведет к автоматической трансформации режима совместной собственности супругов, поскольку она допустима только при наличии на то воли с их стороны в форме подписания соответствующего соглашения либо обращения за судебной защитой, а также предполагает довольно продолжительный период «подвешенности» как для самих сторон (бывших супругов), так и для третьих лиц, поскольку субъективное понимание

согласия другого супруга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 11. С. 124—134 ; Ломакина П. А. Общие обязательства супругов в деле о банкротстве одного из них // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 5. С. 90—119.

⁹ Указанную проблему обозначала А. Ф. Пьянкова. См.: Пьянкова А. Ф. Право общей совместной собственности супругов после расторжения брака: в поисках баланса интересов // Закон. 2019. № 12. С. 138—147.

¹⁰ См.: Рыбалов А., Скловский К., Церковников М., Латыев А., Чефранова Е., Федорова О. Принцип внесения против супружеской недобросовестности // Закон. 2021. № 8. С. 26—34.

¹¹ Аналогичный вывод высказан в п. 2 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022 // СПС «КонсультантПлюс».

бывшим супругом нарушения его (ее) прав может наступить спустя десятилетия после официального прекращения брачных отношений.

Для решения подобной проблемы некоторые авторы предлагают установить трехлетний срок, по истечении которого (после расторжения брака) режим совместного имущества должен автоматически трансформироваться в общий долевой¹², а отдельные авторы вообще считают, что самого прекращения брака уже достаточно для преобразования имущественного режима и каких-либо отдельных действий или внесения изменений в закон не требуется¹³.

Некоторые ученые в целом высказывают позицию о том, что подход, избранный Верховным Судом РФ, о субъективном течении исковой давности, дестабилизирует оборот¹⁴.

Едва ли самовольное вторжение в сферу имущественных отношений бывших супругов (посредством установления автоматической возможности трансформации режима) является справедливым решением. Более того, оно кажется странным в контексте существования п. 4 ст. 252 ГК РФ, устанавливающего последствия смерти одного из супругов для совместного режима их имущества. Поскольку специалисты в области наследственных отношений настаивают на том, что даже смерть не может автоматически трансформировать совместный режим¹⁵, не обнаруживается правового обоснования для преобразования его при жизни обеих сторон, которые свободны в выражении собственной воли на этот счет. Более того, думается, что такое нормативное закрепление не решит проблем, если не породит новые, касающиеся установления, какое именно имущество является совместным и, соответственно, подлежит автоматическому разделу.

Другой, не менее значимый вопрос — это необходимость получения согласия бывшего супруга на распоряжение имуществом, которое является совместным (если последнее не разделено после расторжения брака). Автором обнаружена продолжающаяся научная дискуссия между О. В. Мананниковым и А. Ф. Пьянковой¹⁶. Научное противостояние развернулось вокруг решения обозначенного автором

¹² См.: *Краснова Т. В.* Общая совместная собственность бывших супругов // Актуальные проблемы частноправового регулирования : материалы Международной VI научной конференции молодых ученых (г. Самара, 28—29 апреля 2006) : сборник научных статей. Самара : Универс-груп, 2006. С. 273.

¹³ См.: *Артемьева Н. В.* Совместная собственность супругов: актуальные вопросы правового регулирования и практика применения // Бюллетень нотариальной практики. 2003. № 6. С. 2—8.

¹⁴ См.: *Брикса К.* Указ. соч. С. 36.

¹⁵ См.: *Петров Е. Ю.* Права пережившего супруга // Закон. 2022. № 1. С. 40—41.

¹⁶ Первоначально была высказана определенная позиция в работе О. В. Мананникова «Права на имущество бывших супругов» (Бюллетень нотариальной практики. 2004. № 3. С. 20—26). Далее была высказана противоположная и критикующая позиция в работе М. Н. Попова и А. Ф. Пьянковой «О порядке распоряжения совместно нажитым имуществом бывшими супругами» (Законодательство и экономика. 2015. № 1. С. 74—80). В ответ на это была подготовлена работа О. В. Мананникова «К вопросу об имущественных правах бывших супругов» (Закон. 2017. № 2. С. 57—64), на которую был вновь подготовлен соответствующего уровня научный ответ — статья А. Ф. Пьянковой «Право об-

вопроса: по мнению О. В. Мананникова, после расторжения брака не происходит изменения совместного режима имущества супругов, но из-за неприменения к ним семейного законодательства (по причине прекращения брачной связи) при решении вопроса об объеме распорядительной власти каждого из них должны применяться положения п. 2 ст. 253 ГК РФ, устанавливающие презумпцию согласия каждого из участников совместной собственности на совершаемые одним из них сделки¹⁷.

А. Ф. Пьянкова, напротив, олицетворяет позицию тех авторов, которые считают необходимым применение положений п. 3 ст. 35 СК РФ (предполагающих необходимость получения отдельного нотариально заверенного согласия супруга на совершение обозначенных в указанном пункте сделок) независимо от наличия или расторжения брака¹⁸. Данная позиция видится автору настоящей работы более обоснованной.

Наилучшим ее объяснением будет то, что если законодатель предполагает необходимость отдельного информированного согласия лица, являющегося супругой (супругом) участника сделки, т.е. отдельного уведомления лица, с которым продавец состоит в наиболее тесной связи (не только в юридическом, но и в социальном, психологическом и ином аспекте), то тем более такое согласие должно быть истребовано, когда официальная брачная связь прекращена, что чаще всего предполагает потерю социального контакта. В противном случае получалось бы, что законодатель менее доверяет официальным супругам, чем посторонним (фактически после расторжения брака) лицам.

Однако сущность проблемы кроется не столько в необходимости получения согласия второго супруга, сколько в создании правового баланса, обеспечивающего интересы бывшего супруга и контрагента по сделке. Исследования по данной теме демонстрируют, что авторы стараются занять позицию защиты кого-то одного из них — либо бывшего супруга, либо независимого контрагента, что, как представляется, не отвечает идее справедливости. Нередко нарушаются не только интересы контрагента по сделке, но и бывшего супруга (если исключить ситуации злоупотреблений бывших супругов). В частности, у лиц, расторгнувших брак, нет взаимной информационной обязанности по отношению друг к другу о намерении реализовать совместное имущество. Возможно, здесь можно было бы применять по аналогии п. 3 ст. 250 ГК РФ, устанавливающий необходимость информирования иных собственников о намерении реализовать долю в праве. Применительно к совместной собственности думается целесообразным информировать бывшего супруга о юридических намерениях в отношении совместной собственности.

Контрагент по сделке страдает ввиду отсутствия единого ресурса, позволяющего достоверно проверить наличие или отсутствие состояния брака¹⁹, равно

щей совместной собственности супругов после расторжения брака: в поисках баланса интересов» (Закон. 2019. № 12. С. 138—147).

¹⁷ См.: Мананников О. В. Права на имущество бывших супругов ; Он же. К вопросу об имущественных правах бывших супругов.

¹⁸ См.: Пьянкова А. Ф. Право общей совместной собственности супругов после расторжения брака: в поисках баланса интересов // Закон. 2019. № 12. С. 138—147.

¹⁹ Формально такой сервис создан, но едва ли действительно сможет помочь на практике. См.: URL: <https://sfr.gov.ru/branches/kamchatka/news~2019/07/18/185934> (дата обращения 01.04.2023).

как и источник происхождения приобретаемого имущества (поскольку, как было указано, далеко не всегда наличие брака предполагает возникновение совместной собственности на приобретаемые вещи).

У автора настоящей работы в данный момент нет предложений по решению указанной проблемы. Допустимый вариант — адаптирование системы, распространенной в отношении товаров, — обязательного маркирования с нанесением qr-кода²⁰, благодаря которому можно проследить всю историю его создания и дальнейшей судьбы. Вероятно, если бы подобный сервис был создан в отношении любых вещей с указанием источника финансирования его приобретения, интересы контрагентов по сделкам были бы защищены.

Обозначив указанные аспекты, ввиду ограниченности допустимого объема исследования автор вынужден перейти к констатации ключевых выводов, полученных в ходе его проведения. Тем не менее следует отметить, что для последующего исследования остался еще целый спектр различных вопросов, касающихся, в частности, последствий для бывшего супруга фиктивности прекращения брачных отношений; допустимости обращения бывшим супругом с требованиями о его (ее) содержании и вопроса о том, какие имущественные взыскания допустимы в указанной области²¹; о жилищных правах бывшего супруга, особенно в ситуации отсутствия на праве собственности личного жилого помещения²² и пр.

Усматривается очевидная необходимость формального отражения правового статуса бывшего супруга в различных отраслях права и законодательства, особенно в вещных правоотношениях как наиболее острых с учетом обнаруженных доктринальных позиций и предложенных примеров судебной практики.

Автор констатирует отсутствие единого универсального механизма, способствующего решению всех обнаруженных проблем; для каждой ситуации требуется индивидуальное, точечное решение, ведущее к установлению справедливого баланса интересов бывшего супруга и третьих лиц, олицетворяющих оборот.

²⁰ См.: постановление Правительства РФ от 26.04.2019 № 515 «О системе маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров» (вместе с Правилами маркировки товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, Положением о государственной информационной системе мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См. об этом, например: *Алейникова В. В.* Влияние итогов раздела имущества супругов на отношения по содержанию между бывшими супругами: постановка проблемы и возможные пути решения // Закон. 2018. № 6. С. 52—61 ; *Елисеева А. А.* Личные немущественные права, обязанности детей и родителей в российской семье: эволюция правового института // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 124—130. См. также пост О. Р. Зайцева от 27.08.2021 (URL: <https://t.me/Shokobear> (дата обращения: 01.04.2023)).

²² См. об этом, например: *Бабкина А.* Выселение бывшего супруга из квартиры: закон на стороне собственника // Жилищное право. 2020. № 10. С. 39—46.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бершицкий Э. Е.* Разборки из «Ада»: судебный раздел имущества супругов как сделка? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 11. — С. 5—31.
2. *Брикса К.* Проблемы и перспективы развития института совместной собственности супругов // Цивилистика. — 2021. — № 3. — С. 29—41.
3. *Ломакина П. А.* Общие обязательства супругов в деле о банкротстве одного из них // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 5. — С. 90—119.
4. *Мананникова О. В.* К вопросу об имущественных правах бывших супругов // Закон. — 2017. — № 2. — С. 57—64.
5. *Михальчук Ю., Горева А.* Семейно-корпоративные споры: от раздела общего имущества до вмешательства в дела компании // Цивилистика. — 2021. — № 3. — С. 120—157.
6. *Пьянкова А. Ф.* Право общей совместной собственности супругов после расторжения брака: в поисках баланса интересов // Закон. — 2019. — № 2. — С. 138—147.

Теоретические аспекты гражданского права

Публичные и частные интересы в меняющемся гражданском праве России: единство в многообразии

Аннотация. В статье анализируется проблема понимания публичных и частных интересов на современном этапе развития общественных отношений, регулируемых в России гражданским правом. На основе проведенного исследования автором делается вывод о том, что противопоставление публичного интереса частному необоснованно, поскольку невозможно удовлетворение одних интересов без удовлетворения других. Публичный и частный интерес в частном праве представляют собой единое целое в случаях высокой общественной значимости. Вместе с тем нельзя недооценивать значение частного интереса, правовая форма которого необходима для конкретизации его обеспечения в строго определенной сфере общественных отношений, связанных с удовлетворением потребностей одного лица действиями другого. Такой подход к соотношению частного и публичного интересов позволяет расширить и уточнить их понимание, выделив гражданско-правовые ценности и ценности гражданско-правовых сообществ, общие и специальные гражданско-правовые интересы, а также общие и специальные интересы гражданско-правовых сообществ, интересы отдельных физических лиц.

Ключевые слова: публичный интерес, частный интерес, гражданско-правовые интересы и ценности, интересы участников гражданско-правовых сообществ.

**Ольга Михайловна
РОДИОНОВА,**

профессор кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент

omrodionova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.101-111

Olga M. RODIONOVA,

Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law
University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor
omrodionova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Public and Private Interests in Modern Private Law in Russia: unity in diversity

Abstract. The article analyzes the problem of understanding public and private interests at the present stage of development of public relations regulated in Russia by private law. Based on the conducted research, the author

© Родионова О. М., 2023

concludes that the opposition of public interest to private is unreasonable, since its carrier is a specific individual. Public and private interest in private law are a single whole in cases of high public importance, characteristic of relations related to the provision of actions at their discretion, especially in connection with the establishment of rights to things, the results of intellectual activity, the protection of personal non-property rights. At the same time, one should not underestimate the importance of private interest, the legal form of which is necessary to concretize its provision in a strictly defined sphere of public relations related to meeting the needs of one person by the actions of another, in particular, in contractual, as well as legal relations related to participation in civil law communities, including corporate ones. Such an approach to the correlation of private and public interests makes it possible to expand and clarify their understanding, highlighting civil law values and values of civil law communities, general and special civil law interests, as well as general and special interests of civil law communities, the interests of individual individuals.
Keywords: public interest, private interest, civil law interests and values, interests of participants of civil law communities.

Актуальность проблемы

Начавшиеся в 2022 г. резкие изменения экономических и геополитических процессов стали достаточно серьезными, чтобы запустить в России перестройку множества отношений, в том числе и регулируемых частным правом. В новых условиях потребности населения, по сути, не претерпели значительных изменений. Однако прежние возможности их удовлетворения фактически ограничены или не могут быть реализованы прежними способами, что ведет, в свою очередь, к корректировке интересов, понимание которых имеет фундаментальное значение для гражданского права, призванного обеспечивать их полноценное удовлетворение.

В новых условиях необходимо перепроверить актуальность того понимания соотношения частных и публичных интересов, которое в недавнем прошлом считалось признанным и было санкционировано нашим государством.

Следует отметить, что в России, начиная с начала 90-х гг. прошлого века активно поддерживается определение публичных и частных интересов как противоречащих друг другу¹, обсуждается лишь степень их антагонистичности².

¹ См.: Бакаева О. Ю., Погодина Н. А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 36—47.

² См.: Актуальные проблемы теории земельного права России : монография / под общ. ред. А. П. Анисимова. М. : Юстицинформ, 2020. Также см., например: Шарнина Л. А. Частные и публичные интересы в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4. С. 4—6 ; Биктасов О. Г., Щербаковский Г. З. Взаимодействие государства и гражданского общества в условиях интеграции в международную правовую систему: некоторые вопросы истории и теории // История государства и права. 2006.

В то же время подчеркивается, что «главную задачу гражданского права составляет обеспечение реализации частных интересов»³. Конституционный Суд РФ уточняет, что «конституционное положение о человеке как высшей ценности конкретизируется в актах конституционного нормоконтроля через ключевые юридические категории (право на жизнь, на защиту достоинства личности, социальную защиту, судебную защиту и т.д.)»⁴. То есть частные интересы рассматриваются в качестве приоритетных. Однако все же наиболее распространенным является определение соотношения рассматриваемых явлений через поиск баланса частных и публичных интересов не только в правоприменительной практике⁵, но и в юридической науке⁶.

Поиск баланса сводится, по сути, к ситуативному правовому реагированию на конфликт частных и публичных интересов. Так, Т. С. Яценко считает, что «проблема иерархии частного и публичного интереса в гражданском праве не может быть решена абстрактно, без привязки к конкретной спорной ситуации»⁷. Однако такой подход, безусловно, губителен для отечественной правовой системы, базирующейся на абстрактно формулируемых нормах, объединенных в рамках логически завершенной системы, поскольку усиливает субъективное усмотрение правоприменителя.

Конституционный Суд РФ нашел решение проблемы в выработке наиболее общих критериев установления соотношения публичных и частных интересов. К ним отнесены приоритет прав и свобод человека и гражданина, охрана достоинства личности, а также верховенство и прямое действие Конституции РФ, справедливость и юридическое равенство, правовая определенность и поддержание доверия граждан к закону и действиям публичной власти, соразмерность (пропорциональность) ограничения прав и свобод, конституционная идентичность⁸.

Таким образом, баланс соотношения публичных и частных интересов построен на приоритете частного интереса над публичным, однако продолжает нести в себе идею об их возможном противоречии.

№ 6. С. 3—6 ; Ласкина С. О. Соотношение частных и публичных интересов при правовом регулировании конкурсных отношений // Финансовое право. 2008. № 12. С. 6—10.

³ Яценко Т. С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 63.

⁴ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/info/maintenance/documents/aspects2021.pdf> (дата обращения: 05.04.2023).

⁵ См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П, от 23.01.2007 № 1-П // СПС «КонсультантПлюс» ; постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.09.2012 № 3378/12 по делу № А31-1905/2011 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 1.

⁶ См.: Халиулин В. Е. Согласование интересов субъектов права как предпосылка формирования гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 54 ; Киракосян С. А. Принцип равенства в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 25 с.

⁷ Яценко Т. С. Указ. соч. С. 63.

⁸ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля...».

Думается, допущение на уровне исходных правовых норм ситуации противопоставления публичных и частных интересов деструктивно, поскольку как минимум переводит разрешение реальных споров членов общества, по сути, в устранение конфликтов социальных институтов, снимая с правонарушителей персональную ответственность и превращая достижение справедливости в фикцию.

Следует отметить, что представление о различии, а тем более антагонистичности публичных и частных интересов резко противоречит тысячелетней традиции понимания публичных интересов как господствующих над частными, что исключает какое-либо их несовпадение⁹. Причем в последние годы возникла тенденция возврата к приоритету публичных интересов¹⁰. Однако однозначная публикация интересов явно не совпадает с ожиданиями обеспечения приоритета прав и свобод человека и гражданина в современном российском обществе даже с учетом последних изменений экономических и геополитических обстоятельств.

Представляется, что с учетом указанных противоречий понимание соотношения публичных и частных интересов требует большей определенности, не сводимой, однако, только к закреплению приоритета одних интересов над другими.

Единство частных и публичных интересов в частном праве

Думается, что ключевым моментом, позволяющим уточнить соотношение публичных и частных интересов в гражданском праве, выступает суждение о том, что в реальности единственным носителем интересов, оформляемых правом, в том числе и частным, выступает человек. Остальные субъекты имущественных отношений представляют собой только институционализированные правовые конструкции, с помощью которых обеспечивается этот интерес. Ведь именно человек является тем, кто обладает потребностями, которые, будучи признаны обществом, выступают в качестве интересов¹¹, обеспечиваемых частным правом.

Важно уточнить, что интерес, представляя собой явление сугубо социальное¹², не может существовать в отрыве от сознания конкретного человека. Думается, более соответствует реальности подход, при котором предполагается, что публичные и частные интересы одновременно представлены в сознании каждого конкретного человека и находятся в системной взаимосвязи. Как следствие, соотношение частных и публичных интересов видится прежде всего в их единстве, проявляющемся в невозможности удовлетворения одних интересов без удовлетворения других.

⁹ См.: Яценко Т. С. Указ. соч. С. 59.

¹⁰ См., например: Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М. : Норма, 2007. С. 143.

¹¹ См.: Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. М. : Политиздат, 1986. С. 87.

¹² См.: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2001. 411 с.

Так, В. С. Емом было справедливо отмечено, что «публичный интерес может объективироваться в частном интересе отдельного субъекта»¹³. Более того, председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин прямо утверждает, что «различие частного и публичного условно. В любой норме содержится и частный интерес, и интерес государства. Если есть правовая норма, то в ней уже присутствует государственный интерес. Право выражает интересы всех составных частей правового общения — граждан, групп и государства как публичного сообщества в целом»¹⁴.

Сказанное не означает, что публичный интерес сводится к совокупности частных интересов, невозможно их разделение или отсутствуют видимые противоречия между ними в отдельных конкретных случаях¹⁵. Вместе с тем единство видится тем исходным установлением, которое должно определять их презюмируемое соотношение. Причина заключается в том, что предпосылка любого интереса — потребность — носит частный характер, поскольку создается человеком, а ее определение в качестве интереса обеспечивает общество своим признанием, поэтому — публично. То есть сам интерес включает в себя как публичное, так и частное. Именно с этой позиции, думается, наиболее точно обозначены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ публичные интересы как интересы неопределенного круга лиц, направленные на обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды¹⁶.

Уточняя сказанное, можно утверждать, что публичный интерес — это тот интерес, который, по сути, состоит в удовлетворении частных интересов граждан посредством их взаимодействия с неопределенным кругом лиц в рамках общества, определяющего и обеспечивающего их интересы с помощью государства легализованным насилием. Соответственно, удовлетворение публичных и частных интересов должно обеспечиваться исходя не из их противопоставления, а из их единства. Интересы лица, нарушающего такое единство, не должны подпадать правовому обеспечению.

Очевидно, что основные начала гражданского права (п. 1 ст. 1 ГК РФ и др.), определяемые в качестве принципов гражданского права и оформляющие наиболее общие гражданско-правовые свободы, выражают одновременно частные и публичные интересы. Думается, что с учетом высокой общественной значимости указанных принципов и свобод, а также их тесной связи одновременно с частными и публичными интересами, следовало бы считать их отражающими

¹³ *Ем В. С.* Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству // *Вестник гражданского права*. 2018. № 4. С. 12—45.

¹⁴ *Зорькин В. Д.* Конституция 1993 года — правовая легитимация новой России // *Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный)* / под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма; Инфра-М, 2011. С. 11.

¹⁵ См.: *Калужский М. Л.* Общая теория систем: курс лекций. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2007. Лекция 8. URL: http://www.aup.ru/books/m251/4_2.htm (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁶ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 75 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2015. № 8.

гражданско-правовые ценности. Продуктивность подобного определения продемонстрирована Конституционным Судом РФ, который применяет конструкцию ценностей для определения баланса частных и публичных интересов. При этом конституционными ценностями определены им как «блага и принципы, прямо закрепленные в конституционном тексте, а также выявляемые в нем посредством конституционной интерпретации»¹⁷.

Кроме того, нельзя отрицать отражение публичного и частного интересов в положениях, определяющих правовой статус участников гражданского оборота, их гражданскую право- и дееспособность, включая сделко- и деликтоспособность. Вместе с тем эти субъективные права и обязанности общего типа¹⁸ (правовые способности) — одновременно форма удовлетворения общественно признанной потребности человека быть равноправным участником общественных отношений и действовать по своей воле. Соответственно, можно считать, что указанные положения и права обеспечивают *общие гражданско-правовые интересы*. Наличие таких интересов у человека, находящегося на территории нашего государства, презюмируется и изменено его усмотрением быть не может.

Совпадение публичного и частного интереса прослеживается и в имеющих важное значение для общества и физических лиц законодательных положениях о конкретных гражданских правах, отражающих *отдельные гражданско-правовые интересы*. В частности, такое единство выражается в гражданско-правовых положениях об основаниях возникновения и порядке осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации (интеллектуальных прав) (п. 1 ч. 1 ст. 2 ГК РФ), установления и охраны личных неимущественных прав (гл. 8 ГК РФ).

Таким образом, можно заключить, что, по сути, в рамках гражданско-правового оформления публичного интереса, совпадающего с интересом частным, удовлетворяются общественно признанные потребности граждан в совершении ими действий по поводу вещей, результатов интеллектуальной деятельности, нематериальных благ.

Выделение указанных групп единых интересов важно с позиции осмысления уровня действия гражданско-правовых положений, обеспечивающих их, а также применения мер защиты в случае нарушения соответствующих прав. Нормативные правовые положения о гражданско-правовых ценностях распространяются на все имущественные и личные неимущественные отношения, а мерой их защиты выступают последствия нарушения пределов осуществления гражданских прав (п. 2, 4 ст. 10 ГК РФ).

Такой общий гражданско-правовой интерес, как совершение сделок, обеспечен законодательными положениями, действие которых несколько уже, а защита осуществляется посредством применения требований о признании сделок недействительными (ст. 166—181 ГК РФ). Распространяются на соответствующие отношения положения закона, в которых обозначены отдельные гражданско-правовые

¹⁷ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля...».

¹⁸ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2008. С. 381.

интересы, например, связанные с действиями по поводу вещей, обеспеченные в первую очередь виндикационным и негаторным исками (ст. 302, 304 ГК РФ).

Следствием совпадения публичного и частного интересов в перечисленных сферах выступает их императивное закрепление в положениях гражданско-правовых норм, а также оформление преимущественно конструкцией абсолютных правоотношений, в которых обязанность неопределенного круга субъектов состоит в исполнении единственного правила о воздержании от действий, доступных только управомоченным лицам.

Следует оговориться, что отдельные гражданско-правовые интересы обеспечиваются не только абсолютными, но и некоторыми относительными правоотношениями, складывающимися в рамках внедоговорных обязательств, поскольку конкретизируют деликтоспособность лиц. В случаях совершения деликта обязанным субъектам предписано совершение активных действий, однако все они сведены, по сути, к выполнению одного правила о восстановлении нарушителем положения потерпевшего лица, которое также закреплено в императивных положениях гражданско-правовых норм (ст. 12 ГК РФ).

Еще одним следствием единства частного и публичного интересов выступает их определение в качестве социального назначения и, соответственно, предела осуществления вышеперечисленных субъективных гражданских прав, ведь единство может быть нарушено как частными лицами, так и теми, кто представляет публичные интересы.

Удовлетворение частных интересов связано с волей физических лиц, поскольку обеспечивающие их субъективные гражданские права реализуются по их усмотрению, что в конечном итоге образует специфику гражданского права.

Особенности гражданско-правового обеспечения частных интересов

Очевидно, что не все общественно признаваемые потребности граждан совпадают с вышеупомянутыми ценностями и едиными частно-публичными интересами, образуя группу *частных интересов*. К ним относятся те, для удовлетворения которых необходимо детализировать действия определенных физических лиц. Обеспечивают такие интересы законодательные положения и права, складывающиеся преимущественно в рамках договорных обязательств, а также частноправовых сообществ, в том числе корпораций. Именно эти относительные правоотношения рассчитаны на придание частному интересу собственной правовой формы. Для этих случаев в законе закреплены положения диспозитивного характера, содержащие, по сути, отсылку к правилу, которое формулируется физическими лицами для отражения своих частных интересов, в том числе и их защиты.

Частные интересы не могут противоречить гражданско-правовым ценностям, общим и отдельным гражданско-правовым интересам, что выражается, например, в ограничении свободы договора как пределами осуществления гражданских прав, так и положениями частноправовых актов. С той же позиции можно провести разграничение между *интересами участников сообществ* и *интересами физических лиц*, входящих в круг интересов, имеющих характер частных.

Очевидно, что невысока степень общественной значимости волеизъявления каждого лица, участвующего в сообществе (в том числе действующего в качестве юридического лица — корпорации). Так, отмечается, что «корпоративные интересы рассматриваются в качестве базового интереса, обеспечивающего согласование интересов отдельных акционеров и иных участников предпринимательской деятельности»¹⁹. В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ интересы отдельного акционера учитываются в части, не противоречащей корпоративным интересам, и тем самым обеспечивают согласование индивидуальных интересов²⁰. Таким образом, подчеркивается приоритет корпоративного интереса над интересом одного из участников корпорации. Однако очевидно, что недопустимо лишение права на волеизъявление любого из них или иное нарушение их прав.

Думается, что интересы сообщества принципиально не должны противопоставляться интересам его участников, представляя собой единое целое. Сказанное, однако, не означает отсутствия случаев злоупотребления отдельными участниками сообществ своими правами, создающих видимость противоречия между интересами сообщества и его членов.

При этом представляется, что интерес участника сообщества продолжает быть интересом именно определенного физического лица²¹, а интерес сообщества следует понимать как интерес, единый для всех физических лиц, объединяющих свои усилия с целью ведения общей деятельности в рамках сообщества, но не сводящийся к их совокупности. При таком подходе в круг участников сообщества входят, например, не только участники корпорации, но и лица, состоящие с ней в трудовых отношениях, — работники, поскольку все они имеют единый интерес, состоящий в эффективной деятельности организации.

Следует отметить, что при таком подходе интересы участников сообществ могли бы пониматься более широко, чем только участие в распределении прибыли. Так, удовлетворение общественно признанной потребности в жилых помещениях, организации обучения или отдыха могло бы также получить правовое обеспечение как интерес участников сообщества.

¹⁹ См.: Антонова Е. Г. Экономические интересы в корпоративных правоотношениях // *Хозяйство и право*. 2022. № 7. С. 39—50.

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы.

²¹ По вопросу об определении и классификации интересов юридических лиц, корпораций высказано несколько мнений. См.: Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2015. № 1. С. 29—83; Молотников А. Е. Ответственность в акционерных обществах. М., 2006; Никологорская Е. И. Гражданско-правовая характеристика интересов акционеров и акционерного общества и их баланса : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9, 64—85.

В связи с этим следовало бы обратить внимание как на отечественный²², так и на зарубежный опыт правового регулирования отношений участников различных сообществ, в том числе и корпораций. Так, известно, что в Германии при управлении корпорацией был обеспечен учет интересов работников, которые еще в 1920 г., в соответствии с Законом о фабрично-заводских советах (Betriebsratengesetz, 1920)²³, наделялись правом назначать своих представителей в наблюдательный совет общества²⁴. В настоящее время они обладают правом представительства в производственных советах (Betriebsrat) и участия в управлении, в том числе путем «совместного решения вопросов» (Mitbestimmung, co-determination)²⁵.

Подобный подход используется и в отечественном праве. Однако исследователями констатируется крайне низкий уровень возможности участия работников в управлении корпорацией и, как следствие, удовлетворения их интересов²⁶.

Частные интересы, выступая в качестве назначения (цели) договорных прав и прав участников сообществ, образуют соответствующие пределы их осуществления, уточняя при этом те, которые заданы общими публичными интересами. Поэтому, в частности, несмотря на закрепление правил о свободе договора (ст. 421 ГК РФ), нельзя считать договорные права, а тем более корпоративные, более широкими, чем, например, вещные, поскольку их пределы определяются как публичными, так и частными интересами.

В максимальной степени может быть ограничено осуществление прав участников сообщества, содержание которых преимущественно состоит в определении правового положения его участников. В частности, содержание учредительных документов определено достаточно конкретно и при этом императивно, что создает опасность неправомерности действий его участников в новых обстоятельствах.

Кроме того, права участников корпорации в случае заключения ими корпоративного договора, получают дополнительное назначение и, соответственно, пределы осуществления. Однако представляется, что определенность частного интереса положениями корпоративных актов не должна приводить к ограничению свободы взаимодействия участников сообщества, в частности создавать препятствия для реализации способности действовать по своему усмотрению.

²² *Ефимов А. В.* Исторические тенденции отечественного правового регулирования участия наемных работников в управлении юридическими лицами (1978—2018 гг.) // Государство и право. 2019. № 9. С. 145—149.

²³ См.: Закон о положениях рабочих на предприятиях, 1952 (Betriebsverfassungsgesetz), Закон о кодeterminации, 1976 (Mitbestimmungsgesetz). См. также: *Долгинская Л. М.* Участие работников в корпоративном управлении в Германии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7. С. 37—41.

²⁴ *Данилова С. С.* Интерес хозяйственного общества в корпоративном праве РФ и Германии: понятие, содержание // Предпринимательское право. 2013. № 3. С. 37—46.

²⁵ См.: *Избиенкова Т. А.* Участие работников в управлении организацией как трудовая гарантия социальной ответственности работодателя в Федеративной Республике Германии // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 60—63.

²⁶ См.: Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики : монография / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников. М. : Статут, 2021.

Выводы и предложения

Из сказанного следует, что противопоставление публичного интереса частному необоснованно, поскольку носителем выступает конкретное физическое лицо. Публичный и частный интерес в гражданском праве представляют собой единое целое в случаях высокой общественной значимости, характерной для отношений, связанных с обеспечением действий по своему усмотрению, особенно в связи с установлением прав на вещи, результаты интеллектуальной деятельности, охраной личных неимущественных прав.

Вместе с тем нельзя недооценивать и значение частных интересов, правовая форма которых необходима для конкретизации его обеспечения в строго определенной сфере общественных отношений, связанных с удовлетворением потребностей одного человека действиями другого, в частности, в договорных обязательствах, а также в правоотношениях, связанных с участием в гражданско-правовых сообществах, в том числе в корпорациях.

Такой подход к соотношению частных и публичных интересов позволяет расширить и уточнить их понимание, выделив гражданско-правовые ценности и ценности гражданско-правовых сообществ, общие и специальные гражданско-правовые интересы, а также общие и специальные интересы гражданско-правовых сообществ, интересы отдельных физических лиц, что важно для осознания особенностей их правовой защиты. Следует отметить и необходимость уточнения корпоративного интереса, который включает в себя и интересы лиц, чьи отношения чаще всего определяются только в качестве трудовправовых.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы теории земельного права России : монография / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов [и др.] ; под общ. ред. А. П. Анисимова. — М. : Юстицинформ, 2020. — 800 с.
2. *Алексеев С. С.* Общая теория права. — М. : Проспект, 2008. — 576 с.
3. *Алиев Т. Т.* Роль Конституционного Суда Российской Федерации в сочетании баланса частных и публичных интересов в России // Современное право. — 2010. — № 4. — С. 63—67.
4. *Антонова Е. Г.* Экономические интересы в корпоративных правоотношениях // Хозяйство и право. — 2022. — № 7. — С. 39—50.
5. *Бакаева О. Ю., Погодина Н. А.* О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. — 2011. — № 4. — С. 36—47.
6. *Биктасов О. Г., Щербаковский Г. З.* Взаимодействие государства и гражданского общества в условиях интеграции в международную правовую систему: некоторые вопросы истории и теории // История государства и права. — 2006. — № 6. — С. 3—6.
7. *Гаджиев Г. А.* Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // Вестник гражданского права. — 2017. — № 6. — С. 108—173.
8. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. — М. : Статут, 2001. — 411 с.

9. Данилова С. С. Интерес хозяйственного общества в корпоративном праве РФ и Германии: понятие, содержание // Предпринимательское право. — 2013. — № 3. — С. 37—46.
10. Долинская Л. М. Участие работников в корпоративном управлении в Германии // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2007. — № 7. — С. 37—41.
11. Ем В. С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству // Вестник гражданского права. — 2018. — № 4. — С. 12—45.
12. Ефимов А. В. Исторические тенденции отечественного правового регулирования участия наемных работников в управлении юридическими лицами (1978—2018 гг.) // Государство и право. — 2019. — № 9. — С. 145—149.
13. Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. — М. : Политиздат, 1986.
14. Зорькин В. Д. Конституция 1993 года — правовая легитимация новой России // Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. Д. Зорькина. — 2-е изд., пересмотр. — М. : Норма ; Инфра-М, 2011.
15. Избиенова Т. А. Участие работников в управлении организацией как трудовая гарантия социальной ответственности работодателя в Федеративной Республике Германии // Трудовое право в России и за рубежом. — 2019. — № 1. — С. 60—63.
16. Калужский М. Л. Общая теория систем : курс лекций. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2007. — 144 с.
17. Киракосян С. А. Принцип равенства в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2009. — 25 с.
18. Ласкина С. О. Соотношение частных и публичных интересов при правовом регулировании конкурсных отношений // Финансовое право. — 2008. — № 12. — С. 6—10.
19. Молотников А. Е. Ответственность в акционерных обществах. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 240 с.
20. Никологорская Е. И. Гражданско-правовая характеристика интересов акционеров и акционерного общества и их баланса : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 315 с.
21. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики : монография / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников. — М. : ИЗИСП ; Статут, 2021. — 528 с.
22. Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 1. — С. 29—83.
23. Тугаринов В. П. Марксистская философия и проблема ценности // Проблемы ценности в философии. — М. ; Л., 1966.
24. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. — М. : Норма, 2007. — 319 с.
25. Халиулин В. Е. Согласование интересов субъектов права как предпосылка формирования гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009. — 227 с.
26. Шарнина Л. А. Частные и публичные интересы в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. — 2005. — № 4. — С. 4—6.
27. Яценко Т. С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2016. — 363 с.

**Дмитрий
Александрович
ТУМАНОВ,**

кандидат юридических
наук, доцент,
доцент кафедры
процессуального права
Всероссийской академии
внешней торговли
Министерства
экономического
развития РФ
dtum@mail.ru
119285, Россия, г. Москва,
Воробьевское ш., д. 6а

Реализация интересов через частное и публичное право

Аннотация. В статье отражена дискуссия о значении разделения права на частное и публичное. Автор соглашается с исследователями, которые полагают, что через любую правовую норму вне зависимости от ее отраслевой принадлежности реализуются как частные, так и общественные интересы. В данном случае главное, что само по себе упорядочивание общественных отношений любой правовой нормой имеет существенное значение для общества и не допускает хаоса в отношениях. В самом гражданско-правовом регулировании содержится механизм, обеспечивающий баланс как различных частных, так и общественных интересов. В той или иной степени подтверждение наличия такого механизма можно найти практически в любой норме гражданского права. Публичное право, как и частное, обеспечивает реализацию как общественных, так частных интересов. Вступление в различные публичные правоотношения во многих случаях направлено на удовлетворение интересов отдельных лиц и основано на их воле. Публичные и частные правовые блоки характеризуются многими признаками. Ставя вопрос о публичных и частных правовых блоках, надо понимать, что более чем важны режимы (способы) регулирования ими общественных отношений, поскольку установление режима, не соответствующего существу тех или иных отношений, может привести к невозможности реализации определенного рода интересов. Так, реализация интересов (особенно частных) через гражданские правоотношения возможна главным образом в режиме свободы воли. В публичных отраслях права по меньшей мере одна из сторон не имеет свободы в решении вопроса о вступлении в правоотношение. Кроме того, по общему правилу, в отличие от частных правоотношений, публичные правоотношения подразумевают определенный контроль, который необходим для обеспечения как общественных, так и частных интересов.

Ключевые слова: публичное право, частное право, общественные интересы, частные интересы.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.112-121

Dmytriy A. TUMANOV,

Associate Professor of the Russian Foreign Trade Academy
of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
dtum@mail.ru
6A, Vorobyovskoye sh., Moscow, Russia, 119285

Realization of interests through private and public law

Abstract. *The article reflects a discussion about the meaning of the division of law into private and public. The author agrees with the researchers, who believe that through any legal norm, regardless of its sectoral affiliation, both private and public interests are realized. In this case, we are even talking about the fact that in itself the ordering of social relations by any legal norm is essential for society and does not allow chaos in relations. The civil law regulation itself contains a mechanism that ensures a balance of both various private and public interests. Confirmation of this to a greater or lesser extent can be found in almost any norm of civil law. Public law, like private law, ensures the implementation of both public and private interests. Entering into various public legal relations in many cases is aimed at satisfying the interests of individuals and is based on their will. Public and private legal blocks are characterized by many features. Raising the question of public and private legal blocks, must understand that the regimes (methods) for regulating social relations by them are more than important, since the establishment of a regime that does not correspond to the essence of certain relations can lead to the impossibility of realizing certain kinds of interests. Thus, the realization of interests (especially private ones) through civil legal relations is mainly possible in the regime of free will. In public branches of law, at least one of the parties does not have the freedom to decide whether to enter into a legal relationship. In addition, as a general rule, unlike private legal relations, public legal relations imply a certain control, which is necessary to ensure both public and private interests.*

Keywords: *public law, private law, public interests, private interests.*

Принято считать, что публичное право регулирует отношения, обеспечивающие общий, совокупный (публичный) интерес, в отличие от частного права, регулирующего отношения, через которые реализуются частные интересы¹. Основа такого подхода — воззрения римских юристов, согласно которым изучение права распадается на два положения: публичное и частное (право). Публичное право относится к положению Римского государства, частное — к пользе отдельных лиц².

¹ Большой юридический словарь / сост.: А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. 2003 // URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/index.htm>.

² Дигесты Юстиниана. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. Т. 1. Кн. I—IV.

Разделение права на частное и публичное существовало не везде, в связи с этим можно вспомнить даже о странах романо-германской правовой семьи. Например, Густав Радбрух писал, что «Германии Средневековья деление права на частное и публичное известно не было»³.

В. И. Ленин в 1922 г. при составлении первого Гражданского кодекса писал «Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственный, а государство, это — мы...»⁴.

В советских учебниках по теории права нередко говорилось, что «частное и публичное право, несмотря на различие методов воздействия на общественные отношения, в силу господства частной собственности направлены на решение одной задачи: обеспечить господство класса эксплуататоров»⁵. В учебниках по гражданскому праву на частный характер этой отрасли права не указывалось⁶. Однако и в советской литературе некоторые авторы открыто заявляли о необходимости разграничения права на частное и публичное даже в условиях социалистического общества⁷.

В настоящее время необходимость выделения публичного и частного права практически не отрицается. В одном из учебников по теории государства и права сказано, что «становление гражданского общества предопределило укрупнение деления всех правовых норм на нормы частного и нормы публичного права. <...> В тоталитарных государствах, где огосударствлена большая часть общественных отношений, значительная часть частного права поглощена публичным. Развитие отношений гражданского общества, основанного на юридическом равенстве людей, на правах и свободах личности, ее автономии, инициативе и предприимчивости, закономерно ведет к повышению значения норм и отраслей права, регулирующих имущественные, договорные, кредитные и иные отношения, а также охраняющих их норм гражданского процесса. С развитием товарооборота неизбежно создание новых отраслей и норм права (нормы коммерческого, вексельного, банковского, страхового, акционерного и т.п. отраслей права). К частному праву относятся нормы гражданского, семейного, трудового и других отраслей права, связанных с развитием гражданского общества. Публичное право включает государственное, административное, финансовое, уголовно-процессуальное и гражданско-процессуальное и другие отрасли права, регулирующие деятельность государственных органов и должностных лиц»⁸.

³ Радбрух Г. Введение в науку права / разреш. авт. пер. со 2-го перераб. изд. М. М. Островской и И. З. Штейнберга ; со вступ. ст. [«Методологическая природа науки о праве»] Б. Кистяковского. М. : Труд, 1915. С. 36.

⁴ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Изд-во политической литературы, 1967. Т. 44.

⁵ Теория государства и права : учебник / отв. ред. Н. Г. Александров. М. : Юрид. лит., 1968. С. 592—593.

⁶ См., например: Курс советского гражданского права. М. : Госюриздат, 1963.

⁷ См., в частности: Агарков М. М. Ценность частного права / Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : ЦентрЮрИнфор, 2002. Т. 1.

⁸ Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. М. Н. Марченко. М. : Зерцало, 2004.

В ряде публикаций зачастую встречаются дополнения в отношении критерия разделения права на частное и публичное, а также даются характеристики публичным и частным правоотношениям⁹.

Следует отметить, что на самом деле характер реализуемых интересов в качестве основания (или во всяком случае достаточного основания) для разделения права на публичное и частное очень давно ставится учеными под сомнение. В результате появились разнообразные подходы к разграничению соответствующих правовых блоков.

Густав Радбрух, задаваясь вопросом, что же представляет собой публичное и частное право, давал на него следующий ответ: если обязанность основывается на приказе, то обычно она публичного права, между тем как частноправовая обязанность чаще всего возникает из самоподчинения обязанного¹⁰.

По мнению Ю. С. Гамбарова, любое право — и гражданское, и публичное — служит общественным интересам. При этом различие надо искать не в характере интереса, которому призвано служить право, а в возможности защиты таких интересов. Гражданское право заключается в самозащите интереса посредством иска, публичное же определяет ту сферу, где защита интереса самими гражданами осуществлена быть не может¹¹.

Известный ученый-цивилист, автор фундаментальной работы «К вопросу о частном и публичном праве» Б. Б. Черепахин приводил следующие возражения против этой теории: «1. Теория инициативы защиты переносит критерий разграничения к моменту нарушения права, берет болезненное состояние права (правоотношения), а не правоотношение как таковое, само по себе. 2. Возбуждение уголовного преследования возможно и по частному почину, так же как и защита публичных субъективных прав граждан. Возможны и другие притязания публично-правового характера, осуществляемые также в порядке гражданского иска. 3. Нередко наиболее затруднительным является именно выяснение вопроса, кому в том или ином случае предоставлена инициатива защиты: правовая норма часто не дает никаких, даже косвенных указаний для разрешения этого вопроса; в особенности это следует сказать о нормах обычного права»¹².

Есть научные позиции, согласно которым различия между публичным и частным правом усматриваются в том или ином положении субъекта правоотношения. При таком подходе частное право есть совокупность правоотношений подданных между собой, т.е. правоотношений между лицами, подчиненными стоящей над ними власти и в этом смысле равными друг другу. Публичное право есть совокупность правоотношений, в которых непосредственным или посредственным субъектом права или обязанности является государство как организация, обладающая принудительной властью¹³.

⁹ См.: Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Спарк, 1998. 448 с.

¹⁰ Радбрух Г. Указ. соч. С. 36.

¹¹ Гамбаров Ю. С. Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе вне договорного отношения и не по предписанию закона. Вып. первый : Общественный интерес в гражданском праве. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1879.

¹² Черепахин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве // Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. С. 93—121.

¹³ См. об этом: Черепахин Б. Б. Указ. соч.

Иосиф Алексеевич Покровский считал, что «право как совокупность известных общеобязательных норм (право в объективном смысле) имеет свою общую задачей регулирование отношений между людьми. Одни из этих отношений оно регулирует принудительным образом, так что отдельные частные лица своей волей, своими частными соглашениями их изменить не могут: все определения в этой области исходят из одного-единственного центра, от одной-единственной воли — воли государства. Так именно обстоит дело в сфере государственного права, уголовного права и т.д. — словом, в сфере публичного права. И в этом смысле публичное право может быть характеризовано как система юридической централизации: все оно проникнуто духом субординации, принципом власти и подчинения. В других областях отношений государство применяет иной прием: оно не регулирует их от себя и принудительно, а предоставляет их регулирование частной воле и частным соглашениям; само же занимает позицию власти, только охраняющей то, что будет установлено частными лицами. Если оно и устанавливает известные нормы, то по общему правилу лишь на случай, если частные лица почему-нибудь своих определений не дадут. Вследствие этого нормы права в этих областях имеют характер не принудительный (*jus cogens*), а лишь восполняющий, диспозитивный (*jus dispositivum*) и могут быть частной волей отстранены (*actis privatorum mutari possunt*). Другими словами, здесь государство не ставит себя мысленно в положение единственного центра определений, а, напротив, предполагает наличие множества маленьких автономных центров, которые регулируют свои отношения сами. Мы имеем, таким образом, здесь прием юридической децентрализации, сферу не субординации, а координации, сферу частной инициативы и частного самоопределения. Это и есть область частного или гражданского права — *jus privatum*... Как система юридической централизации, так и система децентрализации, как публичное право, так и частное, восполняя друг друга, одинаково необходимы для здорового социального тела»¹⁴.

Борис Борисович Черепяхин писал, что в действительности всякая норма содержит в себе приказ, повеление. Все нормы права повелительны, принудительны. Не повелительная норма — не норма. Но там, где в диспозиции нормы стоит то или иное волеизъявление человека, — создается впечатление отсутствия принудительности, хотя это кажущееся отсутствие принудительности свойственно и чисто принудительным нормам, ведь до известной степени диспозитивны и уголовные законы, так как преступник может, нарушая или не нарушая запрещение, навлечь или не навлечь на себя карательную санкцию. Правда, человек может по своему усмотрению заключить или не заключить договор определенного содержания (и то не всегда), но раз он его заключил, он также обязан исполнить принятые им на себя обязательства, как и в тех случаях, когда его призывают к отбыванию воинской или трудовой повинности — и он обязан идти, его принуждают платить налоги — и он обязан их платить.

«Вскрывая в этом смысле понятие диспозитивности норм, следует заключить, что из норм частного права диспозитивны только те, где в диспозиции нормы содержится волеизъявление человека, направленное на ее санкцию, следовательно, именно нормы о юридических сделках; там же, где в диспозиции юридическое

¹⁴ Покровский И. А. История римского права. М. : Статут, 2004.

событие, там определенно отсутствует диспозитивность. Таким образом, не все частноправовые нормы диспозитивны как в отношении возникновения, так и в отношении осуществления правоотношения, и в частном праве имеют место властные приказы. Далее, не только в публичном праве праву соответствует обязанность его осуществления. Последняя обусловливается не тем, что здесь мы имеем публичное право, а тем, что здесь право субъекта есть не его (или: не только его) право, но право чужое, которое он и обязан осуществлять в чужом интересе. Такое положение бывает и в частном праве, например, при представительстве, каковы бы ни были его основания: основанное на законе восполнение недостающей дееспособности, поручение, договор простого или полного товарищества и т.д. Для нашего вопроса важно не то, что праву соответствует обязанность его осуществления, а то, на чем эта обязанность основана: на властном ли приказе со стороны, или же на собственном волеизъявлении обязанного лица (вполне или отчасти); важно также и то, по отношению кого эта обязанность установлена, кто может требовать ее исполнения».

Также профессор Черепяхин указывал, что в конечном счете все сводится к составу участников данного правоотношения и положению их в этом последнем. Здесь мы обнаруживаем тесное соприкосновение теории централизации и децентрализации и теории положения субъекта в правоотношении. В действительности две рассмотренные теории — теория положения субъекта в правоотношении и теория централизации и децентрализации — предлагают в общем и целом одно и то же решение вопроса о критерии разграничения частного и публичного права, лишь в двух различных плоскостях, с двух различных сторон. Первая теория — в плоскости субъективного права и правоотношения, вторая — в плоскости объективного права. В самом деле, что мы будем иметь на субъективной стороне при централизованном регулировании? Субъектами правоотношения будут: с одной стороны — властвующий, государственная власть, властно устанавливающая содержание правоотношения своими приказами, повелениями, с другой — подвластные. При децентрализованном регулировании мы имеем на обеих сторонах правоотношения подвластных, субъектов, равных друг другу, не обладающих один по отношению к другому принудительной властью, субъектов координированных, а не субординированных. Таким образом, правоотношение в области централизованного регулирования характеризуется неравенством субъектов, правоотношение в области децентрализации предполагает их равенство. Необходимо иметь в виду, что о равенстве или неравенстве здесь говорится лишь с точки зрения правовой, о равенстве или неравенстве юридическом, которое может и не соответствовать фактическому, ставшему непосредственным результатом экономических отношений¹⁵.

В науке были предложены и иные подходы к разграничению публичного и частного права. Некоторые авторы вообще отрицали необходимость разделения права на такие блоки.

Б. Б. Черепяхин по этому поводу писал, что «каждая из этих теорий содержит в себе зерно истины, подмечает те или иные черты действительности. Но при этом некоторые из них останавливаются на существенном и общезначимом,

¹⁵ Черепяхин Б. Б. Указ. соч.

другие же — на второстепенном и охватывающем лишь часть явления... В связи с неустойчивостью исторических границ между частным и публичным правом и переплетением их элементов в каждый исторический момент, при догматическом изучении прав, единственно приемлемыми являются» критерии: «положение субъекта в правоотношении и признак централизации и децентрализации правового регулирования».

Сам Б. Б. Черепяхин в конечном итоге пришел к выводу, что «в основу разделения права на частное и публичное должен быть положен формальный критерий разграничения. Это разграничение должно проводиться в зависимости от способа построения и регулирования юридических отношений, присущего системе частного и системе публичного права. Частноправовое отношение построено на началах координации субъектов, частное право представляет собой систему децентрализованного регулирования жизненных отношений»¹⁶.

Не будем оригинальничать и попытаемся внести что-то новое в дискуссию о публичном и частном праве. Освещение воззрений на соотношение указанных правовых блоков обусловлено тем, что нам необходимо было показать неточность подхода, согласно которому их разделение происходит исключительно по характеру реализуемого интереса. Мы солидарны с профессором Черепяхиным, отмечавшим, что во всех предложенных подходах к соотношению публичного и частного права есть доля истины.

В нашем представлении через любую правовую норму вне зависимости от ее отраслевой принадлежности реализуются как частные, так и общественные интересы. В данном случае речь идет об очень многом и даже о том, что само по себе упорядочивание общественных отношений любой правовой нормой имеет существенное значение для общества и не допускает хаоса в отношениях. Гражданское право, которое в классической интерпретации выступает проводником частных интересов, разумеется, служит также и интересам общества и обеспечивает их¹⁷ в регулировании определенного рода имущественных и связанных с ними неимущественных отношений. В рамках гражданского права как минимум происходит цивилизованная «жизнь» экономических отношений. Благодаря такой жизни, в свою очередь, происходит удовлетворение различного рода интересов индивидов и их общностей в имущественных и неимущественных благах. В самом гражданско-правовом регулировании содержится механизм, обеспечивающий баланс как различных частных, так и общественных интересов. Подтверждение этого в большей или меньшей степени можно найти практически в любой норме гражданского права. Приведем в пример лишь некоторые из тех положений, в которых наиболее отчетливо проявляется обеспечение частных и общественных интересов, их баланс.

Например, баланс таких интересов обеспечивается посредством установления срока исковой давности, т.е. времени, в течение которого потерпевший может реализовать свой интерес на защиту. Наличие такого срока, очевидно, имеет важное

¹⁶ Черепяхин Б. Б. Указ. соч.

¹⁷ Обширные сведения о значении гражданского права для общества и обеспечения публичных, и в частности общественных, интересов см.: Яценко Т. С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.

значение для общественных интересов и частных интересов различных лиц. Не будь этой нормы, т.е. если бы возможность права на защиту носила бессрочный характер, то ни одно лицо не могло бы быть уверенным в том, что, например, приобретенное им имущество не будет у него однажды истребовано, поскольку давным-давно это имущество неправомерно выбыло из владения изначального собственника. Это означает, что в течение срока исковой давности может быть реализован интерес потерпевшего, а также что после истечения такого срока защита его интереса будет затруднена или даже в конечном итоге невозможна.

Таким образом, срок давности обеспечивает как общественный интерес в правовой определенности, так и интересы отдельных лиц, которые могут быть уверены в том, что каких-либо неблагоприятных последствий для них не возникнет. Попытка обеспечения различного рода интересов очень отчетливо проявляется в установлении условий для виндикации. Несомненно, разным интересам (не только частным, но и общественным) служат положения о собственности и тех или иных ограничениях этого права, действительности и недействительности сделок, публичных договорах, положения патентного и авторского права и многое другое. Наконец, через гражданское право и в процессе гражданских правоотношений происходит реализация многих общественных интересов, в частности, путем создания, сохранения, предупреждения и возмещения вреда различным объектам, имеющим общественное значение (к ним относятся парки, дороги, водные объекты, объекты культурного наследия и т.д.).

Обратимся теперь к блоку публичного права, которое, в нашем представлении, как и частное право, обеспечивает реализацию как общественных, так частных интересов. Вступление в различные публичные правоотношения во многих случаях направлено на удовлетворение интересов отдельных лиц и основано на их воле. Таковы отношения, возникающие при обращении заинтересованных лиц в различные компетентные органы власти для регистрации перехода права собственности, получения дотаций, лицензий и т.д., что не исключает также, что, в частности, сама по себе деятельность по выдаче лицензий имеет общественное значение.

В России, как и во многих других странах, к публичным отраслям права исконно относят процессуальные отрасли — гражданское¹⁸ и уголовное процессуальное право. То обстоятельство, что уголовное судопроизводство преимущественно возбуждается в защиту общественных интересов, не исключает и наличие частных интересов потерпевших и обвиняемых.

В свою очередь, в рамках гражданских процессуальных отношений чаще всего ставится вопрос непосредственно о защите интересов отдельных лиц, с чем, собственно, связано наличие принципа диспозитивности в соответствующей отрасли права, хотя рассмотрение судами дел по защите частных интересов также имеет и важные общественно значимые эффекты. При этом инициирование гражданского, арбитражного процессов и административного судопроизводства зачастую связано с потребностью непосредственной защиты общественных интересов.

¹⁸ Автор принадлежит к числу тех исследователей, которые административное и арбитражное процессуальное право в качестве самостоятельных отраслей права *не* выделяют, а считают, что существует единое гражданское процессуальное право.

Как было сказано ранее, публичные и частные правовые блоки характеризуются многими признаками. Необходимо акцентировать внимание на одном обстоятельстве. Ставя вопрос о публичных и частных правовых блоках, надо понимать, что более чем важны режимы (способы) регулирования ими общественных отношений, поскольку установление режима, не соответствующего существу тех или иных отношений, может привести к невозможности реализации определенного рода интересов. Так, реализация интересов (особенно частных) через гражданские правоотношения преимущественно возможна в режиме свободы воли, которая выражается во многом, но в первую очередь в решении вопроса о вступлении в такие правоотношения. То есть лица сами определяют свой интерес в том или ином благе и совершают действия по его реализации через правоотношения. Замена такого подхода на какой-либо иной привела бы к тому, что интересы лиц в соответствующей сфере были бы умалены. Так, например, каждое лицо за некоторыми исключениями определяет, какая именно вещь и для удовлетворения каких нужд ему необходима. В свою очередь, если бы не сам индивид, а некто иной определял за него то, что ему якобы нужно, то в конечном итоге действительные интересы индивида так и остались бы без удовлетворения¹⁹. Если бы в качестве общего правила допускалось ничем не ограниченное изъятие у лиц принадлежащего им имущества, то это означало бы не что иное, как попрание их интересов. Это привело бы к тому, что лица попросту перестали бы приобретать какое-либо имущество (за исключением, вероятно, быстропотребляемого), а результатом стали бы стагнация экономики государства и иные последствия.

В публичных отраслях права как минимум одна из сторон не имеет свободы в решении вопроса о вступлении в правоотношение. Так, обязанность лица платить налоги возникает вне зависимости от его воли на это. С другой стороны, при обращении лиц в органы власти, включая суды, такие органы, при наличии определенных условий, обязаны, а не вправе вступить с такими лицами в правоотношения. Отход от подобного порядка привел бы к тому, что налоги платили бы лишь некоторые граждане либо же вообще никто. А органы власти могли бы произвольно отказывать в совершении юридически значимых действий, что причинило бы исключительный вред как отдельным лицам, так и обществу в целом.

Кроме того, по общему правилу, в отличие от частных правоотношений, публичные правоотношения подразумевают определенный контроль, который необходим для обеспечения как общественных, так и частных интересов. При этом с этим контролем может быть связана необходимость вступления в правоотношение, но и само такое правоотношение может нуждаться в особом контроле. Например, таковы отношения, возникающие при обращении лица в компетентный орган за выдачей лицензии. Понятно, что по логике вещей это связано с тем, что есть виды деятельности, которые сами по себе важны для общества, а также те, недопустимое

¹⁹ Из указанного правила, разумеется, есть исключения, которые касаются интересов недееспособных (ограниченно дееспособных) и несовершеннолетних (в первую очередь малолетних), поскольку юридическое значение их воле либо совсем не придается, либо придается в ограниченном объеме. Однако это не означает отсутствие у них интересов, а подразумевает лишь, что реализация этих интересов происходит по воле других лиц, которые должны осознавать, что действительно важно для индивида, и совершать за него юридические действия, направленные на удовлетворение его интересов.

осуществление которых может причинить ему вред. Соответственно, допущение к такому виду деятельности нуждается в контроле с целью определения соответствия лица, желающего ею заниматься, необходимым для этого критериям.

Тесным образом с контролем связаны процессуальные отношения. Так, например, их возникновение может быть обусловлено необходимостью судебного контроля за лицами, наделенными публичной властью. В свою очередь, и сами процессуальные отношения реализуются в режиме особого контроля, который, с одной стороны, с целью недопущения произвола при рассмотрении дела осуществляет суд, а с другой стороны, определенные специфические формы контроля применяются и в отношении суда при сохранении обязательной независимости последнего. Речь, в частности, идет о правиле, согласно которому дела судами рассматриваются в открытом судебном заседании (принцип гласности), т.е. имеется в виду так называемый общественный контроль за порядком осуществления правосудия. Таким образом, деятельность как суда, так и всех иных участников процесса протекает в режиме (порядке), составляющей частью которого выступает контроль, что важно для защиты различного рода интересов, являющихся непосредственным объектом защиты, а также достижения и множества иных полезных для общества и отдельных лиц эффектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азарков М. М.* Ценность частного права / Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. — М. : ЦентрЮрИнфор, 2002. — Т. 1.
2. Большой юридический словарь / сост.: А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева, 2003 // URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/index.htm>.
3. *Гамбаров Ю. С.* Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе вне договорного отношения и не по предписанию закона. — Вып. первый : Общественный интерес в гражданском праве. — М. : Тип. А. И. Мамонова и К^о, 1879.
4. Дигесты Юстиниана. — 2-е изд., испр. — М. : Статут, 2008. — Т. 1. — Кн. I—IV.
5. Курс советского гражданского права. — М. : Госюриздат, 1963.
6. *Лазарев В. В., Липень С. В.* Теория государства и права : учебник для вузов. — М. : Спарк, 1998. — 448 с.
7. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М. : Изд-во политической литературы, 1967. — Т. 44.
8. *Покровский И. А.* История римского права. — М. : Статут, 2004.
9. Теория государства и права : учебник / отв. ред. Н. Г. Александров. — М. : Юрид. лит., 1968.
10. *Радбрух Г.* Введение в науку права / разреш. авт. пер. со 2-го перераб. изд. М. М. Островской и И. З. Штейнберга ; со вступ. ст. [«Методологическая природа науки о праве»] Б. Кистяковского. — М. : Труд, 1915.
11. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Зерцало, 2004.
12. *Черепяхин Б. Б.* К вопросу о частном и публичном праве // Труды по гражданскому праву. — М. : Статут, 2001.
13. *Яценко Т. С.* Гражданско-правовая охрана публичных интересов : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2016.

Правовой статус юридических и физических лиц

**Ирина Зориктуевна
АЮШЕЕВА,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
izayusheeva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Татьяна
Владимировна
СОЙФЕР,**

профессор кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук
tvsojfer@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Передача религиозным организациям имущества религиозного назначения: проблемы и перспективы

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые проблемы, связанные с передачей религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности, а также предлагаются возможные варианты их решения. На основе анализа действующего законодательства и материалов правоприменительной практики выявляются недостатки законодательных подходов к определению объектов, имеющих религиозное назначение и подлежащих передаче религиозным организациям. Авторами отмечаются отдельные особенности сущности и правового статуса религиозных организаций, их внутреннего устройства и имущественного режима, которые целесообразно учитывать при совершенствовании нормативного регулирования отношений, связанных с передачей религиозным организациям имущества публично-правовых образований. Выражается мнение о необходимости ограничения круга религиозных организаций, способных получить государственное и муниципальное имущество в собственность; о целесообразности корректировки норм о безвозмездном пользовании имуществом религиозного назначения в связи с особым характером складывающихся отношений. Особое внимание уделяется проблемным аспектам передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, относящегося к категориям объектов культурного наследия и музейных предметов.

Ключевые слова: религиозная организация; имущество религиозного назначения; право собственности религиозных организаций; безвозмездное пользование имуществом; объект культурного наследия.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.122-130

Irina Z. AIUSHEEVA,

Associate professor, Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law),
Associate professor
izayusheeva@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Tatiana V. SOYFER

Professor, Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law)
tvsojfer@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Transfer of religious property to religious organizations: problems and prospects

Abstract. *The article discusses some legal problems associated with the transfer of religious property, which is in state or municipal ownership, to religious organizations, and also suggests possible ways to solve them. Based on the analysis of the current legislation and materials of law enforcement practice, the shortcomings of legislative approaches to the definition of objects with a religious purpose that are subject to transfer to religious organizations are revealed. The authors note certain features of the essence and legal status of religious organizations, their internal structure and property regime. It is substantiated that these features should be taken into account when improving the normative regulation of relations related to the transfer of property of public legal entities to religious organizations. The peculiarities of their internal structure and ownership regime should also be taken into account. The opinion is expressed on the need to limit the range of religious organizations that can receive state and municipal property into ownership; on the expediency of adjusting the rules on the gratuitous use of religious property in connection with the special nature of the emerging relations. Particular attention is paid to the problematic aspects of the transfer of religious property belonging to the categories of cultural heritage objects and museum items to religious organizations.*

Keywords: *religious organization; property of religious purpose; ownership of religious organizations; gratuitous use of property; object of cultural heritage.*

Религиозные организации являются значимым элементом гражданского общества, оказывают существенное влияние на его политическую, социальную, культурную сферы и экономическое развитие.

Деятельность религиозных организаций предполагает наличие достаточной материальной основы. Особенности религиозных организаций предопределили

необходимость регламентации их имущественного режима не только общими, но и специальными нормами¹.

Имущество религиозных организаций может быть сформировано за счет безвозмездной передачи в их собственность или пользование культовых зданий и сооружений с земельными участками, относящимися к ним, а также иного имущества религиозного назначения, находящегося в публичной собственности. Отношения по поводу такой передачи регулируются специальным законом². Несмотря на неоднозначную оценку данного акта, процесс отчуждения религиозным организациям недвижимого имущества является весьма активным. За период 2011—2020 гг. Росимуществом передано религиозным организациям 1 259 объектов, из которых 526 — в собственность, 733 — в безвозмездное пользование³.

Передача религиозным организациям имущества зачастую сопровождается отрицательной реакцией населения из-за неочевидного религиозного назначения многих объектов, а также их фактического использования на момент передачи в образовательных, социальных и иных общественно значимых целях. Так, в Рязани было организовано протестное движение в связи с обращением о передаче епархии после признания объектом культурного наследия и реставрации за счет бюджета здания школы, где обучается более 500 детей. Архивные документы, доказывающие его изначально религиозное назначение, не сохранились. В суде обсуждался философский вопрос, что более нравственно — выгонять детей из школы или забирать здание у церкви. В конечном итоге суд занял сторону Рязанской епархии⁴.

Аналогичные противостояния регулярно возникают в Тамбовской, Пензенской, Вологодской и других областях. Широкий резонанс получила передача церкви зданий Пермской художественной галереи, Ростовского театра кукол, планетария в Барнауле, музея космонавтики в Оренбурге, а попытка передачи Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге вызвала массовые протестные акции по всей стране.

Изначально религиозным организациям передавалось имущество, назначение которого не вызывало сомнений, но в дальнейшем они стали претендовать на более широкий круг объектов. Это неизбежно повлекло общественное противодействие. Причем конфликтность процесса такой передачи, о которой свидетельствуют многочисленные судебные споры⁵, часто связана не с

¹ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

² Федеральный закон от 30.11.2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6423.

³ Официальный сайт Росимущества. URL: <https://rosim.gov.ru/press/news/399543> (дата обращения: 06.04.2023).

⁴ Вулих Е. Рязанская епархия отсудила у мэрии здание школы с углубленным изучением французского языка // Горизонтальная Россия. Рязанская область. 2021. 4 июня. URL: <https://7x7-journal.ru/news/2021/06/04/ryazanskaya-eparhiya-otsudila-u-merii-zdanie-shkoly-s-uglublennym-izucheniem-francuzskogo-yazyka> (дата обращения: 06.04.2023).

⁵ См., например: определения Верховного Суда РФ от 02.06.2022 № 305-ЭС22-7379 по делу № А40-146805/2021 ; от 13.09.2021 № 301-ЭС21-15005 по делу № А28-17574/2018.

политическими, а с юридическими причинами. При этом, как показывает анализ судебной практики, решения по возникающим спорам выносятся без необходимого исследования доказательств, на основании сомнительных аргументов религиозных организаций, которые не подкреплены ни нормами закона, ни юридической логикой⁶.

Понятие имущества религиозного назначения раскрывается законодателем через указание на характер объектов и их назначение. При этом юридически безразлично, использовались ли фактически в религиозных целях соответствующие объекты, какова была длительность и регулярность такого использования, за счет каких средств эти объекты создавались и содержались. Эти факторы приобретают особое значение в связи с недавним признанием имуществом религиозного назначения объектов недвижимости, созданных для материального обеспечения религиозных организаций, осуществления ими благотворительной деятельности и социального обслуживания, назначение которых имеет неоднозначную связь с основными целями⁷.

Расширение круга объектов религиозного назначения связано с необходимостью приведения законодательства о передаче имущества религиозного назначения в соответствие с постановлением Конституционного Суда РФ⁸, признавшего его положения не соответствующими Конституции РФ.

В отсутствие четких законодательных ориентиров особая потребность возникает в руководящих разъяснениях Верховного Суда РФ. Определенные шаги в этом направлении предпринимаются⁹. Верховный Суд РФ определил, что для отнесения недвижимого объекта к имуществу религиозного назначения учитываются не функциональное назначение и вид использования этого имущества в настоящее время, а цели, для которых осуществлялось его строительство. Также указывается, что имеющим религиозное назначение следует признавать имущество, построенное не только для осуществления основной деятельности религиозных организаций, но и для непосредственного ее обеспечения. В частности, соответствующим таким «обеспечительным» целям суд признал использование построенных при монастыре помещений для проживания священнослужителей и религиозного персонала, временного проживания паломников. Напротив, здание типографии не было признано обеспечивающим религиозную деятельность. Тем не менее четкие критерии для оценки имущества

⁶ Томсинов В. А., Домшенко В. Г. Передача государственного имущества Русской православной церкви: проблемы толкования законов и анализ судебной практики // Закон. 2021. № 6. С. 44—53.

⁷ Федеральный закон от 01.07.2021 № 249-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 12 Федерального закона “О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности”» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5077.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2020 № 47-П // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7837.

⁹ Обзор судебной практики по спорам о передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.

как предназначенного обеспечивать осуществление религиозной деятельности пока не обозначены, хотя необходимость их в связи с многофункциональностью имущества очевидна.

При решении рассматриваемых вопросов должна учитываться специфика имущественного режима религиозных организаций. Так, Русской православной церкви (РПЦ) в целом на праве собственности принадлежит недвижимое и движимое имущество, собственниками которого одновременно признаются ее канонические подразделения, имеющие статус религиозных организаций¹⁰. С правовой точки зрения это создает неопределенности, например, при определении судьбы имущества при ликвидации или выходе из состава РПЦ религиозной организации.

Однако с канонических позиций при единстве субъекта вещных прав на церковное имущество отношения собственности развиваются наиболее стабильно¹¹. Правомочие распоряжения имуществом РПЦ принадлежит Священному синоду, который может делегировать право частично распоряжаться им каноническим подразделениям, по общему правилу обладающим лишь правомочиями владения и пользования. Предусмотрен особый порядок совершения сделок с недвижимым имуществом — необходимо письменное согласие уполномоченного уставом органа. Нарушение этого порядка совершения сделки влечет ее ничтожность, что является более жестким правилом по сравнению с общими нормами.

Таким образом, заслуживают внимания мнения о целесообразности передачи государственного или муниципального имущества исключительно в собственность централизованных религиозных организаций, которые в дальнейшем распределяли бы его между входящими в их состав местными религиозными организациями, предоставляя им право пользования¹², право хозяйственного ведения¹³ или право оперативного управления¹⁴. Отмечается, что принципы имущественных взаимоотношений должны определяться религиозными организациями самостоятельно, поскольку законодательная регламентация может означать вмешательство государства в их деятельность¹⁵.

Принадлежность имущества юридическим лицам охватывается понятием частной собственности, но, поскольку присущие ей признаки для религиозных организаций не свойственны, весьма популярна позиция о самостоятельности

¹⁰ Официальный сайт Московского патриархата РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114> (дата обращения: 06.04.2023).

¹¹ См.: Долгая М. Г. Особенности правового режима имущества православной церкви // Христианское чтение. 2012. № 6. С. 144.

¹² Русская православная церковь и право : комментарий / отв. ред. М. В. Ильичев. М., 1999. С. 179.

¹³ Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000. С. 282.

¹⁴ Кулагин М. А. Вещные права религиозных организаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8—9.

¹⁵ Игумен Силуан (Баранов). Субъекты права собственности религиозных организаций Русской православной церкви // URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1684316.html> (дата обращения: 06.04.2023).

формы собственности религиозных организаций¹⁶. В качестве аргументов указывается на особые основания приобретения и характер присвоения имущества; особенности субъектного состава, объектов и содержания отношений; специфику управления имуществом и распоряжения им¹⁷.

Согласно каноническим постулатам имущество религиозных организаций имеет общественное предназначение¹⁸, в связи с чем мнения о невозможности признания их частными собственниками вполне допустимы. Дальнейшее научное углубление этой позиции может служить базой для обоснования специальной регламентации права собственности религиозных организаций, в том числе предусматривающей ограничение в части принадлежащих им объектов, содержания и порядка осуществления права религиозной собственности; особых оснований его принудительного прекращения и др.

Многие объекты религиозного назначения являются объектами культурного наследия. Очевидно, что передача объектов культурного наследия религиозным организациям способна повлечь ограничение доступа к ним по религиозным мотивам и представлять риск для их сохранения. Действующие законодательные положения, призванные исключить такую вероятность, недостаточны. Справедливо отмечается, что существующая тенденция полной монополизации культурных ценностей религиозными организациями опасна для их сохранения, поскольку такие организации не всегда имеют соответствующий опыт и не располагают необходимыми специалистами¹⁹.

В связи с этим актуальны дальнейшие научные поиски оптимальных правовых рамок для передачи религиозным организациям объектов культурного наследия. В частности, возможно сужение круга религиозных организаций, способных получать такие объекты в собственность, или закрепление для них особых строгих требований; установление полного запрета на передачу таких объектов в собственность религиозных организаций (или их отдельных категорий) с сохранением возможности их передачи только в пользование.

Вместе с тем практика зачастую показывает и положительные результаты восстановления объектов культурного наследия за счет средств религиозных организаций, в связи с чем вопрос их передачи в каждом случае должен решаться индивидуально.

¹⁶ *Пятин С. Ю.* Комментарий к Федеральному закону от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: *Хлыстов М. В.* Некоторые аспекты регулирования отношений собственности Русской православной церкви и ее религиозных организаций // *Юридический мир.* 2011. № 3. С. 26—29; *Кирилловых А. А.* Собственность религиозных организаций // *Законодательство и экономика.* 2012. № 1. С. 50—63.

¹⁸ *Комягин Д. Л.* Имущество и доходы религиозных организаций — публичные или частные? // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2015. № 4. С. 31.

¹⁹ *Чекоткова А. В.* Особенности реализации и ограничения права на доступ к культурным ценностям (на примере религиозных культурных ценностей) // *Конституционное и муниципальное право.* 2018. № 6. С. 19.

Религиозные, как и иные некоммерческие, организации обладают специальной правоспособностью, но могут осуществлять приносящую доход деятельность в установленных законом рамках. Многие религиозные организации активно занимаются коммерческой деятельностью²⁰. Сами религиозные организации квалифицируют ее как распространение предметов религиозного назначения и получение за них пожертвований²¹. Соответственно, вполне вероятно, что использовавшееся публично-правовыми образованиями в образовательных, социальных и подобных целях имущество после его передачи будет использоваться религиозными организациями уже для извлечения доходов. Исключению таких ситуаций может способствовать введение специальных правил осуществления приносящей доход деятельности для тех религиозных организаций, которые получают безвозмездно в собственность государственное и муниципальное имущество. Причем возможны варианты: полный запрет на такую деятельность; определение ее допустимых видов; установление специальных условий ее осуществления и др. Подобные правила установлены, к примеру, во Франции²².

Нормативного уточнения требуют вопросы, возникающие при наделении религиозных организаций правом безвозмездного пользования государственным и муниципальным имуществом религиозного назначения на определенный срок. В действующем законодательстве такое право сконструировано как обязательственное. Отмечается, что его основой выступает гражданско-правовая сделка, а возникающие отношения регулируются нормами о договоре безвозмездного пользования имуществом²³. Однако данное право содержит в себе некоторые признаки ограниченных вещных прав, имеет особенности, связанные со спецификой субъекта и объекта.

Кроме того, срочный характер пользования оставляет открытыми вопросы, насколько оправданным будет добровольное прекращение права пользования и передача имущества другой религиозной организации или отказ в продлении договора безвозмездного пользования, если после истечения его срока религиозная организация продолжит свое существование. Поэтому более приемлемой представляется конструкция передачи имущества в бессрочное пользование религиозной организации на период ее существования с четким указанием оснований прекращения данного права (например, нецелевое использование, причинение ущерба имуществу и т.п.).

Ряд проблем связан с передачей религиозным организациям имущества, относящегося к музейным предметам и музейным коллекциям, включенным в состав Музейного фонда РФ, которые актуализировались при передаче в июле 2022 г.

²⁰ *Сергеев П. В.* К вопросу о коммерческой деятельности религиозных организаций // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2019. № 3. С. 125—134.

²¹ *Игуменья Ксения (Чернега), Светличный А. А.* Распространение предметов религиозного назначения: пожертвование или купля-продажа? // Приход. Православный экономический вестник. 2018. № 1. С. 38—39.

²² *Шахов М. О.* Объединения религиозного характера в современной Франции // URL: http://sdsmpr.ru/news/n3456/?sphrase_id=76580 (дата обращения: 06.04.2023).

²³ *Шахов М. О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М., 2013. С. 315—320.

иконы «Троица» Андрея Рублева из Третьяковской галереи в Троице-Сергиеву лавру²⁴. Порядок распоряжения таким имуществом в настоящее время регулируется специальными нормами²⁵.

Несмотря на наличие законодательной регламентации, передача находящихся в федеральной собственности музейных предметов и коллекций сопровождается проблемами, обусловленными недостатками правового регулирования. Так, отсутствие четкого понятия имущества религиозного назначения создает условия для неоправданного расширения круга музейных предметов, в отношении которых могут быть заявлены требования об их передаче; переданные религиозным организациям музейные предметы могут оказаться недоступными для отдельных групп лиц.

Неоднозначность правовой природы отношений безвозмездного пользования имуществом религиозного назначения, в том числе музейными предметами, не позволяет автоматически распространять на них многие нормы договорного права. Особого внимания требуют вопросы ответственности религиозных организаций: применения общих положений в подобных ситуациях явно недостаточно, поскольку в соответствии с ними религиозная организация привлекается к ответственности только при наличии вины и отвечает не всем своим имуществом.

Отмеченное свидетельствует, что, хотя передача религиозным организациям государственного и муниципального имущества религиозного назначения имеет немало аргументов как «за», так и «против», в современных условиях она приемлема и оправдана. Вместе с тем наличие правовых неопределенностей и проблем требует дальнейших доктринальных исследований и детальной проработки законодательства с целью обеспечения необходимого баланса публичных и частных интересов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Долгая М. Г. Особенности правового режима имущества Православной Церкви // Христианское чтение. — 2012. — № 6. — С. 131—146.
2. Игумен Силуан (Баранов). Субъекты права собственности религиозных организаций Русской православной церкви // URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1684316.html> (дата обращения: 06.04.2023).

²⁴ Пламенев И., Порываева Л. РПЦ предложила поправки в закон о передаче святынь из музеев // URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/07/2022/62dac5409a7947867ebb602d> (дата обращения: 06.04.2023).

²⁵ Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591 ; Положение о передаче религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения, отнесенного к музейным предметам и музейным коллекциям, включенным в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, либо документам Архивного фонда РФ, утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2001 № 490 // СЗ РФ. 2001. № 28. Ст. 2889.

3. *Игуменья Ксения (Чернега), Светличный А. А.* Распространение предметов религиозного назначения: пожертвование или купля-продажа? // Приход. Православный экономический вестник. — 2018. — № 1. — С. 38—39.
4. *Кирилловых А. А.* Собственность религиозных организаций // Законодательство и экономика. — 2012. — № 1. — С. 50—63.
5. *Комягин Д. Л.* Имущество и доходы религиозных организаций — публичные или частные? // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2015. — № 4. — С. 17—33.
6. *Кулагин М. А.* Вещные права религиозных организаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 23 с.
7. *Куницын И. А.* Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. — М. : Православное дело : Отчий дом, 2000. — 460 с.
8. *Пятин С. Ю.* Комментарий к Федеральному закону от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Русская православная церковь и право : комментарий / отв. ред. М. В. Ильичев. — М. : Бек, 1999. — 448 с.
10. *Сергеев П. В.* К вопросу о коммерческой деятельности религиозных организаций // Вестник Московского университета. — Серия 11 : Право. — 2019. — № 3. — С. 125—134.
11. *Томсинов В. А., Домшенко В. Г.* Передача государственного имущества Русской православной церкви: проблемы толкования законов и анализ судебной практики // Закон. — 2021. — № 6. — С. 44—53.
12. *Хлыстов М. В.* Некоторые аспекты регулирования отношений собственности Русской православной церкви и ее религиозных организаций // Юридический мир. — 2011. — № 3. — С. 26—30.
13. *Чекоткова А. В.* Особенности реализации и ограничения права на доступ к культурным ценностям (на примере религиозных культурных ценностей) // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 6. — С. 16—19.
14. *Шахов М. О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2013. — 528 с.

Личный фонд в системе юридических лиц

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи является личный фонд, представляющий собой организационно-правовую форму некоммерческой организации унитарного типа. В статье предлагается анализ конститутивных признаков данной организационно-правовой формы, обозначаются некоторые проблемы, связанные с ее участием в гражданском обороте. Исследуются механизмы управления личным фондом и его прекращения. Рассматриваются варианты определения выгодоприобретателя личного фонда. Дается оценка прикладному значению личного фонда, поскольку в связи с тем, что механизм правового регулирования наследственного фонда был недостаточно эффективен для гражданского оборота, законодателем был разработан более совершенный механизм правового регулирования личного фонда. Отмечается, что основным преимуществом личного фонда по сравнению с наследственным фондом является возможность его прижизненного учреждения, осуществления контроля за деятельностью и возможность изменения структуры его управления в течение всего срока жизни учредителя личного фонда.
Ключевые слова: личный фонд, наследственный фонд, некоммерческая организация, унитарная организация, выгодоприобретатель, управление, супруги.

Анна Валерьевна КАЧАЛОВА,
доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
avkachalova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.131-138

Anna V. KACHALOVA,

Associate Professor

of the Chair of Civil Law

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law)

avkachalova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Personal Fund in the System of Legal Entities

Abstract. The subject of the research of this article is a personal fund, which is an organizational and legal form of a non-profit organization of a unitary type. The article offers an analysis of the constitutive features of this organizational and legal form, identifies some problems associated with its participation in civil turnover. The mechanisms of personal fund management and its termination are investigated. Options for determining the beneficiary of a personal fund are considered. The assessment of the applied value of the personal fund in view of the fact that the mechanism of legal regulation of the inheritance fund was not effective enough for civil turnover, the legislator

© Качалова А. В., 2023

developed a more perfect mechanism of legal regulation of the personal fund. It is noted that the main advantage of a personal fund in comparison with a legacy fund is the possibility of its lifetime establishment, monitoring of activities and the possibility of changing the structure of its management during the lifetime of the founder of the personal fund.

Keywords: *personal fund, inheritance fund, non-profit organization, unitary organization, beneficiary, management, spouses.*

Федеральным законом от 01.07.2021 № 287-ФЗ¹, который вступил в силу с 01.03.2022, введен личный фонд, представляющий собой организационно-правовую форму некоммерческой организации унитарного типа, что является новеллой в отечественной системе юридических лиц, которые относятся к фондам.

Давая общую характеристику данной организационно-правовой формы, необходимо отметить следующее. Конструкция личного фонда понадобилась нашей правовой системе в связи с реформой наследственного права и не вполне удобной введенной ранее конструкцией наследственного фонда, который учреждается нотариусом по завещанию гражданина после его смерти, в связи с чем при своей жизни гражданин не может оценить эффективность его деятельности. С введением личного фонда наследственный фонд, представляющий собой исключительно механизм² наследования имущества, стал его разновидностью.

Основным преимуществом личного фонда по сравнению с наследственным фондом является возможность его прижизненного учреждения, осуществления контроля за деятельностью и возможность изменения структуры его управления в течение жизни учредителя личного фонда. В доктрине гражданского права справедливо отмечено, что появление правовой конструкции наследственного фонда в российской системе юридических лиц, при которой лицо, являющееся наследодателем, еще при жизни разрешило существенные проблемы по сохранению имущества, являлось законодательной необходимостью³. А. В. Демкина подчеркивает достоинство личных фондов, которое состоит в возможности учредителя осуществить самостоятельный контроль по процессу создания такого фонда и свести к минимуму риски, вероятность возникновения которых в деятельности личного фонда имеется⁴.

Таким образом, личный фонд не является формой юридического лица, создаваемой исключительно на случай смерти его учредителя. Его можно учреждать

¹ Федеральный закон от 01.07.2021 № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5115 (с изм.).

² О правовых механизмах см.: *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2016.

³ См.: *Кириллова Е. А., Масленко Е. Н.* Особенности, роль, значение личных фондов в наследственном праве РФ // *Наследственное право.* 2022. № 3. С. 23—25.

⁴ См.: *Демкина А. В.* Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // *Гражданское право.* 2021. № 12 (243). С. 69.

как для осуществления текущей деятельности, так и для регулирования состава наследников учредителя фонда через механизм выбора выгодоприобретателя. В юридической литературе отмечается следующее: личный фонд по своей сущности является дополнительным средством, позволяющим распоряжаться имуществом как при жизни учредителя, так и после его смерти, ввиду того, что данное юридическое лицо может осуществлять деятельность и в последующее время⁵, и цель такого юридического лица заключается в сохранении и преувеличении имущества в пользу выгодоприобретателей⁶.

Правовой статус личного фонда определен в ст. 123.20-4 ГК РФ. В соответствии с данной нормой личный фонд по своей внутренней структуре представляет собой не основанную на членстве унитарную некоммерческую организацию, разновидностью которой, как было указано выше, является наследственный фонд, который создается нотариусом в соответствии с завещанием гражданина после его смерти.

Субъектный состав лиц, которым предоставлено право по учреждению личных фондов, строго определен: ими могут быть только граждане (физические лица). Юридические лица не могут ни учреждать личный фонд, ни принимать участие в нем в дальнейшем. Невозможно осуществить замену учредителя личного фонда. Возможна ситуация, когда личный фонд создается соучредителями, выступающими по отношению друг к другу супругами, которые выражают общую волю по передаче созданному им юридическому лицу общее имущество, находящееся у супругов на праве общей совместной собственности согласно положениям ст. 256 ГК РФ.

Что касается сроков существования данного юридического лица, то оно может учреждаться как на определенный период времени, так и бессрочно.

Отмечаем, что наименование как личного фонда, так и наследственного фонда должно обязательно включать ключевые слова данных юридических лиц: для личного фонда — слов «личный фонд»; для наследственного фонда — «наследственный фонд».

Имущество личного фонда формируется путем внесения взносов, которые передаются фонду учредителем при его создании. Установлен минимальный размер взносов учредителя — взнос не может быть менее 100 000 000 рублей⁷ (исключением является наследственный фонд). Стоимость имущества, предоставляемого в неденежном эквиваленте, определяется путем оценки его рыночной стоимости. Передаваемое имущество принадлежит данной организации на праве собственности. Законодателем установлено, что учредитель такого фонда не имеет каких-либо прав на его имущество.

Пункт 4 ст. 123.20-4 ГК РФ устанавливает запрет безвозмездной передачи иными лицами имущества в состав имущества личного фонда. В то же время

⁵ См.: Демкина А. В. Указ. соч. С. 65.

⁶ См.: Кириллова Е. А., Масленко Е. Н. Указ. соч.

⁷ В юридической литературе отмечается, что очень немногие предприниматели смогут учредить личный фонд при таких условиях. См.: Муртазина Г. М. Актуальные вопросы и совершенствование норм наследственного права // *Oeconomia et Jus*. 2019. № 1. С. 56—63.

возмездная передача иными лицами имущества в личный фонд никак на законодательном уровне не урегулирована, данный вопрос является открытым.

Предусмотрены две формы вносимого имущества в личный фонд: натуральная форма и денежная форма. В действующем законодательстве не содержится специальных норм, которые предусматривали бы ответственность субъектов оценочной деятельности (оценщиков) за намеренное искажение стоимости передаваемого личному фонду имущества (как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения).

Управление имуществом личного фонда осуществляется согласно условиям управления, которые были заведомо утверждены. Наряду с этим, устанавливается право (но не обязанность!) учредителя данной организации по утверждению условий управления имуществом личного фонда и иных локальных документов юридического лица, которые будут иметь обязательную силу для всех органов управления личного фонда. Не были установлены законодателем специальные требования, которые предъявляются к условиям управления личным фондом; к структуре органов управления, которая должна быть образована в личном фонде; к компетенции этих органов; не определен четкий порядок определения выгодоприобретателя.

Все эти вопросы определяются в уставе или условиях управления личным фондом по усмотрению учредителя фонда. Исключением являются предъявляемые требования в части порядка передачи имущества (части имущества) личного фонда, включая доходы от деятельности и имущественные права, выгодоприобретателям или отдельным категориям лиц: указание на вид и размер передаваемого имущества или порядок его определения, срок или периодичность такой передачи, а также обстоятельства осуществляемой передачи (п. 3 ст. 123.20-5 ГК РФ).

Приходим к научному выводу, что структура управления личным фондом построена на принципе абсолютной диспозитивности, поскольку все определяется волей учредителя.

Устав и условия управления данного юридического лица подлежат нотариальному удостоверению, что является специфической особенностью данной организационно-правовой формы юридического лица.

Отмечаем, что информация в части существа условий управления личным фондом и иных его локальных документов является конфиденциальной, т.е. такая информация не подлежит раскрытию, если иное не установлено ГК РФ или уставом организации. Тенденция конфиденциальности соглашения об управлении в последнее время стала присуща, к сожалению, многим организационно-правовым формам.

Исключение из принципа конфиденциальности условий управления личным и наследственным фондами установлено в п. 5 ст. 123.20-5 ГК РФ: выгодоприобретатель вправе потребовать ознакомить его с условиями управления юридическим лицом, которые касаются порядка определения и назначения органов организации, положения о передаче данному выгодоприобретателю имущества (части имущества) организации, а также обстоятельств, при наступлении которых осуществляется передача имущества (части имущества) выгодоприобретателю.

Условия управления личным фондом могут предусматривать возможность публикации отчета об использовании имущества данного юридического лица, а

также иные правила распределения оставшегося после ликвидации организации имущества, в том числе его передачи лицам, которые не являются выгодоприобретателями.

Интересным представляется вопрос о разрешении противоречий при толковании условий управления личным фондом (например, в ситуации, когда невозможно выяснить истинную волю учредителя после его смерти).

Изменение устава, условий управления и иных локальных актов данного юридического лица возможно исключительно при жизни его учредителя. В ситуации, когда учредитель умер, изменение таких документов невозможно, за исключением изменений, которые производятся на основании судебного решения по требованию любого органа управления при условии, что невозможно управление на прежних условиях.

Пунктом 3 ст. 123.20-7 ГК РФ предусмотрена структура органов управления личного фонда. Личный фонд состоит из высшего коллегиального органа управления и попечительного совета, создаваемых в предусмотренных уставом случаях, в состав которых могут входить учредитель данного фонда и его выгодоприобретатель. В личном фонде создаются в соответствии с его уставом единоличный исполнительный орган (ЕИО) и коллегиальный орган, в состав которых не может входить учредитель юридического лица. Устав личного фонда также может предусматривать создание надзорного органа, осуществляющего полномочия по надзору за деятельностью органов управления организации, в согласовании совершения организацией определенных в уставе юридически значимых действий и (или) в принятии решения о досрочном прекращении полномочий ЕИО, нарушившего свою обязанность действовать добросовестно или разумно⁸ в интересах личного фонда и (или) его выгодоприобретателей, и о назначении временного ЕИО личного фонда.

Изучив структуру органов управления личного фонда, приходим к выводу, что она тождественна структуре органов управления в корпорации. Она может быть максимально пятизвенной и изменена уставом и условиями управления личным фондом при жизни учредителя данной организации. При этом вопрос субординации органов управления в личном фонде решается уставом и условиями управления им. В доктрине отмечается, что одним из преимуществ личных фондов является их гибкая система управления⁹.

Также интересным представляется положение п. 5 ст. 123.20-7 ГК РФ, согласно которому устав личного фонда может предусматривать сделки, которые требуют одобрения со стороны органов управления организации.

Несмотря на то, что личный фонд в системе юридических лиц относится к некоммерческим организациям, которые не вправе осуществлять только

⁸ Представляется, что в случае нарушения единоличным исполнительным органом обязанности действовать добросовестно и разумно его также можно будет привлечь к ответственности в случае причинения личному фонду убытков. Примером тому служит многочисленная правоприменительная практика, касающаяся корпораций. См., например: *Степанов Д. И., Михальчук Ю. С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М., 2018. 207 с.

⁹ См.: *Кириллова Е. А., Масленко Е. Н.* Указ. соч.

деятельность, приносящую ему доход¹⁰, ему так же, как и иным фондам¹¹ и автономным некоммерческим организациям, предоставлено право заниматься предпринимательской деятельностью, соответствующей целям, которые определены уставом, и необходимой для достижения этих целей.

При этом специальные цели деятельности для личного фонда не определены. То есть приходим к выводу, что цели деятельности могут быть любые, не противоречащие закону. Также для осуществления предпринимательской деятельности личный фонд вправе создавать хозяйственные общества или участвовать в них, что, на наш взгляд, создает возможности для злоупотреблений.

Процедура выбора выгодоприобретателя личного фонда в целом также является диспозитивной. Законодатель в п. 4 ст. 123.20-5 ГК РФ лишь очерчивает круг лиц, которые могут быть выгодоприобретателями личного фонда. Право выбора выгодоприобретателя личного фонда принадлежит его учредителю. Именно от его волеизъявления зависят порядок и условия определения выгодоприобретателя. Выгодоприобретателями личного фонда могут быть любые участники гражданского оборота, исключением являются коммерческие организации.

Учредитель личного фонда не может быть его выгодоприобретателем, если иное не предусмотрено уставом этого фонда. Выгодоприобретателями могут быть как определенные лица, так и отдельные категории из неопределенного круга лиц, которые могут быть определены органами управления такого фонда в соответствии с условиями его управления. При этом условия, в соответствии с которыми подлежат определению выгодоприобретатели, должны быть осуществимыми и конкретными, иначе неисполнение данного условия может стать причиной ликвидации.

В наследственном фонде имеется возможность указать в условиях управления подназначенных выгодоприобретателей. Условия управления личным фондом могут включать в себя положения о передаче данным лицам имущества (его части), в том числе при наступлении непотестативных обстоятельств, которые не зависят от воли этих лиц, т.е. обстоятельств, относительно которых неизвестно, наступят они или нет.

В пунктах 1, 3, 4 ст. 123.20-6 ГК РФ определены права выгодоприобретателя личного фонда. Интересно, что такие права не передаваемы третьим лицам, включая случаи универсального правопреемства, за исключением ситуаций преобразования выгодоприобретателя — юридического лица. В доктрине ставится справедливый вопрос о дальнейшей судьбе имущества личного фонда после смерти выгодоприобретателя¹².

Следующей отличительной чертой данной организационно-правовой формы является взаимная субсидиарная ответственность¹³ учредителя личного фонда

¹⁰ См.: Качалова А. В., Сойфер Т. В. Проблемы участия юридических лиц в гражданском обороте : учебное пособие для магистратуры. М., 2021. С. 22—23.

¹¹ См.: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». П. 2 ст. 7.

¹² См.: Кириллова Е. А., Масленко Е. Н. Указ. соч.

¹³ Высказанные в доктрине замечания относительно ухода учредителя фонда от субсидиарной ответственности представляются нам весьма сомнительными. См.: Кириллова Е. А., Масленко Е. Н. Указ. соч.

и самого личного фонда по долгам друг друга при недостаточности имущества (исключением является наследственный фонд). Обращаем особое внимание, что данная ответственность имеет срочный характер и действует в течение трех лет со дня создания такого юридического лица.

Однако законодатель¹⁴ предусматривает возможность продления данного срока в судебном порядке, но не более чем на пять лет, также со дня создания фонда, в ситуации, признаваемой судом уважительной. Квалификация случая пропуска предъявления кредиторами своих требований к должнику в качестве исключительного оставлена на судебское усмотрение. Срочный характер взаимной ответственности по долгам учредителя и личного фонда лишает, на наш взгляд, данную форму качества обеспечения стабильности гражданского оборота, поскольку, как правило, такие фонды создаются на более продолжительный срок. Выгодоприобретатель не отвечает по обязательствам личного фонда, а последний не отвечает по обязательствам выгодоприобретателя.

Приходим к выводу, что основными сущностными характеристиками данного юридического лица являются следующие:

- во-первых, прижизненное создание личного фонда исключительно физическими лицами и действие личного фонда на основании нотариально удостоверенного устава;
- во-вторых, смерть учредителя не ведет к разделу имущества личного фонда между наследниками, т.е. имущество (часть имущества) фонда не выделяется как обязательная доля¹⁵;
- в-третьих, абсолютно диспозитивное управление делами личного фонда на основании утвержденных учредителем и нотариально удостоверенных условий управления личным фондом, носящих конфиденциальный характер;
- в-четвертых, возможно наличие высшего органа управления — высшего коллегиального органа, состоящего из учредителя и выгодоприобретателей, что не характерно для унитарных организаций;
- в-пятых, минимальный размер имущества, передаваемого личному фонду;
- в-шестых, взаимная субсидиарная ответственность учредителя личного фонда и личного фонда по обязательствам друг друга всем принадлежащим им имуществом, носящая срочный характер.

Прекращение личного фонда регулируется ст. 123.20-4 ГК РФ. В качестве особенности можем выделить установленный запрет на добровольную ликвидацию личного фонда по решению органов управления после смерти его учредителя, когда в уставе по волеизъявлению учредителя содержится положение о том, что фонд после смерти учредителя продолжает свою деятельность. Порядок принудительной ликвидации данного юридического лица в судебном порядке установлен в п. 11 вышеуказанной статьи. Основания принудительной ликвидации можно

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. П. 6 ст. 123.20-4 (с изм.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁵ В доктрине отмечается, что невозможность претендовать на обязательную долю в имуществе личного фонда может гарантировать защиту данной конструкции наследования от судебных споров и разногласий при разделе имущества, которое принадлежит фонду. См.: Кириллова Е. А., Масленко Е. Н. Указ. соч.

классифицировать на общие и специальные. Общие основания установлены в п. 3 ст. 61 ГК РФ. Специальные основания установлены в п. 11 ст. 123.20-4 ГК РФ и связаны с рядом обстоятельств: наступлением срока, до истечения которого создавалась организация; невозможностью формирования органов организации (отсутствие кворума в коллегиальных органах, отсутствие ЕИО); и др.

В пункте 10 ст. 123.20-4 ГК РФ установлен порядок регулирования реорганизации личного фонда (за исключением наследственного фонда). Главным условием для осуществления реорганизации во всех формах, кроме преобразования, является факт того, что в результате ее проведения образуются личный фонд (личные фонды), созданный (созданные) тем же учредителем. Возможно осуществить реорганизацию в форме преобразования личного фонда в общественно полезный фонд.

Насколько данная организационно-правовая форма будет востребована гражданским оборотом и как эффективны будут заложенные в ней механизмы правового регулирования — покажет время, но в теоретическом смысле в целом она оценивается весьма положительно¹⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав. — М., 2016.
2. *Демкина А. В.* Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // *Гражданское право.* — 2021. — № 12 (243).
3. *Качалова А. В., Сойфер Т. В.* Проблемы участия юридических лиц в гражданском обороте : учебное пособие для магистратуры. — М., 2021.
4. *Кириллова Е. А., Масленко Е. Н.* Особенности, роль, значение личных фондов в наследственном праве РФ // *Наследственное право.* — 2022. — № 3.
5. *Муртазина Г. М.* Актуальные вопросы и совершенствование норм наследственного права // *Oeconomia et Jus.* — 2019. — № 1.
6. *Степанов Д. И., Михальчук Ю. С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. — М., 2018.

¹⁶ В частности, Е. А. Кириллова, Е. Н. Масленко отмечают, что в целом личный фонд — перспективная правовая конструкция, которая сыграет важную роль в наследственном праве Российской Федерации. См.: *Кириллова Е. А., Масленко Е. Н.* Указ. соч.

Правосубъектность лиц, признанных недееспособными и ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правосубъектности лиц, признанных недееспособными и ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства. Анализируется объем дееспособности граждан, признанных ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства. Отмечается, что граждане, ограниченные в дееспособности по п. 2 ст. 30 ГК РФ, не исключаются из участия в имущественном обороте, поскольку за ними сохраняется возможность совершать сделки (самостоятельно или с письменного согласия попечителя). Указывается на отсутствие в действующем гражданском законодательстве механизма реализации, установленного в п. 2 ст. 29 и п. 2 ст. 30 ГК РФ требования об учете мнения и предпочтений недееспособного и ограниченно дееспособного при совершении сделок и даче согласия на совершение сделок, соответственно, опекуном и попечителем. Автор обосновывает мнение о том, что, исходя из правовой природы личных неимущественных прав, признаками которых являются неотчуждаемость и непередаваемость, тесная связь с личностью, осуществлять личные неимущественные права опекун не может, он наделен правом и одновременно на него возложена обязанность защищать права и интересы недееспособного. Рассматриваются вопросы об ответственности гражданина, ограниченного в дееспособности вследствие психического расстройства.

Ключевые слова: недееспособность, ограниченная дееспособность, психическое расстройство, дееспособность, степень способности гражданина понимать значение своих действий и руководить ими, права и обязанности опекунов и попечителей, защита прав и законных интересов граждан, страдающих психическими расстройствами.

Светлана Олеговна ЛОЗОВСКАЯ,
доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
solozovskaya@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.139-146

Svetlana O. LOZOVSKAYA,

Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

solozovskaya@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Legal personality of persons recognized as incapacitated and with limited legal capacity due to a mental disorder

Abstract. The article deals with the peculiarities of the legal personality of persons recognized as incapacitated and with limited legal capacity due to a mental disorder. The volume of legal capacity of citizens recognized as

© Лозовская С. О., 2023

having limited legal capacity due to a mental disorder is analyzed. It is noted that citizens who are limited in legal capacity under paragraph 2 of Article 30 of the Civil Code of the Russian Federation are not excluded from participating in property turnover, since they still have the opportunity to make transactions (independently or with the written consent of the trustee). It is pointed out that in the current civil legislation there is no mechanism for implementing the requirement established in paragraph 2 of Article 29 and paragraph 2 of Article 30 of the Civil Code of the Russian Federation to take into account the opinions and preferences of the incapacitated and the limited capable when making transactions and giving consent to transactions, respectively, by the guardian and the trustee. The author substantiates the opinion that based on the legal nature of personal non-property rights, the signs of which are inalienable.

Keywords: *incapacity, limited legal capacity, mental disorder, legal capacity, the degree of a citizen's ability to understand the meaning of his actions and direct them, the rights and obligations of guardians and trustees, protection of the rights and legitimate interests of citizens suffering from mental disorders.*

В ходе масштабного реформирования гражданского законодательства существенным изменениям подверглись нормы, определяющие правовой статус и правосубъектность лиц, страдающих психическими расстройствами, и особенности их участия в гражданском обороте. Ныне действующее гражданское законодательство при решении вопроса о дееспособности граждан, имеющих нарушения психического здоровья, позволяет учитывать степень нарушения самостоятельной способности гражданина понимать значение своих действий и руководить ими. В связи с этим появилась возможность сохранять дееспособность гражданина в конкретных сферах в зависимости от особенностей психического расстройства, хотя и в ограниченном объеме.

Правосубъектность лиц, ограниченных в дееспособности вследствие наличия психического расстройства, имеет определенную специфику. Поскольку за таким гражданином сохраняется возможность совершать сделки (самостоятельно или с письменного согласия попечителя), такие граждане не исключаются из участия в имущественном обороте. Недостающий объем дееспособности такого гражданина восполняется действиями попечителя, который должен оказывать содействие в реализации принадлежащих ему прав и обязанностей.

В соответствии с п. 2 ст. 29 Гражданского кодекса РФ заключение сделок от имени лица, признанного недееспособным, осуществляется его опекуном. При этом опекун обязан учитывать мнение недееспособного гражданина и, в случае невозможности установления его мнения, учитывать информацию о его предпочтениях, полученную от его родителей, прежних опекунов и других лиц, которые оказывали ему услуги и выполняли свои обязанности добросовестно.

Что касается ограниченного в дееспособности гражданина по п. 2 ст. 30 ГК РФ, то он не исключается из участия в гражданском обороте. Анализ п. 2 ст. 30 и ст. 37 ГК РФ позволяет выделить следующие варианты совершения сделок таким гражданином.

1. Он самостоятельно совершает сделки, предусмотренные пп. 1 и 4 п. 2 ст. 26 ГК РФ, а именно:

- сделки по распоряжению своими заработком, стипендией и иными доходами;
- мелкие бытовые сделки;
- сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации;
- сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

2. С письменного согласия попечителя (которое может быть также в виде последующего письменного одобрения) совершает:

- сделки по распоряжению выплачиваемыми на него алиментами, социальной пенсией, суммами возмещения вреда здоровью и в связи со смертью кормильца, а также иными предоставляемыми на его содержание выплатами. Право распоряжения данными выплатами предоставляется в течение срока, который определяется попечителем, и может быть прекращено до истечения данного срока по его решению.

При наличии достаточных оснований суд по ходатайству попечителя либо органа опеки и попечительства может ограничить или лишить такого гражданина права самостоятельно распоряжаться своими доходами, указанными в пп. 1 п. 2 ст. 26 ГК РФ.

3. С письменного согласия попечителя и органов опеки и попечительства совершаются сделки по отчуждению, в том числе обмену или дарению имущества подопечного, сдаче его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, сделки, влекущие отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любые другие действия, влекущие уменьшение имущества подопечного (п. 2 ст. 37 ГК РФ).

Возникает вопрос о том, как ограниченные в дееспособности лица по п. 2 ст. 30 ГК РФ могут совершать сделки, связанные с осуществлением права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности, а также сделки, связанные с внесением в соответствии с законом вкладов в кредитные организации и распоряжением ими.

С одной стороны, исходя из положений абз. 2 п. 2 ст. 30 ГК РФ, можно сделать вывод, что указанные выше сделки ограниченный в дееспособности может совершать только с письменного согласия попечителя, поскольку норма права определяет, что гражданин может совершать сделки, за исключением сделок, предусмотренных пп. 1 и 4 п. 2 ст. 26 настоящего Кодекса, только с письменного согласия попечителя.

Тем не менее при принятии решения о порядке осуществления сделок, связанных с охраняемым законом правом автора на результат интеллектуальной деятельности, а также сделок по внесению вкладов в кредитные организации и по распоряжению ими необходимо учитывать положения п. 2 ст. 37 Гражданского кодекса РФ. Очевидно, что, к примеру, совершение сделки по распоряжению исключительным правом автора на результат интеллектуальной деятельности может повлечь уменьшение имущества подопечного. Аналогично и распоряжение вкладом может повлечь уменьшение имущества.

Указанное выше позволяет прийти к выводу, что обозначенные сделки ограничено дееспособный гражданин может совершать с письменного согласия попечителя и органов опеки и попечительства¹.

При выполнении своих обязанностей попечители ограниченных в дееспособности граждан должны учитывать мнение подопечных, а также их предпочтения. Если установить мнение невозможно, они могут обращаться к родителям, прежним опекунам и другим лицам, оказывавшим подопечному услуги и добросовестно исполнявшим свои обязанности. Такое требование содержится в абз. 4 п. 3 ст. 36 ГК РФ².

Как видим, при выполнении обязанностей и опекуны, и попечители должны учитывать «мнения» и «предпочтения» подопечных. Введение таких неправовых категорий, как «мнения» и «предпочтения», прежде всего связано с попыткой имплементации норм международного права в российское гражданское законодательство. В частности, одним из принципов защиты прав взрослых граждан с ограниченными возможностями, закрепленным в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы от 23.02.1999 № R(99) 4 — Принципы защиты прав взрослых граждан с ограниченными возможностями (Principles Concerning Legal Protection of Incapable Adults)³, является уважение желаний и чувств заинтересованного лица (принцип 9). Согласно данному принципу при установлении и применении мер защиты в отношении недееспособного взрослого следует выяснять по мере возможности его прошлые и настоящие желания, а также принимать их во внимание и относиться к ним с должным уважением. Данный принцип также подразумевает, что лицо, представляющее интересы недееспособного взрослого или оказывающее ему помощь, должно давать ему достаточную информацию по мере возможности и уместности, в частности информацию, касающуюся важных решений, затрагивающих его интересы, для того, чтобы он мог выразить свою точку зрения.

Согласно Толковому словарю русского языка мнение — это суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к кому-нибудь или чему-нибудь, взгляд на что-нибудь⁴, а предпочтение — признание чьего-нибудь преимущества перед кем-нибудь, сравнение с кем-нибудь или чем-нибудь⁵.

¹ Есть и другое мнение. В частности, А. Е. Шерстобитов полагает, что указанные сделки совершаются с письменного согласия попечителя. Более подробно см.: *Шерстобитов А. Е.* О дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами, в связи с модернизацией правил о правовом положении граждан в ГК РФ // Вестник гражданского права. 2015. № 2.

² В соответствии с абз. 4 п. 3 ст. 36 ГК РФ опекуны и попечители исполняют свои функции, учитывая мнение подопечного, а при невозможности его установления — с учетом информации о предпочтениях подопечного, полученной от его родителей, прежних опекунов, иных лиц, оказывавших ему услуги и добросовестно исполнявших свои обязанности.

³ Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 23.02.1999 № R(99) 4 — Принципы защиты прав взрослых граждан с ограниченными возможностями (Principles Concerning Legal Protection of Incapable Adults). Приняты 23.02.1999 на 660-м заседании представителей министров // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка (онлайн-версия) // URL: <https://slovarozhegova.ru>.

⁵ См.: *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь русского языка // URL: <https://ushakovdictionary.ru>.

Поскольку учет мнения и предпочтений подразумевает, что у гражданина есть своя точка зрения и собственное мнение по поводу юридических действий, гражданин должен быть в состоянии выразить свое мнение и понимать значение и правовые последствия осуществления юридически значимых действий опекунами и попечителями. Учитывая, что основанием для признания гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным является наличие у него психического расстройства, возникают обоснованные сомнения в его способности выражать свое мнение, особенно в случае, если он признан недееспособным.

В целом оценивая позитивно внесенные изменения в части определения правосубъектности недееспособных и ограниченно дееспособных вследствие наличия психического расстройства, полагаем, что положения об учете «мнения» и «предпочтений» таких граждан вызывает больше вопросов, чем ответов. Требуется дальнейшая проработка механизмов реализации требования об учете мнения и предпочтений подопечных граждан, а также механизмов контроля исполнения указанного требования закона.

В частности, установив обязанность опекунов и попечителей выяснять мнение и предпочтение подопечного при совершении сделок от имени недееспособного и при даче письменного согласия на совершение сделок ограниченным в дееспособности, не предусматриваются правовые последствия неисполнения опекуном/попечителем рассматриваемого требования закона. Возникают вопросы: возможно ли признать недействительной сделку, совершенную от имени недееспособного лица без учета его мнения? Может ли быть признана недействительной сделка гражданина, ограниченного в дееспособности, на которую дал согласие его попечитель, не учитывая мнение и предпочтения такого гражданина? Если да, то по какой статье? Существует мнение, что такие сделки могут быть признаны недействительными в соответствии с п. 1 ст. 168 ГК РФ⁶.

Также нет ответа на вопрос, должны ли суды при рассмотрении споров о признании сделок недействительными выяснять мнение подопечного? Судебная практика по этому вопросу до настоящего времени не сложилась. Анализ имеющейся судебной практики показал, что суды формально подходят к данному вопросу, а точнее, не выясняют ни мнение, ни предпочтения подопечного при рассмотрении соответствующих споров.

Интересным является следующее дело⁷. Административный истец Т. обратилась в суд с административным иском к Советскому отделу Управления ЗАГС администрации г. Липецка о признании незаконным заключения об отказе в перемене фамилии и отчества недееспособного, указав, что с Т. состояла в браке с Ф.И.О. Брак между ними был расторгнут. От брака имеется дочь В., которая является инвалидом с детства, ей установлена группа инвалидности. Решением Советского районного суда г. Липецка дочь была признана недееспособной. На основании постановления администрации г. Липецка от 27.02.2018 года истица Т. назначена опекуном над недееспособной дочерью В.

⁶ См.: Михайлова И. А. Осуществление субъективных прав граждан, страдающих психическим расстройством: новый подход и новые проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 26—34.

⁷ Решение Советского районного суда г. Липецка от 17.10.2019 по делу № 2а-5855/2019-М-5332/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Суд удовлетворил заявление, указав, что лицо, признанное недееспособным, не вправе совершать никаких юридических действий, все совершенные им сделки ничтожны, что также закреплено в ст. 29, 171 Гражданского кодекса РФ.

В., являясь недееспособным лицом в силу закона, не вправе совершать никаких юридических действий, а именно самостоятельно обращаться в органы ЗАГС с заявлением и предоставлением необходимых для этого документов, поэтому правом обращения от имени В. обладает опекун В. — ее мать, Т., которой в силу закона не могло быть отказано в перемене фамилии и отчества ее недееспособной дочери В.

При этом, как следует из решения, суд не выяснял мнение подопечной относительно изменения имени. Рассматривая это дело, суд просто формально сослался на п. 2 ст. 29 ГК РФ. Представляется, что в данном случае, очевидно, суд должен был выяснить мнение недееспособной гражданки при наличии такой возможности (имеется в виду, что состояние психического здоровья позволяет выяснить мнение по рассматриваемому вопросу), поскольку в данном случае речь идет даже не о сделке, совершенной опекуном от имени недееспособного, а о личном неимущественном праве недееспособного гражданина — праве на имя.

Более того, здесь возникает вопрос: а может ли опекун недееспособного лица осуществлять за него личные неимущественные права? В приведенном судебном деле суд посчитал, что опекун недееспособной гражданки имеет право подать заявление о перемене имени опекаемой (фамилии и отчества). На наш взгляд, опекун не наделен правом осуществлять от имени недееспособного гражданина его личные неимущественные права.

Полномочия опекунов, которыми они наделяются для охраны прав и интересов недееспособных граждан с целью восполнения их дееспособности и обеспечения социальной заботы о них, определены гражданским законодательством (ст. 31, 32, 34—36, 39 и 40 ГК РФ).

Опекун, в первую очередь в частноправовой сфере, осуществляет от имени недееспособного лица имущественные права, защищает его права и интересы, обеспечивает его уходом и лечением, заботится о содержании подопечного и о развитии (восстановлении) способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими.

Исходя из правовой природы личных неимущественных прав, признаками которых являются неотчуждаемость и непередаваемость, тесная связь с личностью, осуществлять личные неимущественные права опекун не может, он наделен правом и одновременно на него возложена обязанность защищать права и интересы недееспособного.

Необходимо отметить, что изменения в гражданско-правовом статусе лиц с психическими расстройствами не решают вопроса о реализации их личных неимущественных прав.

Что касается *ответственности по сделкам и деликтоспособности* недееспособных и ограниченно дееспособных вследствие психического расстройства, то согласно п. 2 ст. 29 ГК РФ все сделки от имени гражданина, признанного недееспособным, совершает его опекун. Гражданин, признанный недееспособным, полностью неделиктоспособен. Вред, причиненный гражданином, признанным

недееспособным, возмещают его опекун или организация, обязанная осуществлять за ним надзор, если они не докажут, что вред возник не по их вине (п. 1 ст. 1076 ГК РФ).

Что касается лиц, ограниченных в дееспособности по п. 2 ст. 30 ГК РФ, то в абз. 5 данного пункта содержится положение, согласно которому гражданин, дееспособность которого ограничена вследствие психического расстройства, самостоятельно несет имущественную ответственность по сделкам, совершенным им в соответствии с настоящей статьей. За причиненный им вред такой гражданин несет ответственность в соответствии с настоящим Кодексом.

Для решения вопроса о деликтоспособности ограничено дееспособного лица следует обращаться к гл. 59 ГК РФ. В настоящее время в этой главе не содержится нормы права, которая определяла бы особенности ответственности гражданина, признанного ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства.

Анализ абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ в совокупности с гл. 59 ГК РФ позволяет прийти к выводу, что данная категория граждан является полностью деликтоспособной. Из полной деликтоспособности ограниченных в дееспособности по п. 2 ст. 30 ГК РФ исходят суды при рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного такими гражданами.

К примеру, по одному из дел, рассмотренных Первореченским районным судом города Владивостока, суд отказал во взыскании морального вреда, причиненного преступлением, с попечителя причинителя вреда, ограниченного в дееспособности по п. 2 ст. 30 ГК РФ. Суд в решении отметил, что в соответствии с абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ гражданин, признанный ограниченно дееспособным, самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам и за причиненный им вред, т.е. указанная статья наделяет ограниченно дееспособное лицо деликтоспособностью в полном объеме, что исключает предъявление требований к матери признанного ограничено дееспособным лица⁸.

В этой связи справедливо возникает вопрос: есть ли необходимость устанавливать специальные правила деликтной ответственности граждан, дееспособность которых была ограничена вследствие наличия психического расстройства?

В юридической литературе высказывается мнение о том, что лицо, осуществляющее надзор за ограниченно дееспособным, должно нести солидарную ответственность за действия своего подопечного по аналогии со ст. 1074 ГК РФ, если только не докажет, что вред возник не по его вине⁹ (здесь, правда, не очень понятна ссылка авторов статьи на ст. 1074 ГК РФ для аналогии, так как в ней идет речь о субсидиарной ответственности законных представителей несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет). Аналогичного мнения придерживается Е. А. Останина, которая предлагает вариант солидарной ответственности

⁸ Решение Первореченского районного суда города Владивостока от 12.09.2019 по делу № 2-1820/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Рябинин Н. А., Казанцева К. Ю. Совершенствование законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности // Современное право. 2017. № 7. С. 53—60.

гражданина, ограниченного в дееспособности, и попечителя за вред, причиненный третьим лицам лицом, ограниченным в дееспособности¹⁰.

Для ответа на вопрос о возможности привлечения к ответственности попечителя за вред причиненный подопечным третьим лицам сначала проанализируем функции, которые выполняет назначенный ограниченному в дееспособности попечитель.

Попечитель ограниченного в дееспособности в связи с психическим расстройством выполняет несколько функций. Во-первых, он помогает своему подопечному осуществлять свои права и исполнять обязанности (в соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 33 ГК РФ). Во-вторых, он защищает его от возможных злоупотреблений со стороны третьих лиц (также согласно абз. 2 п. 2 ст. 33 ГК РФ). В-третьих, он заботится о содержании своего подопечного, обеспечивая ему уход и лечение (абз. 1 п. 3 и 4 ст. 37 ГК РФ). В-четвертых, он заботится о развитии (или восстановлении) способности своего подопечного понимать значение своих действий или руководить ими (абз. 3 п. 3 ст. 36 ГК РФ).

Как видим, попечитель ограниченного в дееспособности вследствие психического расстройства не осуществляет и не должен осуществлять надзор за подопечным, основная функция попечителя — это оказание содействия подопечному в реализации принадлежащих ему имущественных прав.

Отсюда логично следует, что попечитель не может нести солидарную ответственность за вред, причиненный подопечным третьим лицам. И если ставить вопрос о возможности привлечения к ответственности попечителя за вред, причиненный подопечным, то, по нашему мнению, речь может идти о субсидиарной, а не о солидарной ответственности попечителя при наличии его вины в причинении вреда подопечным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Михайлова И. А. Осуществление субъективных прав граждан, страдающих психическим расстройством: новый подход и новые проблемы // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2015. — № 11. — С. 26—34.
2. Останина Е. А. Институт недееспособности с точки зрения защиты стабильности гражданского оборота // *Закон*. — 2021. — № 2. — С. 150—161.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка (онлайн-версия) // URL: <https://slovarozhegova.ru>.
4. Рябинин Н. А., Казанцева К. Ю. Совершенствование законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности // *Современное право*. — 2017. — № 7. — С. 53—60.
5. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка // URL: <https://ushakovdictionary.ru>.
6. Шерстобитов А. Е. О дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами, в связи с модернизацией правил о правовом положении граждан в ГК РФ // *Вестник гражданского права*. — 2015. — № 2. — С. 76—86.

¹⁰ Останина Е. А. Институт недееспособности с точки зрения защиты стабильности гражданского оборота // *Закон*. 2021. № 2. С. 150—161.

Правовой режим отдельных объектов гражданских прав

Свободное время граждан как нематериальное благо, нуждающееся в гражданско-правовой защите: постановка проблемы

***Аннотация.** Анализ распространенных форм нарушений информационной безопасности граждан показывает, что в современных условиях не только сама рекламная информация является товаром, но и свободное время граждан, затраченное ими на ее просмотр и прослушивание, последовательно превращается в товар. За этими явлениями, еще не получившими должной правовой оценки, кроются реальные угрозы, формирующиеся в самых различных областях общественной жизни. С опорой на традиционные для отечественной общественной мысли воззрения о соотношении закона и благополучия человека, имеющие многовековые исторические корни, выдвинуто следующее предположение. Учитывая соображения экономической справедливости, а также то, что свободное время граждан, их ментально-деятельностные потенциалы и принадлежащие им коммуникационные устройства имеют стоимость, назрела необходимость доктринального обсуждения возможностей создания компенсационных механизмов возмещения времени, которое граждане вынуждены затрачивать на просмотр и прослушивание навязываемых им рекламных текстов, видеороликов, клипов и т.п., и потерянного времени в иных случаях нарушения информационной безопасности граждан. Данная постановка вопроса не только целесообразна, но и, как представляется, будет способствовать определению потенциальной возможности нормативного обеспечения реализации такого рода экономической справедливости.*

***Ключевые слова:** право, благополучие, качество жизни, информация, свободное время, товар.*

Анна Григорьевна МАЛИНОВА,

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
malinova@inbox.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.147-153

Anna G. MALINOVA,

Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

malinova@inbox.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Free time of citizens as an intangible benefit in need of civil protection posing the problem

Abstract. Analysis of common forms of violations of the information security of citizens shows that in modern conditions not only the advertising information itself is a commodity, but also the free time of citizens spent by them on viewing and listening to it consistently turns into a commodity. Behind these phenomena, which have not yet received a proper legal assessment, lie real threats that are emerging in various areas of public life. Based on the traditional views of Russian public thought on the relationship between the law and human well-being, which have centuries-old historical roots, it is suggested that, based on considerations of economic justice and, since the free time of citizens, their mental and activity potentials and communication devices belonging to them have value, there is a need for a doctrinal discussion of the possibilities of creating compensatory mechanisms for compensation. Time that citizens are forced to spend on viewing and listening to advertising texts, videos, clips, etc. imposed on them, but also the lost time in other cases of violation of the information security of citizens. Such a formulation of the question is not only appropriate, but also seems to help determine the potential for normative support for the realization of this kind of economic justice.

Keywords: law, well-being, quality of life, information, free time, goods.

Ни в каком законодательстве
не существует запрещения
отнимать время у кого бы то ни было.

Вл. Соловьев

Вопросы соотношения права и благополучия субъектов права издавна находятся в центре внимания отечественной общественной и юридической мысли. Еще тысячу лет назад (в XI в.) киевский митрополит Иларион (990—1055 гг.) произнес свое знаменитое «Слово о законе и благодати». Пара ключевых слов в этой речи: *закон* и *благодать*. Они были раскрыты Иларионом как бинарная оппозиция, в его изложении они обрели символический смысл и находятся в состоянии диалектического сопряжения и противостояния: рабство — свобода¹.

¹ См.: Сокурова О. Б. «Слово о законе и благодати»: стратегические идеи и система образов // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1 (39). С. 5.

Через восемь столетий другой выдающийся деятель православия митрополит московский Филарет (1783—1867 гг.), которому довелось редактировать² один из самых значимых юридических документов в российской истории: Манифест императора Александра II от 19 февраля 1861 г. об освобождении крепостных крестьян, сформулировал в его преамбуле следующую глубочайшую мысль: «Самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона»³.

Такой подход сохраняет свою актуальность и сегодня. Но проблема в том, насколько полно осуществляется законом такое покровительство, в частности, в некоторых вопросах неприкосновенности частной жизни и жизненного пространства граждан, которые рассмотрены ниже.

Сегодня ни один легальный товар не обладает такой всепроникающей способностью влиять на качество частной жизни граждан, как информация, ставшая в XXI в. одним из базовых ресурсов во всех сферах человеческой деятельности, включая рыночную составляющую их функционала. Побочным последствием превращения информации в товар явилась проблема информационной безопасности — как для общества в целом, так и на уровне индивидуального жизнепрживания граждан, что взаимообусловлено и требует правового урегулирования.

К числу распространенных форм нарушения информационной безопасности граждан на уровне индивидуального жизнепрживания относятся прежде всего факторы информационного оборота, негативно влияющие на качество частной жизни граждан, т.е. нарушающие те их *законные интересы*, которые являются необходимыми условиями их благополучия⁴.

Для эффективного правового обеспечения благополучия граждан в условиях информационного общества необходимо не только учитывать вызовы и особенности информационной цивилизации, но и своевременно реагировать на сопряженные с ними нарушения правовых норм, направленных на обеспечение информационной безопасности граждан.

Юридически значимым критерием противоправности такого рода факторов являются нарушения правил п. 1 ст. 150 «Нематериальные блага» ГК РФ. С этой точки зрения следует особо подчеркнуть следующие обстоятельства:

Во-первых, правовая защита неприкосновенности частной жизни граждан предполагает обеспечение неприкосновенности их личного жизненного пространства, которое в современных условиях доминирования электронно-цифровых коммуникационных технологий во многом зависит от таких принадлежащих гражданам устройств, как мобильные телефоны, компьютеры и другие так называемые гаджеты.

Во-вторых, сегодня правовая защита информационной суверенности личного пространства граждан явно отстает от нарастающей гиперволны информационной

² См.: *Филарет* // Христианство : энциклопедический словарь : в 3 т. М. : Большая российская энциклопедия, 1995. Т. 3. С. 113.

³ Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1989. Т. 7 : Документы крестьянской эпохи. С. 31.

⁴ См.: *Малинова А. Г.* Понятие «законные интересы» в семейном праве // Российский юридический журнал. 2001. № 1. С. 62—65.

эксплуатации, ставшей проявлением нового типа капитализма — информационного, который разворачивается не только в сфере оборота информационной продукции, но и в информационном пространстве в целом.

В-третьих, в современных условиях уже не только информация стала товаром, но и время, в частности свободное время граждан, стало приобретать характерные особенности товара. Что продают ТВ- и интернет-резиденты информационного пространства рекламодателям? Ответ на этот вопрос не вызывает затруднений, а поскольку он лежит на поверхности, то совершенно очевидно, что продаются рекламные услуги⁵, которые напрямую связаны с арендой эфирного времени или каналов распространения информации. Но можно ответить и по-другому. По существу, резиденты информационного пространства продают свободное время тех слушателей и зрителей радио и телевидения, доступом к ушам и глазам которых они располагают.

Граждане принуждены тратить на просмотр и прослушивание навязываемых им рекламных текстов свое свободное время. Мало того, современная скрытая информационная эксплуатация граждан выражается уже не только в безнаказанном использовании их свободного времени, но и в несанкционированном использовании принадлежащих им коммуникационных устройств⁶. Заметим, что эти явления до сих пор не получили квалифицированной юридической оценки.

Читателю, не заставшему советское время, вероятно, небезынтересно будет узнать, что именно в годы так называемого «застоя» в СССР уделялось большое внимание научным разработкам в рамках изучения такой новой исторической общности, какой был объявлен «советский народ», а также разрешению проблем рационального использования этим народом своего свободного времени. Активно участвовали в этой научно-исследовательской работе и юридические вузы⁷.

Свободное время — это та часть общего бюджета времени человека, которая остается у него после выполнения трудовых, служебных, учебных и иных обязанностей, после удовлетворения физиологических потребностей и которая используется им по собственному усмотрению. По мнению Г. П. Орлова, свободное время «...это часть социального времени, являющаяся сферой свободной деятельности и развития людей. Оно обусловлено, в конечном счете, всей совокупностью социальных отношений данного общества и уровнем духовного развития каждой личности»⁸.

К способам рационального проведения свободного времени относятся: самообразование, культурное потребление (чтение книг и газет, посещение музеев, библиотек, кинотеатров), а также другие занятия в соответствии с личными интересами. Такое использование свободного времени способствует формированию

⁵ Подробнее см., например: Гражданское право : учебник : в 3 т. М. : Проспект ; Екатеринбург : Институт частного права, 2011. Т. 2 / под ред. С. А. Степанова. С. 347—357.

⁶ См.: *Малинова И. П.* Синергетические модели сложных систем в правовом регулировании и социальном конструировании (информационный капитализм против хаоса) // *Universum Juris.* 2017. № 2. С. 1.

⁷ См., например: *Орлов Г. П.* Свободное время как социологическая категория : учебное пособие. Свердловск : Свердловский юридический институт, 1973. 158 с.

⁸ *Орлов Г. П.* Указ. соч. С. 30.

гармонично развитой личности. Очень важно, чтобы свободное время человека использовалось рационально, не тратилось на ожидания в различных очередях, на ожидания ответов и т.п.

В-четвертых, представляется, что установленные в настоящее время административным законодательством меры ответственности за нарушение положений Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О рекламе» (далее — Закон о рекламе) не в полной мере эффективны и не всегда стимулируют к соблюдению положений закона. Например, согласно п. 1 ст. 18 Закона о рекламе распространение рекламы по сетям электросвязи, в том числе посредством использования телефонной, факсимильной, подвижной радиотелефонной связи, допускается только при условии предварительного согласия абонента или адресата на получение рекламы. А согласно п. 2 этой же статьи не допускается использование сетей электросвязи для распространения рекламы с применением средств выбора и (или) набора абонентского номера без участия человека (автоматического дозвонивания, автоматической рассылки).

Однако, как показывает практика, эти правила достаточно часто нарушаются рекламодателями, вероятно, ввиду недостаточно жестких мер ответственности. В частности, ст. 14.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 18.03.2003) предусмотрена ответственность в виде административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей; на должностных лиц — от четырех тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц — от ста тысяч до пятисот тысяч рублей. Возможно, что прибыль от незаконных рекламных звонков настолько существенно превышает размер установленной ответственности, что не может не стимулировать к соответствующим нарушениям закона.

Если отталкиваться от представлений экономической справедливости, то неизбежен следующий закономерный вывод: поскольку свободное время граждан, их ментально-деятельностные потенциалы и принадлежащие им коммуникационные устройства имеют стоимость, постольку за их использование в целях продвижения товаров, работ и услуг следует платить⁹. Такая постановка вопроса целесообразна, но, как представляется, возможно и нормативное обеспечение реализации такого рода экономической справедливости.

В-пятых, защита суверенности личного пространства гражданина, гарантированность от внезапных информогенных искажений привычного жизненного уклада являются необходимыми условиями достойного качества жизни гражданина в условиях информационного общества. Одним из весьма распространенных деструктивных факторов, негативно влияющих на качество жизни граждан являются внедряемые квалифицированными разработчиками стандартные программы взаимодействия с клиентами, пациентами, потребителями разного рода услуг, по крайней мере, в том виде, в котором они существуют сейчас. Так, гражданин, обратившийся по телефону, например, в крупный банк или федеральную сетевую компанию по экстренному поводу, вместо диалога со специалистом, зачастую обречен на долгое ожидание. Такие ситуации нередко возникают в

⁹ См.: Малинова И. П. Синергетические модели сложных систем в правовом регулировании и социальном конструировании (информационный капитализм против хаоса). С. 1.

случаях обращения граждан по поводу необходимости получения различного рода услуг (например, срочно заблокировать утерянную или похищенную банковскую карту, решить внезапную коммунальную проблему в случае, например, прорыва трубы). Сначала автоответчик сообщает, что «Ваш звонок важен для нас, оставайтесь на связи», а затем в течение времени, нередко, оплачиваемого потребителем, для последнего включают какую-нибудь музыку, периодически извещая о том, что «время ожидания составляет 30, 25, 20, 15, 10, 5, и наконец 1 минуту», после чего связь прерывается, а гражданин, который потратил немало личного времени, дожидаясь возможности коммуникации со специалистом, мягко говоря, начинает нервничать.

В ситуациях же, когда речь идет о распространении рекламы с использованием личных телефонов потребителей в качестве коммуникационных устройств, даже если потребитель услуг не ответил на звонок от распространителя рекламы, «услужливая» компания путем смс-сообщения оповещает о том, что на его номер приходил звонок, возможно, содержащий рекламное сообщение. Гражданин вынужден отвлекаться и тратить личное время на ознакомление с этой информацией даже в ситуации, когда он не давал предварительное согласие на получение рекламной информации. Причем такие звонки могут поступать достаточно часто и от разных компаний, желающих прорекламировать свои товары, работы, услуги. Очевидно, что нарастающая регулярность такого рода бесцеремонных вторжений в личное жизненное пространство граждан, мешающих работать, нарушающих нормальную повседневность, снижает качество жизни, что юридически может быть квалифицировано как нанесение гражданину морального вреда¹⁰.

Вопрос о неправомерном «отнимании» чужого времени возник далеко не сегодня. Вот что по этому поводу еще в конце XIX в. думал выдающийся русский мыслитель В. С. Соловьев (1853—1900): «Положим, что будучи занят трудною умственной работой... полезной для меня и для других, я заинтересован в том, чтобы досужие посетители не отнимали у меня времени и не прерывали ход моих мыслей... вот интерес вполне достойный стать правом»¹¹. «Однако, ни в каком законодательстве, — подчеркивает Соловьев, — не существует запрещения отнимать время у кого бы то ни было. *Закону нет никакого дела до этого моего интереса... моему собственному усмотрению предоставляется охранять его, или не охранять.* Но вот я запер свои двери на ключ, тем не менее какой-нибудь решительный посетитель проник ко мне, положим, подделавши ключ или выломавши дверь. *Тут уже мой интерес превращается в положительное право, и я с успехом обращаюсь к содействию... власти, по закону обязанной охранять мое жилище от насильственных вторжений.* Итак, мой интерес охранен. *Какой, однако?* Конечно, *не* интерес моей умственной работы, до которого законной власти как не было, так и продолжает не быть никакого дела... Ясно, что закон охраняет не какие-нибудь мои интересы, а только один единственный интерес

¹⁰ См.: Малинова А. Г. Юридизация понятия «качество жизни» в спорах о компенсации морального вреда // Российский юридический журнал. 2020. № 4 (133). С. 73—79.

¹¹ См.: Соловьев В. С. Право и нравственность : очерки из прикладной этики. 2-е изд. СПб. : Издание Я. Канторовича, 1899. С. 20—22.

моей свободы: в данном случае впускать, или не впускать к себе посетителей»¹² (курсив В. С. Соловьева. — А. М.).

Во времена Соловьева, чтобы не отнимали личное время, достаточно было просто закрыть дверь. Сегодня же нужно не только не открывать двери, но еще и отключить телевизор, телефон и Интернет. Однако создание условий, вынуждающих гражданина абстрагироваться от внешнего мира путем отключения перечисленных технических устройств, нельзя считать нормальными и способствующими обеспечению комфортного уровня его жизнепроживания.

Естественно, мнение Соловьева касается не только «закрытой двери». Чтобы решительный и назойливый посетитель (а рекламодатель именно таковым и является) не «проник ко мне», — утверждает Соловьев, — власть по закону обязана охранять мое жизненное пространство от назойливых вторжений. Поиск средств, способов и методов охраны жизненного пространства граждан от назойливых, а тем более насильственных, вторжений нельзя больше откладывать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданское право : учебник : в 3 т. / И. А. Андреев, И. З. Аюшеева, А. С. Васильев [и др.] ; под ред. С. А. Степанова. — М. : Проспект ; Екатеринбург : Институт частного права, 2011. — Т. 2. — 712 с.
2. Малинова А. Г. Понятие «законные интересы» в семейном праве // Российский юридический журнал. — 2001. — № 1. — С. 62—65.
3. Малинова И. П. Синергетические модели сложных систем в правовом регулировании и социальном конструировании (информационный капитализм против хаоса) // *Universum Juris*. — 2017. — № 2.
4. Малинова А. Г. Юридизация понятия «качество жизни» в спорах о компенсации морального вреда // Российский юридический журнал. — 2020. — № 4 (133). — С. 73—79.
5. Мылтасова О. В. Окно Овертона — угроза развитию общества // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана. Екатеринбург, 21—23 марта 2019 г. — Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. — С. 761—767.
6. Орлов Г. П. Свободное время как социологическая категория : учебное пособие. — Свердловск : Свердловский юридический институт, 1973. — 158 с.
7. Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. — М. : Юрид. лит., 1989. — Т. 7 : Документы крестьянской эпохи. — 482 с.
8. Сокурова О. Б. «Слово о законе и благодати»: стратегические идеи и система образов // Культурная жизнь Юга России. — 2011. — № 1 (39). — С. 5—7.
9. Соловьев В. С. Право и нравственность : Очерки из прикладной этики. — 2-е изд. — СПб. : Издание Я. Канторовича, 1899. — 179 с.
10. Филарет // Христианство : энциклопедический словарь : в 3 т. — М. : Большая российская энциклопедия, 1995. — Т. 3. — С. 113—115.

¹² Соловьев В. С. Указ. соч. С. 20—22.

**Наталья
Александровна
ДОРОХОВА,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
n-dorokhova@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Творческое видение как правовая категория: понятие, юридическая природа, соотношение со смежными категориями

Аннотация. В статье рассмотрены основные взгляды, изложенные в научной литературе, а также в судебной практике, в части толкования творческой составляющей при создании объектов интеллектуальной деятельности. Анализируется значение творческого труда при создании таких объектов (от дореволюционных юристов до современного понимания). Автор разграничивает механически созданные объекты и творческие, выделяет два критерия, которые необходимы, чтобы признать объект созданным творческим путем: объективный и субъективный. Анализируются понимание и соотношение таких категорий, как «творчество», «творческий труд», «творческое видение», «единый творческий замысел», «творческая концепция». Именно использование таких категорий позволяет суду установить охраноспособность объектов исключительных прав, разграничить сложные и составные объекты, а также объекты самостоятельного творчества и повторения чужого произведения. Автор статьи приходит к выводу, что для определения творческого характера как одной из составляющих юридической квалификации, необходимой для охраноспособности объекта, наиболее всеобъемлющим является понятие «творческое видение».

Ключевые слова: творчество, творческий труд, результаты интеллектуальной деятельности, оригинальность, новизна, охраноспособность.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.154-161

Natalia A. DOROKHOVA,

Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

n-dorokhova@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Creative vision as a legal category: concept, legal nature, correlation with related categories

Abstract. The article considers the main views set out in the scientific literature, as well as in judicial practice, regarding the interpretation of the creative component in the creation of objects of intellectual activity. The meaning of creative work in the creation of such objects is analyzed — from pre-revolutionary lawyers to the modern understanding. The author distinguishes

between mechanically created objects and creative objects, identifies two criteria that are necessary to recognize the object created by creative way: objective and subjective. The understanding and correlation of such categories as "creativity", "creative work", "creative vision", "single creative idea", "creative conception" is analyzed. It is the use of such categories that allows the court to establish the protectability of objects of exclusive rights, to distinguish complex and composite objects, as well as objects of independent creation and repetition of someone else's work. The author of the article comes to the conclusion that for the definition of creativity as one of the components of the legal qualification necessary for the protectability of the object the most comprehensive is the concept of "creative vision".

Keywords: *creativity, creative work, results of intellectual activity, originality, novelty, protectability.*

В правоприменительной практике, а также в научной юридической литературе встречаются такие категории, как «творческий труд», «творческая концепция», «единый творческий замысел», «творческое видение», нередко объединенные общим родовым понятием «творчество». К этим понятиям юристы прибегают при рассмотрении проблематики: 1) разграничения независимого творчества и повторения чужого произведения; 2) квалификации произведения как сложного либо составного; 3) определения охраноспособности результата интеллектуальной деятельности.

Несмотря на применение указанного категорийного аппарата, сопряженное с возникновением правовых последствий, единых подходов к толкованию указанных категорий, а также их общепринятых дефиниций в науке гражданского права так и не сложилось. Автор настоящей работы поставил задачу раскрыть содержание и соотношение исследуемых понятий, а также определить их правовую природу.

Как закреплено в п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом.

В размышлениях дореволюционных и советских цивилистов о характере творческого труда можно отметить, что такой труд относили к сфере духовной жизни человека, отмечали его интеллектуальный характер, связанность со сложными психическими процессами личности. Так, например, Г. Ф. Шершеневич говорил о том, что создание произведения невозможно «без участия психических сил»², О. А. Красавчиков, раскрывая понятие творческого труда, в качестве его основных

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 96.

² Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань : Типография Императорского университета, 1891. С. 155.

элементов отмечал интеллектуальный характер («это труд сознания, труд духовный») и связанность его со значительным расходом нервной энергии³.

Полагаю, что по этим критериям уже можно изначально отделить творческий труд от труда механического, как, например, производство фотографий с камер наблюдения дорожного движения. Современные юристы справедливо говорят о том, что фотография отражает творческое видение фотографа как художника, поэтому, не могут считаться объектами авторских прав фотографии, которые производятся в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки (ст. 2.6.1 КоАП РФ)⁴.

В отечественной судебной практике предлагается ряд критериев, по которым можно определить творческий характер, например, действий фотографа: подбор экспозиции, размещение объекта фотоснимка в пространстве, работа со светом, постановка композиции, выбор локации и ракурса для фотосъемки, авторское видение объекта фотографирования⁵. В целом в судебной практике развернутые обоснования творческого характера (или его отсутствия) произведения встречаются не так часто, а именно такие пояснения и являются интересными для юриста.

Так, например, в одном деле сторона спора обосновывала отсутствие охраноспособности объекта следующим образом: «спорные фотографии не являются результатом творческой деятельности, не обладают новизной и оригинальностью»; «при съемке отсутствовал аналитико-синтетический характер умственной деятельности фотографа», что характерно при создании творческого произведения; фотограф не вложил в съемку «своего видения объекта фотографирования, не прибег к богатству художественных средств, которые предоставляет фотоискусство, не выбирал и не контролировал качество съемки, ракурс, освещение, наполнение кадра, фон, контекст съемки, поведение объекта съемки, а лишь стремился зафиксировать присутствие определенных лиц в конкретном месте, осуществляя такую фиксацию технически, без реализации художественного (творческого) замысла»⁶.

Интересным является вывод, сложившийся в судебной практике, о том, что под творчеством понимается создание нового произведения, а не искажение изготовленного ранее произведения⁷. В данном деле речь шла о «дорисовке» ответчиком дефектов к изображению человека, что даже с точки зрения общего

³ Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права // Избранные труды : в 2 т. М. : Статут, 2005. Т. 2. С. 466.

⁴ См.: Гринь Е. С. Объекты авторских прав в индустрии моды // ИС. Авторское право и смежные права. 2018. № 6. С. 39—44.

⁵ См.: Валеева Н. Г. Гражданско-правовой статус режиссеров-постановщиков как исполнителей особого рода // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 195—203.

⁶ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 08.02.2017 № С01-50/2017 по делу № А40-18182/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Обзор практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12.

принципа гражданского права — принципа добросовестности — вызывает сомнения в приятии позиции ответчика.

В то же время большую популярность в наши дни приобрело такое явление, как «мем», т.е. изображение с добавлением текстовых элементов и (или) иных изобразительных элементов, создаваемое с целью передать идею ироничного, саркастического характера. Для правовой квалификации данного явления встречается соотношение его с понятием пародии, карикатуры по смыслу п. 4 ст. 1274 ГК РФ. Такая квалификация «мемов» в текущей судебной практике ставит вопрос о грани между пародией и искажением произведения.

В отсутствие унифицированных критериев в законодательстве, подзаконных актах и разъяснениях Верховного Суда РФ суды вынуждены ориентироваться на конкретные обстоятельства дела, сложившуюся в регионе судебную практику по тому или иному виду результата интеллектуальной деятельности и свои собственные представления о творческом труде. Имеется мнение о возможности и необходимости привлечения лиц, обладающих специальными познаниями в соответствующей области творчества (например, специалиста по смыслу ч. 1 ст. 55.1 АПК РФ). Из трудностей реализации данного подхода можно отметить обеспеченность такими специалистами, возникают вопросы инфицированности используемых ими критериев. Круг замыкается, и мы опять возвращаемся к проблеме выработки единообразных критериев в нормативных актах либо на уровне разъяснений пленума Верховного Суда РФ.

В юридической литературе, а также в правоприменительной практике имеются подходы, когда охраноспособность произведения выявляют на основании признака оригинальности, т.е. творческий характер произведения связывают с его оригинальностью. При этом понимание оригинальности у ученых разное. Исходя из буквального толкования п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, можно сделать вывод о том, что единственным критерием охраноспособности объектов авторского права, помимо выражения в объективированной форме, считается творческий труд, который не всегда связан с оригинальностью, уникальностью и новизной.

В современной юридической литературе приводится также сравнительно-правовой анализ понятия творческого труда в зарубежных юрисдикциях и отмечается, что при определении оригинальности, например, английские суды обращают внимание на тот интеллектуальный, творческий вклад, который был сделан автором при создании работы, т.е. оценивается не только то, что было создано автором, но и то, как это было создано — какие слова были выбраны писателем для написания книги, какие краски или даже мазки кистью использовал художник для написания картины. Юрист также отмечает, что в указанной юрисдикции планка творческого труда автора чрезвычайно низкая⁸.

Исследователи выделяют в науке гражданского права два основных подхода к определению сущности творчества: субъективный и объективный. Суть первого заключается в том, что творчество представляет собой сложный психофизический процесс. Так, по мнению А. В. Нестерова, «творческая психофизическая

⁸ См.: Чурилов А. Ю. К вопросу о творческом характере труда как критерии охраноспособности объектов авторского права // ИС. Авторское право и смежные права. 2021. № 1. С. 21—26.

индивидуальность автора проявляется в виде оригинальности творческого почерка, характерного только для конкретного автора», и, поскольку «у людей не существует двух одинаковых психик, то и самостоятельно созданные произведения разными авторами всегда будут отличаться»⁹. В свете такого глубокого понимания творчества сложно согласиться с фактическим отождествлением творческого труда и умственного труда¹⁰. Последователи объективного подхода (М. В. Гордон, А. В. Кашанин и др.) исходят из творческого характера не самой деятельности, а ее объективированного выражения. На основе исследования этих двух подходов предлагается руководствоваться комплексным субъективно-объективным критерием, позволяющим учитывать как оригинальность, так и индивидуальные особенности физического лица, проявляющиеся в его личном творчестве¹¹.

Представляется, что для целей юридической квалификации понятия и признаков творческого труда действительно необходимо учитывать два критерия: объективный и субъективный. Не вызывает сомнений, что творчество определяется структурой личности и неотъемлемо от нее. До своего объективированного воплощения результат творческой деятельности человека складывается из идеальных (существующих только в сознании) форм, таких как концепция, идея и т.д. Не зря законодатель в п. 5 ст. 1259 ГК РФ говорит о том, что авторские права не распространяются на идеи и концепции, т.е. исходит из их идеальной природы, в то время как для приобретения охраноспособности объект авторского права должен существовать в объективированной форме.

В самой творческой среде художников, писателей, артистов, режиссеров, критиков и т.п. нередко говорят о «творческом видении» автора. В неюридической литературе можно встретить различные определения данной категории, наиболее полным и развернутым видится следующее: «Творческое видение личностью мира представляет собой сложную иерархическую систему, включающую ценностные и мировоззренческие установки, эмоциональное отношение к миру, а также творческий метод, понимаемый как многоуровневая система приемов, как инструмент и средство его преобразования»¹². То есть субъективный элемент творчества может быть раскрыт через категорию «творческое видение» в указанном понимании: совокупность психического и эмоционального восприятия мира лицом, а также его творческий метод.

На такое явление, как творческое видение, обращают внимание и юристы. Как верно отмечено в юридической литературе, художнику принадлежит уникальное творческое видение и выбор средств для его выражения, без гения, его личности не будет самого произведения искусства¹³.

⁹ Нестеров А. В. Критерий творчества: юридический аспект // Российский судья. 2018. № 1. С. 31—37.

¹⁰ Витко В. С. Понятие формы произведения в авторском праве. М.: Статут, 2020. С. 27.

¹¹ См.: Копылов А. Ю. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12. С. 56—62.

¹² Марков С. Творческое видение // URL: <https://geniusrevive.com/tvorcheskoe-videnie/> (дата обращения: 03.02.2023).

¹³ Михайлова А. С. К вопросу о нотариате и современном цифровом искусстве // Нотариус. 2022. № 2. С. 3.

К категории творческого видения юристы обращаются и при исследовании вопроса охраноспособности объектов смежных прав. Так, в научной литературе при анализе пп. 1 п. 1 ст. 1304 ГК РФ отмечается, что, говоря об «узнаваемости конкретной постановки режиссера зрителями», законодатель признает, что «постановка одного режиссера отличается от спектакля, поставленного по тому же драматическому произведению другим режиссером. А это уже не что иное, как проявление личности режиссера, его творческий почерк, его авторское видение»¹⁴. С. П. Гришаев полагает, что можно говорить об охране деятельности режиссера театральной постановки нормами авторского права по причине достаточно творческого характера его деятельности¹⁵.

Интересной представляется попытка законодателя конкретизировать составляющие творческой деятельности в сфере изобразительного искусства. Так, согласно проекту примерной основной образовательной программы общего образования, задачами учебного предмета «Изобразительное искусство» в том числе являются: освоение художественной культуры как формы выражения в пространственных формах духовных ценностей, формирование представлений о месте и значении художественной деятельности в жизни общества; формирование у обучающихся навыков эстетического видения и преобразования мира, пространственного мышления и аналитических визуальных способностей; овладение представлениями о средствах выразительности изобразительного искусства как способах воплощения в видимых пространственных формах переживаний, чувств и мировоззренческих позиций человека¹⁶.

Очевидно, что авторы проекта исходят из понимания творчества как совокупности чувственного, эмоционального, интеллектуального, мировоззренческого, эстетического восприятия мира человеком и способов его воплощения. По сути, этот подход сходен с приведенным ранее определением творческого видения как сложной структуры, включающей психологическое, мировоззренческое, чувственное, эмоциональное восприятие мира и индивидуальные способы выражения этого видения (творческий метод). Творческий метод как способ внешнего выражения творческого видения лица будет составлять объективный элемент творческого видения.

Помимо категории творческого видения юристы используют понятие «творческая концепция». Попытки раскрыть понятие творческой концепции можно отметить в судебной практике. Так, в одном судебном споре творческая концепция описывалась как ключевая творческая идея, креативная концепция (эмоциональное, чувственно-психологическое, идейное видение креативной концепции (идеи) как системы образов, совокупности заключенных в нем значений и порождаемых

¹⁴ Валеева Н. Г. Указ. соч. С. 200.

¹⁵ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть четвертая / Э. П. Гаврилов, О. А. Городов, С. П. Гришаев [и др.]. М. : ТК Велби ; Проспект, 2007. С. 277.

¹⁶ Примерная основная образовательная программа основного общего образования (одобрена решением Федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 15.09.2022 № 6/22) // URL: <https://fgosreestr.ru> (дата обращения: 30.11.2022).

им смыслов)¹⁷. Полагаю, что понятие «творческая концепция» здесь используется как синоним категории «творческое видение».

Что касается понятия единого творческого замысла, то представляется, что оно как минимум является элементом творческого видения и для целей юридической квалификации может быть использовано как синоним творческого видения. Наличие «единого творческого замысла» выделяют в качестве критерия для отнесения объекта к сложному, в отличие от составного произведения, где нет такого единого творческого замысла.

Так, например, единым произведением называют музыкальное произведение с текстом ввиду существования единого концепта, единого творческого замысла¹⁸; видеоролик как аудиовизуальное произведение с присущими ему признаками наличия единого творческого замысла, действующих лиц (основных персонажей), присутствием общей сюжетной линии, созданной сценарием, целостным восприятием последовательности сцен и звукового ряда¹⁹.

Как мы видим, в юридической литературе и судебной практике при исследовании вопросов охраноспособности объектов исключительных прав, разграничения сложных и составных объектов, отграничения самостоятельного творчества и повторения чужого произведения используются категории «творчество», «творческий труд», «творческое видение», «единый творческий замысел», «творческая концепция». Сложности в определении содержания этих категорий в целях юридической квалификации вызваны спецификой самой изучаемой сферы: содержание понятия творчества и иных перечисленных категорий более точно могут раскрыть исследователи в областях самой творческой деятельности, а не юристы.

Поэтому автор настоящей статьи обращался и к неюридическим работам. В ходе проведенного анализа сложилось мнение о том, что наиболее подходящей категорией для целей юридической квалификации является понятие «творческое видение». Творческое видение включает в себя субъективные (психозомоциональное восприятие мира) и объективные (творческий метод) элементы. Творческое видение может быть на примитивном творческом уровне, оно может меняться, развиваться, создавать новые стили и направления, но без него сложно говорить о самостоятельном творчестве.

Не изученным в литературе остается вопрос о возможности отнесения творческого видения к неимущественным правам человека. В цивилистической доктрине разработаны различные классификации неимущественных прав. Для целей настоящего исследования остановимся на двух. Так, В. А. Рясенцев выделял среди групп личных неимущественных прав (благ) такие, как индивидуализирующие человека в коллективе (имя, честь, достоинство и т.д.); связанные с участием в общественном труде, включая все виды творчества (культурные запросы, отдых

¹⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.04.2021 № Ф07-1965/2021 по делу № А56-39647/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Протокол заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 26.04.2022 № 29 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14.12.2021 № С01-1918/2021 по делу № А40-211426/2020 // СПС «КонсультантПлюс», постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.06.2022 № С01-656/2022 по делу № А40-52103/2021.

и т.д.); связанные с имущественными интересами (например, неимущественные интересы, присутствующие в обязательственных сделках)²⁰.

По мнению М. Н. Малеиной, среди личных неимущественных прав (благ) можно выделить в том числе: способствующие формированию индивидуальности личности (имя, индивидуальный облик и голос, честь, достоинство, деловая репутация); связанные с интеллектуальной деятельностью (авторство, авторское имя и т.п.)²¹.

Полагаю, что творческое видение может найти свое место в одной из названных групп неимущественных прав, однако данный вопрос требует дополнительного самостоятельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Валеева Н. Г.* Гражданско-правовой статус режиссеров-постановщиков как исполнителей особого рода / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич [и др.] // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. — 2018. — № 1. — С. 195—203.
2. *Витко В. С.* Понятие формы произведения в авторском праве. — М.: Статут, 2020. — 268 с.
3. *Гринь Е. С.* Объекты авторских прав в индустрии моды // ИС. Авторское право и смежные права. — 2018. — № 6. — С. 39—44.
4. *Копылов А. Ю.* Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2019. — № 12. — С. 56—62.
5. *Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права // Избранные труды : в 2 т. — М.: Статут, 2005. — Т. 2. — 494 с.
6. *Михайлова А. С.* К вопросу о нотариате и современном цифровом искусстве // Нотариус. — 2022. — № 2.
7. *Нестеров А. В.* Критерий творчества: юридический аспект // Российский судья. — 2018. — № 1. — С. 31—37.
8. *Чурилов А. Ю.* К вопросу о творческом характере труда как критерии охраноспособности объектов авторского права // ИС. Авторское право и смежные права. — 2021. — № 1. — С. 21—26.
9. *Шершеневич Г. Ф.* Авторское право на литературные произведения. — Казань : Типография Императорского университета, 1891. — 313 с.

²⁰ *Рясенцев В. А.* Неимущественный интерес в советском гражданском праве // Ученые записки Московского юрид. ин-та. 1970. Вып. 1. С. 26—27.

²¹ *Малеина М. Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. С. 13—14.

**Лариса Кузьминична
ОСТРИКОВА,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
lkostrikova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Современные проблемы квалификации персональных данных в контексте доктрины о нематериальных благах

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы квалификации персональных данных в гражданском обороте. В доктринальных источниках преобладает точка зрения на эту категорию как на объект гражданского права, несмотря на тот факт, что понятие «персональные данные» введено Федеральным законом «О персональных данных», относящимся к публичным отраслям законодательства. Ввиду отсутствия категории «персональные данные» в ст. 128 ГК РФ проблема заключается в определении места персональных данных среди легально закрепленных объектов гражданских прав, в установлении правового режима персональных данных. С учетом взглядов, известных цивилистической доктрине, автор обосновывает возможность отнесения категории «персональные данные» (и, соответственно, установления правового режима) к категории «нематериальные блага» при условии соблюдения требований о согласии субъекта персональных данных на обработку его персональных данных. Для массива данных (больших пользовательских данных) наиболее приемлема квалификация в качестве результата информационной услуги.

Ключевые слова: квалификация категории «персональные данные», режим конфиденциальности, персональные данные как нематериальное благо, результат информационной услуги, собирательное понятие «персональные данные», большие пользовательские данные.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.162-169

Larisa K. OSTRIKOVA,

Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor

lkostrikova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Modern problems of qualification of personal data in the context of the doctrine of intangible benefits

Abstract. The article deals with modern problems of qualification of personal data in civil circulation. In doctrinal sources, the prevailing point of view on this category is the view as an object of civil law, despite the fact that the concept of “personal data” was introduced by the federal law “On Personal

Data”, which refers to public branches of legislation. Due to the absence of the category “personal data” in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation, the problem lies in determining the place of personal data among the legally enshrined objects of civil rights; in establishing the legal regime of personal data. Taking into account the views known to the civil doctrine, the author substantiates the possibility of classifying the category of “personal data” and, accordingly, establishing a legal regime to the category of “intangible benefits”, subject to the requirements for the consent of the subject of personal data to the processing of his personal data; for an array of data (Big User Data) ...

Keywords: *qualification of the category of personal data, confidentiality regime, personal data as an intangible good, the result of an information service, the collective concept of personal data, Big user data*

1. Персональные данные фактически уже стали объектом гражданского оборота и неким сырьевым материалом для создания различных цифровых продуктов, интернет-сервисов (например, данные покупок электронной торговли позволяют установить уровень финансовой обеспеченности потребителя).

В судебной практике только косвенно затрагивается вопрос о вовлечении персональных данных в гражданский оборот. Так, по одному из арбитражных дел о привлечении к административной ответственности в связи с нарушением законодательства о персональных данных арбитражным судом установлено, что ПАО «МГТС» передавало партнеру (ООО «ОБМП») сведения об абонентах на основании договора, в соответствии с которым исполнитель — ПАО «МГТС» в порядке и на условиях, определенных договором, оказывает услуги по передаче заказчику — (ООО «ОБМП») Clickflow (совокупность сведений о просматриваемых активными пользователями web-страницах, тематике информации, размещенной на посещаемых абонентами интернет-ресурсах, IP-адрес и прочие сведения, достаточные для формирования его рекламного профиля). Арбитражный суд пришел к выводу, что информация, получаемая от оператора связи, позволяет прямо или косвенно идентифицировать пользователя как определенное физическое лицо¹.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»² (далее — Закон «О персональных данных»), закрепляющий легальную дефиницию «персональные данные» (ст. 3), регулирует публичные правоотношения, однако целью Закона является обеспечение прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защита прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, т.е. обеспечение защиты фундаментальных прав человека и гражданина. Совершенно очевидна непосредственная связь персональных данных с человеком, это позволяет отнести персональные данные к объектам гражданских прав.

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.05.2016 № 09АП-17574/2016 по делу № А40-14902/16 // СПС «КонсультантПлюс».

² СПС «КонсультантПлюс».

Ввиду отсутствия категории «персональные данные» в числе легально закрепленных объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ проблема заключается в определении места персональных данных среди легально закрепленных объектов гражданских прав или отнесения персональных данных к одной из групп объектов гражданских прав, или распределения элементов категории персональных данных к разным объектам гражданских прав. Сохраняется правовая неопределенность правового режима персональных данных, что влияет на их оборотоспособность и выбор правовых норм, применяемых к договорным обязательствам, объектом которых могут выступать персональные данные.

Вместе с тем непосредственная связь персональных данных с человеком требует повышенного внимания к применению частноправовых мер защиты конституционных прав субъекта персональных данных в межотраслевом охранительном механизме отечественного законодательства.

2. Персональные данные имеют режим конфиденциальной информации, если иное не предусмотрено федеральным законом. Режим конфиденциальности персональных данных обладает признаком изменчивости. Например, учитывая степень важности информации об объектах недвижимости, определяющей основу имущественного положения физического лица, с 01.03.2023 ограничен доступ к персональным данным правообладателей объектов недвижимости и лиц, в пользу которых зарегистрированы ограничения права или обременения объекта недвижимости, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) (ст. 36.3, 62 Федерального закона от 13.05.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»³); разрешено большему числу организаций использовать биометрические персональные данные из единой системы: работать с такими данными могут в определенных целях организации торговли, сферы услуг, операторы связи, образовательные учреждения, иные организации⁴.

Исключению из режима конфиденциальной информации с письменного согласия субъекта персональных данных подлежат персональные данные, включаемые в общедоступные источники персональных данных, в том числе справочники, адресные книги и обезличенные персональные данные.

3. В доктрине гражданского права наиболее обсуждаемым среди вопросов об отнесении персональных данных к объектам гражданских прав является вопрос квалификации персональных данных в качестве нематериального блага.

В статье 150 ГК РФ сформулированы основные признаки нематериального блага: нематериальные блага принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, они неотчуждаемы и не передаваемы.

³ Федеральный закон от 13.05.2015 № 218-ФЗ (ред. от 18.03.2023) «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 15.06.2022 № 1067 (ред. от 13.03.2023) «О случаях и сроках использования биометрических персональных данных, размещенных физическими лицами в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным» // URL: <http://pravo.gov.ru>. Срок действия документа — до 01.03.2029.

Содержание легальной дефиниции «персональные данные» имеет собирательный характер, а законодательство и судебная практика идет по пути расширения правопонимания понятия «персональные данные». Постепенно персональные данные вовлекаются в гражданский оборот, удовлетворяя имущественные интересы хозяйствующих субъектов, поэтому нельзя категорично утверждать о непередаваемости нематериальных благ.

Так, имя физического лица или его псевдоним могут быть использованы с согласия этого лица другими лицами в их творческой, предпринимательской или иной экономической деятельности способами, исключающими введение в заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан, а также исключающими злоупотребление правом в других формах (ст. 19 ГК РФ).

Статья 152.2 ГК РФ предусматривает возможность заключения договора об использовании информации о частной жизни гражданина при создании произведений науки, литературы и искусства, если такое использование не нарушает интересы гражданина и если сделка совершена не с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 1, 169 ГК РФ).

Легальная дефиниция понятия персональные данные позволяет включать ранее неизвестные типы информации о физическом лице, появляющиеся с развитием цифровых технологий. Судебная практика продолжает идти по пути расширения отнесения к персональным данным информации о различных сведениях и данных о физическом лице, но не личных мнений, суждений о этих фактах⁵.

Тип информации может быть разный по содержанию и назначению в зависимости от заданного критерия анализа и цели формируемого объема персональных данных или профиля определяемого лица, например: частная жизнь физического лица, в том числе личная и семейная жизнь, круг его общения, мир увлечений и уровень потребностей; состояние здоровья; профессиональная деятельность; имущественное положение, в том числе количество и состав объектов недвижимости, размер денежного остатка на банковском счете (счетах) и частота поступлений денежных средств на банковский счет (счета), наличие корпоративных и обязательственных прав; уровень финансовой обеспеченности физического лица в целом.

Как представляется, персональные данные и нематериальные блага — тесно связанные, но не тождественные понятия. Эти категории частично пересекаются.

На тесную связь персональных данных с нематериальными благами указывает содержание информации об определенном физическом лице: жизнь, здоровье, имя, личная и частная жизнь, тайна телефонных разговоров и т.д., а также меры защиты и меры ответственности, установленные законом за нарушение личных неимущественных прав, охраняющие нематериальные блага.

Так, нормы ч. 2 п. 2 ст. 150, п. 3 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2 ГК РФ предусматривают меры защиты, направленные на пресечение или запрещение действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальные блага, а нормы п. 2 ст. 17, п. 2 ст. 24 ФЗ «О персональных данных», ст. 151 и 1064 ГК РФ

⁵ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2022 № 88-8555/2022 по делу № 2-3351/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

предусматривают меры деликтной ответственности при нарушении прав и законных интересов субъекта персональных данных.

4. В отечественном законодательстве отсутствует легальное определение термина «большие данные». В доктрине отмечается его многозначность, применимая и к информации, и к различным технологиям сбора и анализа этой информации. Большие данные «характеризуются следующими признаками: 1) большой объем (volume); 2) разнообразие (variety); 3) высокая скорость изменения и возможность их обработки в режиме “реального времени” (velocity). Иногда к ним добавляют еще и четвертый признак: точность (veracity)»⁶.

В зависимости от источника происхождения большие данные разделяют на две большие группы, одной из которых выступают *большие пользовательские данные (персональные данные частных лиц)*, которые создаются людьми в процессе использования ими различных приложений и сервисов в сети Интернет)⁷. Это — вся информация простых пользователей, собираемая поисковиками, приложениями, мобильными устройствами и т.д. (поисковые запросы, информация о местонахождении, контакты, переписка пользователей, фото-, видеоматериалы, посты в социальных сетях, комментарии, видео с камер наблюдения, финансово-экономические данные, финансовые транзакции, покупки в электронных магазинах и проч.)⁸.

Если рассматривать большие пользовательские данные как базу данных, то возникает вопрос: возможно ли квалифицировать большие пользовательские данные как базу данных, подлежащую авторско-правовой охране?

База данных как объект авторского права представляет собой составное произведение по подбору или расположению материалов, являющееся результатом творческого труда (п. 2 ст. 1259 ГК РФ), независимо от достоинств и назначения, а также от способа его выражения (п. 1 ст. 1259 ГК РФ).

Квалифицирующими признаками базы данных как составного произведения являются: совокупность самостоятельных материалов; систематизация материалов с целью быть найденными и обработанными с помощью ЭВМ. В состав самостоятельных материалов могут входить как охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, так и объекты, не подпадающие под действие авторско-правовой охраны (судебные решения, нормативные акты и подобные документы). Составителю принадлежит авторское право на осуществление подбора или расположения отобранных материалов. При этом сохраняется авторское право на охраняемые результаты творческой деятельности, вошедшие в качестве материала в базу данных.

Авторское право базы данных предоставляет охрану по подбору и расположению материалов в базе данных. Отличием базы данных от других составных произведений является их систематизация и обработка с помощью ЭВМ. Базы

⁶ Савельев А. И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Савельев А. И. Указ. соч.

⁸ Касперская Н. И. Большие пользовательские данные должны принадлежать государству // URL: tass.ru/ekonomika, 29.12.2016 (дата обращения: 09.04.2023).

данных неосвязаемы, непотребляемы и не могут быть объектом правоотношений безотносительно к материальному носителю⁹.

Основным критерием для квалификации больших пользовательских данных как базы данных должен быть творческий труд составителя (п. 1 ст. 1228 ГК РФ). Вместе с тем в доктрине отмечается, что отбор и компоновка сведений, составляющих базу данных, должны соответствовать признаку креативности (новизны, оригинальности), что создает условия для защиты той формы, в которой была произведена систематизация¹⁰.

По существу, автор данной точки зрения сводит интеллектуальную деятельность автора при создании базы данных как объекта авторского права к креативности: новизне и оригинальности. Между тем креативность и творчество — близкие, но не синонимичные понятия. Представляется справедливым утверждение исследователей, опирающихся на суждения философов и писателей прошлых поколений, что произведение — это результат духовной культуры, духовного творчества. Произведение должно иметь сущностное свойство: свойство духовной ценности.

Представляется, что большие пользовательские данные, имеющие все признаки больших данных, при сборе, анализе, накоплении, систематизации и осуществлении других действий с персональными данными в процессе обработки не составляют результат творческого труда, а представляют собой результат деятельности организационно-технического характера.

Вместе с тем базы данных имеют правовой режим объекта смежных прав в части их охраны от несанкционированного извлечения и повторного использования составляющих их содержание материалов (ст. 1304 ГК РФ). Изготовитель базы данных наделяется исключительным правом на базу данных, создание которой (включая обработку или представление соответствующих материалов) требует существенных финансовых вложений, организационных и иных затрат (ст. 1334 ГК РФ). При отсутствии доказательств иного базой данных, создание которой требует существенных финансовых расходов, признается база данных, содержащая не менее 10 тыс. самостоятельных информационных элементов.

Как представляется, закон отступает от критерия творческого труда автора, а применительно к базам данных как к результату интеллектуальной деятельности, подлежащей авторско-правовой охране, устанавливает критерий — инвестиционной, организационно-технического характера деятельности, требующей *существенных финансовых капиталовложений*.

Таким образом, правовой режим базы данных как объекта авторского права к большим пользовательским данным малоприменим, поскольку не учитывается творческий характер труда составителя (изготовителя).

5. Массив персональных данных — результат оказанной информационной услуги. Статья 128 ГК РФ не содержит легальной дефиниции понятий «оказание услуги», «услуга». В статье 779 ГК РФ под услугой понимается определенное

⁹ Гришаев С. П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Постатейный комментарий. 2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты : учебное пособие. М., 2017. С. 40—41.

действие или осуществление определенной деятельности. Под услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения и могут быть реализованы для удовлетворения потребности организации и (или) физического лица (п. 5 ст. 38 НК РФ).

Деятельность оператора персональных данных по обработке персональных данных выражается в совершении действия или совокупности действий, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), использование, передачу, обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных (п. 3 ст. 3 Закона «О персональных данных»), и допускается в соответствии с определенными и законными целями. Эта деятельность не носит материального характера, т.е. в результате ее осуществления не создается какой-либо материальный (овеществленный) результат, как это имеет место при выполнении работ.

Однако в результате сбора, записи, систематизации, накопления, хранения, уточнения персональных данных формируется массив персональных данных (информационный продукт) о физических лицах, который может представлять частный, в том числе коммерческий, или публичный интерес. Действия по передаче персональных данных (распространение, предоставление, доступ), направленные на раскрытие персональных данных определенному или неопределенному кругу лиц, осуществляются в отношении уже сформированного массива персональных данных, т.е. когда уже имеется определенный результат, полученный в процессе обработки персональных данных.

Оператор персональных данных самостоятельно осуществляет обработку персональных данных (ст. 6 Закона «О персональных данных»). Под самостоятельным характером обработки персональных данных, осуществляемой оператором, следует понимать личные действия оператора — индивидуального предпринимателя или действия его работников, осуществляющих обработку персональных данных в рамках своих трудовых обязанностей. В равной мере это относится к действиям работников оператора — юридического лица, осуществляющих обработку персональных данных при выполнении трудовой функции в целях реализации деятельности юридического лица, предусмотренной в его учредительном документе (п. 1 ст. 49 ГК РФ).

Таким образом, самостоятельный характер обработки персональных данных предполагает осуществление действий или деятельности оператором — индивидуальным предпринимателем лично или непосредственных действий работников оператора — юридического лица. При таком подходе правопонимание о самостоятельном характере действий или деятельности оператора по обработке персональных данных совпадает с презумпцией о личном характере возмездного оказания услуг исполнителя (ст. 780 ГК РФ).

Следовательно, действиями оператора персональных данных, самостоятельно осуществляющего их сбор, запись, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), формируется массив персональных данных физических лиц (информационный продукт), а действия по передаче (распространение, предоставление, доступ) массива персональных данных, направленные на раскрытие персональных данных ограниченному или неограниченному кругу лиц, следует отнести к оказанной информационной услуге. Сформированный массив персональных

данных, переданный оператором определенному или неопределенному кругу лиц, следует отнести к результату оказанной информационной услуги.

Примечательно, что новелла главы 39 ГК РФ (ст. 783.1) предусматривает заключение договора об оказании услуг по предоставлению информации.

Таким образом, в статье предпринята попытка проанализировать существующие доктринальные подходы квалификации персональных данных с учетом сложившихся взглядов и судебной практики. Отсутствие данной категории в числе возможных объектов гражданских прав и невозможность непосредственного отнесения информации к одному из объектов гражданских прав создают риски в правоприменении, за исключением тех случаев, когда данная проблема разрешена законодателем.

Как показывает судебная практика, что поддерживается и доктриной, наиболее приемлемый правовой режим, применяемый к персональным данным, — это режим нематериальных благ при соблюдении условий о согласии на обработку персональных данных. К массиву данных (больших пользовательских данных) наиболее применим правовой режим результата оказанной информационной услуги.

Вместе с тем представляется непригодным применение правового режима базы данных как объекта авторского или смежного права к обладающим коммерческой ценностью массивам данных (больших пользовательских данных) ввиду отсутствия творческого характера осуществляемой деятельности при его создании. В перспективе можно было бы сформировать совершенно новый правовой режим.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гришаев С. П.* Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Постатейный комментарий. 2022 // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Касперская Н. И.* Большие пользовательские данные должны принадлежать государству // URL: tass.ru/ekonomika/, 29.12.2016 (дата обращения: 09.04.2023).
3. *Рожкова М. А.* Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты : учебное пособие. — М. : Проспект, 2017. — 242 с.
4. *Савельев А. И.* Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических условиях // СПС «КонсультантПлюс».

**Семен Алексеевич
СОМЕНКОВ,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
sasomenkov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Особенности правового режима помещений

Аннотация. В статье исследуется состояние правового регулирования в сфере недвижимости применительно к таким недвижимым вещам, как помещения. Анализируются изменения, внесенные в правовой режим помещений Федеральным законом от 21.12.2021 № 430-ФЗ. Автор рассматривает общее определение помещения, введенное в ГК РФ указанным Законом, выявляет присущие этому определению недостатки. В статье показано, что помещение как объект недвижимости имеет производный (вторичный) характер по отношению к зданию или сооружению, частью которого оно является.

Рассматривая правовой режим жилого помещения, автор анализирует его признаки, в частности изолированный характер. В статье показаны особенности отдельных видов жилых помещений. При этом автор отмечает ошибочность включения в состав жилых помещений жилого дома, являющегося зданием, а не помещением, и предлагает решение этой проблемы. Также автор рассматривает противоречия в судебной практике по вопросу признания части жилого дома в качестве самостоятельного объекта недвижимости. Отдельное внимание уделено автором проблеме апартаментов как нежилых помещений, приспособленных для проживания.

Ключевые слова: недвижимое имущество, недвижимость, недвижимые вещи, помещение, апартаменты, общее имущество собственников помещений, судебная практика.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.170-177

Semen A. SOMENKOV,

Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
sasomenkov@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Features of the legal regime of premises

Abstract. The article examines the state of legal regulation in the field of real estate in relation to such immovable things as premises. The changes made to the legal regime of premises by Federal Law No. 430-FZ dated 21.12.2021 are analyzed. The author examines the general definition of premises introduced in the Civil Code of the Russian Federation by this Law, identifies the inherent shortcomings of this definition. The article shows that a room as a real estate object has a derivative (secondary) character in relation to the building or structure of which it is a part.

Considering the legal regime of residential premises, the author analyzes its features, in particular its isolated nature. The article shows the features of certain types of residential premises. At the same time, the author notes the fallacy of including a residential building, which is a building, and not a room, in the composition of residential premises, and suggests a solution to this problem. The author also examines the contradictions in judicial practice on the issue of recognizing a part of a residential building as an independent real estate object. Special attention is paid by the author to the problem of apartments as non-residential premises adapted for living.

Keywords: real estate, immovable things, premises, apartments, common property of the owners of premises, judicial practice.

Изменения, внесенные в ГК РФ в конце 2021 г.¹, значительно обновили правовой режим недвижимости. При этом ключевая статья — ст. 130 ГК РФ, содержащая общее понятие недвижимости, осталась незатронутой.

В данной работе мы рассмотрим некоторые особенности правового режима таких недвижимых вещей, как помещения. Эти объекты вместе с машино-местами, правовой режим которых в значительной мере сходен с правовым режимом помещений, были закреплены в абз. 3 ст. 130 ГК РФ как особые недвижимые вещи². Однако правовое регулирование этих объектов недвижимости приобрело сравнительно завершённый вид только после дополнения ГК РФ главами 6.1 и 17.1.

В ГК РФ появилось единое определение жилого и нежилого помещения. Статья 141.4 рассматривает их в качестве **обособленной** части здания или сооружения. Особо подчеркивается признак **пригодности** помещения для определенных целей — для проживания граждан, причем обязательно *постоянного*, а не временного (для жилых помещений), либо для других целей, которые не должны быть связаны с проживанием. Кроме того, отмечается, что помещение должно быть подходящим для использования в соответствующих целях. Интересно, что слова «пригодный» и «подходящий» являются синонимами³ и означают одно и то же. Скорее всего, имеет место редакционная ошибка, которую, как справедливо отмечается в литературе, следует устранить⁴.

В кодексе, к сожалению, не раскрывается, что означает «обособленная часть». Этот пробел приходится компенсировать обращением к Техническому регламенту

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8989.

² Федеральный закон от 03.07.2016 № 315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4248.

³ URL: <https://kartaslov.ru/синонимы-к-слову/пригодный>.

⁴ Алексеев В. А. Новое в законодательстве о недвижимых вещах: критический комментарий // Закон. 2022. № 4. С. 101—112.

о безопасности зданий и сооружений⁵ (далее — Регламент), который содержит собственное, отличное от ГК РФ определение помещения. Однако данный прием является не вполне удачным, так как Регламент является в первую очередь актом технического регулирования, а мы вынужденно применяем его для разъяснения частнопроводного определения, даваемого в ГК РФ. В этой связи следует согласиться с мнением В. В. Долинской, справедливо указывающей, что «надо стремиться к системе единых и однозначных дефиниций»⁶.

Отметим, что в п. 3.8.1 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации⁷ помещение рассматривалось как конструктивно и пространственно обособленная часть (трехмерный объем) внутри здания, пригодная для использования. В проекте федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»⁸ (во втором чтении) предполагалось признавать помещением обособленную часть здания или сооружения, стены или другие конструктивные элементы которого образуют замкнутый трехмерный контур (ст. 141.11 проекта)⁹. Представляется, что данная формулировка лучше характеризует помещение, чем это сделано в ст. 141.4 ГК РФ.

Согласно Регламенту, в качестве помещения понимается часть объема здания либо сооружения. Такая часть ограничивается от остального объема здания (сооружения) строительными конструкциями. Также она должна иметь конкретное назначение (см. пп. 14 п. 2 ст. 2). Исходя из этого, признак обособленности помещения, указанный в ст. 141.4 ГК РФ, выражается именно в отграничении помещения строительными конструкциями, понятие которых содержится в пп. 24 п. 2 ст. 2 Регламента.

В случае помещения — это стены, пол и потолок. Они являются конструктивными элементами здания (сооружения) и входят в его состав, а не в состав помещения. Е. А. Колбасюк в этой связи отмечает, что «фактически помещение является пространством, границы которого определены возведением перегородок, рассекающих пространство в здании горизонтально (полами и потолками) и вертикально (стенами)»¹⁰.

⁵ Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5.

⁶ Долинская В. В. Новеллы законодательства о недвижимом имуществе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С. 3—10.

⁷ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

⁸ Материалы работы Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства // URL: <https://privlaw.ru/codification/material-works/amendments-to-the-civil-code-of-rf/>.

⁹ Материалы работы Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

¹⁰ Колбасюк Е. А. Предпосылки признания частей объекта капитального строительства в качестве самостоятельных недвижимых вещей // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 9. С. 25—32.

Отсутствие у помещения собственного вещественного содержания приводит к тому, что в науке предлагается даже рассматривать помещение только в качестве фикции вещи. По мнению автора этой концепции, К. И. Скловского, «присвоение помещению качеств вещи посредством юридической фикции необходимо для того, чтобы придать помещению качества вещи недвижимой»¹¹.

Поскольку помещение является частью здания или сооружения, оно, как объект недвижимости, имеет производный (вторичный) характер. В отличие от зданий и сооружений, которые *создаются* в результате строительства (141.3 ГК РФ), помещения не создаются, а *образуются*. Образование помещений может происходить в результате: 1) *раздела* здания, сооружения либо другого помещения; 2) *объединения* двух или более смежных помещений в одно; 3) *реконструкции* здания (сооружения), приводящей к формированию помещений как новых объектов недвижимости. Отметим, что помещения могут образовываться только в полностью построенных зданиях (сооружениях).

На производный (вторичный) характер помещения обращается внимание и в судебной практике. Так, рассматривая спор, связанный с самовольной реконструкцией жилого помещения, суд отметил, что жилое помещение в многоквартирном доме является обособленной частью здания (многоквартирного дома), но не является самостоятельным объектом капитального строительства¹² (см. п. 10 ст. 1 Градостроительного кодекса).

Также на производность помещения как недвижимой вещи указывает и то, что его местоположение определяется на плане этажа или его части здания (сооружения) путем отображения границ геометрической фигуры, которую образуют внутренние стороны наружных стен данного помещения (Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», ч. 6 ст. 24¹³ (далее — Закон № 218-ФЗ)).

ГК РФ устанавливает, что количество помещений, образуемых в здании (сооружении), должно быть не менее двух. В этой связи некорректным является упоминание жилого дома в качестве жилого помещения в ч. 1 ст. 16 ЖК РФ.

Пункт 5 141.4 ГК РФ определяет судьбу помещений при перепланировке, под которой понимается такое изменение его конфигурации, которое требует внесения изменения в технический паспорт помещения (см. ч. 2 ст. 25 ЖК РФ). К перепланировке, в частности, относятся перенос и разборка перегородок, перенос и устройство дверных проемов и др.¹⁴ По общему правилу при перепланировке помещение сохраняется как объект недвижимости, даже если его границы меняются. Тем не менее ГК РФ допускает возможность образования при перепланировке иных помещений путем раздела помещений или объединения смежных.

¹¹ Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010.

¹² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2022 по делу № 88-25406/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

¹⁴ См.: постановление Госстроя РФ от 27.09.2003 № 170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» // Российская газета. 23.10.2003 № 214 (доп. вып.).

И жилые, и нежилые помещения являются самостоятельными объектами недвижимости в силу того, что имеют собственное назначение и используются в соответствии с ним. Также ГК РФ выделяет категорию *вспомогательных помещений*. Их назначение — создавать условия для использования жилых и нежилых помещений. К их числу относятся, например, технические этажи, чердаки, технические подвалы и др. Такие помещения не являются самостоятельными недвижимыми вещами и представляют собой общее имущество собственников помещений и машино-мест (ст. 287.5 ГК РФ).

Жилое помещение должно отвечать следующим требованиям: быть изолированным и пригодным для постоянного проживания. Также подчеркивается, что помещение является недвижимостью (ст. 15 ЖК РФ), что в современных условиях является избыточным, поскольку в ст. 141.4 ГК РФ оно и так определяется как недвижимость.

Изолированность помещения определяется тремя признаками — его отграничением строительными конструкциями от остального объема здания (сооружения), наличием у него отдельного входа, а также тем, что через него не осуществляется доступ в иное помещение¹⁵. Также под изолированностью помещения понимают возможность исключить доступ в него собственников других помещений¹⁶.

Для нежилого помещения изолированность необязательна, достаточно лишь, чтобы оно было обособлено от других помещений (п. 34 ст. 26 Закона № 218-ФЗ).

Пригодность жилого помещения для постоянного проживания означает, что оно соответствует санитарным¹⁷ и техническим правилам и нормам, а также другим установленным законодательством требованиям¹⁸.

Виды жилых помещений определяются в ст. 16 ЖК РФ. И первым среди них назван *жилой дом*. Курьезность данной ситуации состоит в том, что дом никак не может рассматриваться в качестве помещения, поскольку является, согласно той же статье, «индивидуально-определенным зданием», в состав которого входят комнаты, предназначенные для проживания граждан, а также вспомогательные помещения, назначение которых состоит в обеспечении удовлетворения

¹⁵ Письмо Минэкономразвития России от 24.02.2014 № Д23и-501 // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁶ Письмо Минэкономразвития России от 24.12.2013 № ОГ-Д23-6667 «О рассмотрении обращения» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Ст. 23 // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 702 ; постановление Правительства РФ от 09.07.2016 № 649 «О мерах по приспособлению жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме с учетом потребностей инвалидов» (вместе с Правилами обеспечения условий доступности для инвалидов жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме) // СЗ РФ. 2016. № 30. Ст. 4914.

гражданами различных нужд, связанных с проживанием в доме. Указанное противоречие связано с не совсем удачной формулировкой ч. 1 ст. 15 ЖК РФ, которая рассматривает в качестве объектов жилищных прав исключительно жилые помещения. Его можно было бы устранить, указав в данной норме, что объектами жилищных прав являются жилые помещения и жилые дома.

Часть жилого дома названа в ст. 16 ЖК РФ как вид жилого помещения, но ее определение не приводится. Она *не является объектом недвижимости*, поскольку не указана в таком качестве в ст. 130 ГК РФ. Законодательство не предусматривает государственный кадастровый учет таких частей в качестве объектов недвижимости, поэтому невозможно зарегистрировать в ЕГРН и вещное право на нее как на отдельный объект недвижимости. Также необходимо учитывать, что не допускаются государственный кадастровый учет и государственная регистрация прав в отношении как жилых, так и нежилых помещений в жилом или садовом доме (ч. 7 ст. 41 Закона № 218-ФЗ)¹⁹.

Отметим, что в судебной практике Верховного Суда РФ можно встретить иной подход. Так, было признано, что если часть жилого дома является обособленной и изолированной, то возможна ее постановка на кадастровый учет как объекта недвижимости²⁰.

Но похоже, что более новая судебная практика иначе смотрит на этот вопрос. Так, Верховный Суд РФ указал, что в случае прекращения права общей долевой собственности на жилой дом в связи с его разделом и выделом доли в порядке ст. 252 ГК РФ в судебном порядке не прекращается его существование как объекта недвижимости и не происходит создание дома блокированной застройки либо многоквартирного дома²¹. Также отмечалось, что не является достаточным основанием для совершения учетно-регистрационных действий вступившее в законную силу решение суда о признании права собственности на часть жилого помещения²².

Квартиры как структурно обособленные помещения образуются только в многоквартирном доме. В состав квартиры входят одна или несколько *комнат*, а также *помещения вспомогательного использования* (кухня, ванная, туалет, коридор и др.). Из квартиры должен обеспечиваться прямой доступ к помещениям общего пользования в многоквартирном доме. В свою очередь, *комната* как место непосредственного проживания граждан может являться как частью жилого дома, так и частью квартиры в многоквартирном доме (ст. 16 ЖК РФ).

На сегодняшний день на рынке недвижимости широко представлены так называемые *апартаменты*. Сам термин «апартамент» пришел из сферы гостиничного бизнеса, где он обозначает одну из разновидностей гостиничного номера

¹⁹ Письмо Росреестра от 23.06.2021 № 13/1-00256/21 «О рассмотрении обращения» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Обзор судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

²¹ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20.02.2019 № 14-КГ18-54 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 03.06.2020 № 14-КА19-11 // СПС «КонсультантПлюс».

высшей категории, общая площадь которого должна составлять не менее 40 кв. м и который должен включать две и более комнаты — гостиную (столовую) и спальню²³. Юридически апартаменты являются нежилыми помещениями, хотя они и приспособлены для проживания. В этой связи следует отличать их от квартир.

Популярность апартаментов связана с их меньшей стоимостью по сравнению со сходными по характеристикам квартирами — в среднем квадратный метр апартаментов стоит дешевле на 15—20 %. При этом в строительстве апартаментов заинтересованы и застройщики. Как отмечается в литературе, проще получить разрешение на строительство апартаментов, оно обходится дешевле строительства многоквартирных домов, нет обязанности обеспечить территорию застройки объектами социальной инфраструктуры, само строительство может осуществляться в зонах, не предназначенных для жилищного строительства²⁴.

Будучи нежилыми помещениями, апартаменты *могут быть лишь местом временного пребывания граждан*. Поэтому в апартаментах *нельзя зарегистрироваться по месту жительства*. Однако, если апартаменты будут иметь статус гостиницы, то в них возможна регистрация по месту пребывания²⁵.

Следует также учитывать, что налогообложение апартаментов осуществляется в порядке, установленном для нежилых помещений²⁶. Поэтому налог, который придется платить собственнику апартаментов, может быть заметно больше налога, уплачиваемого за сопоставимую по характеристикам квартиру (ст. 400, пп. 2, 6 п. 1 ст. 401, п. 2 ст. 406 НК РФ).

Кроме того, возможна ситуация, когда в здании рядом с апартаментами, причем даже на одном с ними этаже, окажутся расположены офисы, магазины и иные объекты, в том числе работающие круглосуточно, что может создавать дискомфорт для лиц, проживающих в апартаментах.

Интересно, что, несмотря на нежилой статус апартаментов, Верховный Суд РФ указал на применимость положений законодательства о защите прав потребителей к отношениям, возникшим из договора строительного подряда на осуществление ремонта в апартаментах между физическим лицом (заказчиком) и индивидуальным предпринимателем (подрядчиком). Суд учел то обстоятельство, что апартаменты были приобретены гражданином с целью постоянного проживания в них. Доказательств, которые указывали бы на намерение физического лица использовать данное помещение для осуществления предпринимательской деятельности, не имелось²⁷.

²³ Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1860 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7721.

²⁴ Демидова И. Апартаменты // Жилищное право. 2021. № 3. С. 59—65.

²⁵ Правила регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утв. постановлением Правительства РФ от 17.07.1995 № 713. П. 3 разд. I, п. 14 разд. II // СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2939.

²⁶ Письмо Минфина России от 07.12.2020 № 03-05-04-01/106713 «О налоге на имущество физических лиц в отношении апартаментов» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2021 № 78-КГ20-66-К3 // СПС «КонсультантПлюс».

В целом представляется, что данный вид нежилых помещений нуждается в специальном правовом регулировании, учитывающем то обстоятельство, что апартаменты зачастую приобретаются гражданами не для коммерческого использования, а для личного проживания. При этом приравнивать их к жилым помещениям будет неверно.

В завершение отметим, что современный правовой режим помещений в целом отвечает потребностям гражданского оборота. Однако, несмотря на существенное обновление правового регулирования в данной сфере, не все проблемы оказались решенными, и законодательство по-прежнему нуждается в совершенствовании.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев В. А.* Новое в законодательстве о недвижимых вещах: критический комментарий // Закон. — 2022. — № 4. — С. 101—112.
2. *Демидова И.* Апартаменты // Жилищное право. — 2021. — № 3. — С. 59—65.
3. *Долинская В. В.* Новеллы законодательства о недвижимом имуществе // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 10. — С. 3—10.
4. *Колбасюк Е. А.* Предпосылки признания частей объекта капитального строительства в качестве самостоятельных недвижимых вещей // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2016. — № 9. — С. 25—32.
5. Материалы работы Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства // URL: <https://privlaw.ru/codification/material-works/amendments-to-the-civil-code-of-rf/>.
6. *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве. — 5-е изд., перераб. — М. : Статут, 2010.

**Сергей Владимирович
ФЕДОСЕЕВ,**

преподаватель кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
svfedoseev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Соблюдение независимости при осуществлении функций советом директоров акционерных обществ

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме обеспечения независимости совета директоров акционерных обществ. Автор указывает на наличие нескольких подходов к признанию за лицом статуса независимого директора. В статье рассматривается идеальная модель взаимоотношений внутри совета директоров, при которой достигается выработка объективных решений в интересах юридического лица. Автор акцентирует внимание на роли включения в состав совета директоров независимых директоров, в том числе в части осуществления контроля за деятельностью исполнительных органов юридического лица, разрешения конфликтов интересов в процессе принятия управленческих решений. В статье анализируется проблема соблюдения баланса интересов различных субъектов в процессе принятия решения и выработанные в судебной практике подходы, указывающие на несоблюдение такого баланса. Автор рассматривает вопросы, связанные с исполнением директорами обязанности принимать независимые суждения, определяет критерии оценки независимости суждений.

Ключевые слова: совет директоров, независимый директор, баланс интересов, конфликт интересов, лояльность.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.178-187

Sergey V. FEDOSEEV,

Lecturer of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

svfedoseev@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Ensuring independence in the exercise of functions by the board of directors of joint-stock companies

Abstract. This article is devoted to the problem of ensuring the independence of the board of directors of joint-stock companies. The author points out that there are several approaches to recognizing the status of an independent director for a person. The article discusses the ideal model of relationships within the board of directors, in which the objective decisions in the interests of a legal entity is developed. The author focuses on the role of independent directors in the board of directors, including in terms of control the activities of the executive bodies of a legal entity, resolving conflicts of interest in the decision-making process. The article analyzes the problem of maintaining

a balance of interests of various subjects in the decision-making process and the approaches developed in judicial practice that indicate that such a balance is not observed. The author considers issues related to the performance by directors of the duty to make independent judgments, determines the criteria for assessing the independence of judgments.

Keywords: board of directors, independent director, balance of interests, conflict of interest, loyalty.

Эффективность системы управления акционерным обществом требует вынесения объективных решений всеми органами, в связи с чем совет директоров как орган управления и контроля должен обладать независимостью для профессионального и объективного выполнения своих функций. Решения совета директоров должны быть своевременными, прозрачными и мотивированными, поскольку за их принятие члены совета директоров несут ответственность перед акционерным обществом и всеми акционерами.

Обеспечение независимости предполагает наличие в составе совета директоров достаточного количества независимых директоров, вынесение объективных и независимых суждений.

Независимость директора

В американском праве используется объективный критерий определения независимости директоров: имеются ли обстоятельства, влияющие на способность директора выносить независимые суждения. Соответственно, независимыми директорами признаются лица, не являющиеся управляющими, или работниками компании, или ее зависимых компаний, или любого другого лица, связанного с данной компанией, которые будут мешать реализации независимого суждения при осуществлении полномочий директора¹. Данные положения также распространяются на близких членов семьи директора.

Директор, который является управляющим или работником или близкий член семьи которого является управляющим компании, не является независимым как минимум три года после окончания таких трудовых отношений. Кроме того, зависимость директора может определяться с позиции наличия материальных отношений с компанией, выраженных в виде получения вознаграждения, погашения займа и т.д.²

В то же время российское законодательство использует субъективный (персонифицированный) критерий определения независимости члена совета

¹ Listed company manual of the New York Stock Exchange 303A // URL: <http://nysemanual.nyse.com/lcmttools/platformviewer.asp?selectednode=chp%5f1%5f4%5f3&manual=%2flcm%2fsections%2flcm%2dsections%2f>; National Association of Securities Dealers Automated Quotation Rule 4200 (a) 15 // URL: <http://www.nasdaqtrader.com>.

² Listed company manual of the New York Stock Exchange 303A; National Association of Securities Dealers Automated Quotation Rule 4200 (a) 15 (A).

директоров, в основе которого лежит факт положения лица по отношению к обществу³. Следует заметить, что в отличие от законодательной дефиниции в Кодексе корпоративного управления, рекомендованном письмом Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463⁴, применен объективный критерий определения независимости директоров. Независимыми директорами рекомендуется признавать:

- лиц, обладающих профессионализмом, опытом и самостоятельностью для формирования собственной позиции, способных выносить объективные и добросовестные суждения, независимые от влияния исполнительных органов общества, отдельных групп акционеров или иных заинтересованных сторон (п. 2.4.1 ч. А, п. 2.4.1 ч. Б Кодекса корпоративного управления);
- лиц, не связанных с АО; существенным акционером АО, существенным контрагентом; с конкурентом АО; с государством (Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации) или муниципальным образованием (п. 102 ч. Б Кодекса корпоративного управления).

Роль независимых директоров

Независимые члены совета директоров могут внести значительный вклад в принятие решений советом директоров. Они могут дать объективную оценку деятельности совета директоров и других органов управления обществом.

Независимые директора играют важную роль в областях, где интересы лиц, занимающих должности в органах управления обществом, и ее акционеров могут расходиться (например, при определении размера вознаграждения лиц, занимающих должности в органах управления обществом, изменении корпоративного контроля, защите от поглощения, совершении крупных сделок и функции аудита). В крупных компаниях считается эффективной практика, когда вопросами вознаграждения и условий контрактов с членами совета директоров и ключевыми руководителями занимается специальный комитет совета директоров, состоящий либо полностью либо большей частью из независимых директоров.

В целом роль независимого директора раскрывается в трех аспектах: 1) контроль за деятельностью исполнительных органов общества; 2) обеспечение в совете директоров баланса интересов; 3) разрешение конфликта интересов в интересах компании.

Контроль за деятельностью исполнительных органов

Совет директоров должен обеспечивать наличие эффективных средств контроля за рисками, что потребует не только обеспечения целостности основных систем отчетности и мониторинга финансового состояния, но и контроля за тем, действовал ли исполнительный орган в пределах своих полномочий, в интересах общества.

³ Данный критерий применен в п. 3 ст. 83 Федерального закона «Об акционерных обществах».

⁴ Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40.

В частности, в Германии, исходя из системы отчетов, предоставляемых наблюдательному совету правлением, установленной п. 1 § 90 Закона об акционерных обществах Германии, в рамках закрепленного за наблюдательным советом полномочия по контролю выделяется ряд направлений: контроль за реализацией предполагаемой торговой политики, финансовым, инвестиционным планированием, планированием численности персонала, контроль текущего состояния дел, контроль за рентабельностью общества, контроль за совершением сделок и иных юридически значимых действий⁵. Реализация функции контроля в данном случае возможна только путем рассмотрения предоставленных исполнительными органами отчетов о своей деятельности, а также финансовых и иных документов общества⁶.

В рамках реализации функции контроля совет директоров первично должен осуществить сбор необходимой информации, фактов. На основе полученных данных члены совета директоров обобщают, сопоставляют и обсуждают полученные сведения и формируют оценку того, соответствует ли решение исполнительного органа законодательству, корпоративной политике и уставу общества, были ли учтены интересы общества.

В рамках проверки законности принятого решения совет директоров должен проверить, чтобы решения исполнительного органа были полностью согласованы формально и материально с нормами действующего законодательства, положениями устава, а в отдельных случаях и актов государственных органов и должностных лиц, носящих индивидуальный характер (например, предписаний и требований налогового органа). При этом совет директоров при оценке законности принятого решения не должен всякий раз вмешиваться и отменять его в случае незначительности такого нарушения. Отмена решения возможна при серьезном характере такого нарушения либо в случае высокого риска причинения обществу убытков, подрыва деловой репутации в связи с таким нарушением.

Проверка решений с точки зрения экономической целесообразности предполагает определение соотношения полученной выгоды и произведенных затрат⁷.

⁵ Закон об акционерных обществах Германии. Параллельный русский и немецкий тексты = Aktiengesetz. Paralleler russischer und deutscher Text. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 84.

⁶ Примечательно, что наряду с обязанностью правления регулярно отчитываться перед наблюдательным советом о предполагаемой торговой политике, рентабельности общества, состоянии дел и совершаемых сделках, в соответствии с п. 3 § 90 Закона об акционерных обществах Германии наблюдательный совет может в любое время потребовать от правления отчет о состоянии дел общества, о его правовых и деловых отношениях со связанными предприятиями, а также о фактах деятельности этих предприятий.

⁷ С точки зрения теории менеджмента экономичными признаются такие решения, при которых ресурсы необходимого состава, количества и качества приобретаются и используются с минимально возможными издержками. Экономичность означает отсутствие расточительности, т.е. вовлечения избыточных ресурсов, создания излишних запасов, оплаты компонентов затрат по ценам, превышающим минимальные. См. об этом, например: *Литвак Б. Г.* Управленческие решения : учебник. М., 1998. С. 86—89 ; *Брэндрик У.* Менеджмент в организации. М. : Инфра-М, 1997. С. 140—146 ; *Герчикова И. Н.* Процесс принятия и реализации управленческих решений // Менеджмент в России и за

Данный критерий дает информацию о том, выполнена ли работа при минимально возможных затратах, и позволяет оценить степень продуктивности — был ли достигнут наиболее высокий возможный результат при затраченных ресурсах.

При оценке решений с точки зрения их целесообразности для сопоставления применяются два критерия: желаемый конечный результат и возможность наступления неблагоприятных последствий. В конечном счете данные критерии охватываются категорией риска. Говоря об оценке риска при принятии управленческого решения, следует отметить, что в случае, если желаемого результата с минимальным риском наступления негативных последствий для общества можно достигнуть только путем принятия строго определенного решения, принятие иного решения следует признать нецелесообразным. За основу при этом должен быть принят оправданный предпринимательский риск любого добросовестного предпринимателя. Иначе говоря, при принятии исполнительным органом решения лицо или лица, которые его составляют, должны исходить из того, приняли ли бы они такое же решение, если бы действовали не в коммерческих интересах общества, а от своего имени в собственных интересах.

Обеспечение баланса интересов

С одной стороны, члены совета директоров должны действовать таким образом, чтобы обеспечить успех общества в целом, учитывая организационную структуру общества⁸. Интерес общества не носит объективного характера и подлежит оценке через субъективное восприятие конкретным лицом. Такая оценка предполагает выявление возможных неблагоприятных последствий для общества, определение вероятности их наступления, а также способности по нейтрализации наступивших последствий и соотнесение всех затрат по сравнению с полученными преимуществами⁹.

С другой стороны, члены совета директоров должны учитывать влияние и последствия принятых решений на различные группы лиц (акционеров, сотрудников, кредиторов, клиентов, поставщиков) и справедливо относиться к интересам этих групп. В рамках принятия любого решения член совета директоров должен оценить вероятные долгосрочные последствия принимаемого решения, интересы работников и акционеров, необходимость укрепления деловых связей с контрагентами, сохранение репутации для высоких стандартов ведения бизнеса, а также действовать честно и открыто по отношению к другим членам¹⁰. В противном случае это может отразиться на производственной и финансовой стабильности, благонадежности компании, ее инвестиционной привлекательности и репутации.

При этом обеспечение баланса интересов отдельных групп при принятии решений не означает, что следует пренебрегать традиционными показателями, такими как прибыльность, финансовые последствия для акционеров и т.д.,

рубежом. 2003. № 12. С. 39—42 ; *Евланов А. Г.* Теория и практика принятия решений. М. : Экономика, 2004. С. 146—149.

⁸ Подробнее об этом см., например: *Ian M.* Corporate Governance and the Duties of Company Directors. Australia, 1997. P. 89—91.

⁹ Подробнее об этом см.: *Dine Janet.* Company law. London, 2008. P. 194.

¹⁰ Подробнее об этом см., например: *Ian M.* Op. cit.

поскольку они являются приоритетными и имеют решающее значение для содействия успеху общества и его акционеров в целом. В случае конфликта между интересами разных групп директора по своему усмотрению должны предпринимать такие действия, которые способствуют успеху компании в целом, даже если эти действия могут оказать негативное влияние на интересы отдельных групп. В противном случае это может повлечь негативные последствия не только для компании, но и для самих членов совета директоров.

Показательным в этом случае является практика привлечения членов совета директоров к ответственности в случаях, когда их решения принимались без учета интересов кредиторов, в результате чего компания была признана банкротом.

Верховный Суд РФ¹¹ указывает на необходимость установления нескольких обстоятельств для привлечения лица к субсидиарной ответственности при банкротстве должника. Во-первых, данное лицо должно быть признано контролирующим, т.е. фактически может давать обязательные для должника указания или определять его действия, что предполагает, в частности, возможность определения существенных условий сделки, изменившей экономическую и юридическую судьбу должника.

Во-вторых, действия (бездействие) данного лица послужили причиной невозможности погашения требований кредиторов, т.е. привели к критическому изменению возникшего ранее неблагоприятного финансового положения. К числу таких действий могут быть отнесены принятие ключевых решений с нарушением принципов добросовестности и разумности, в том числе согласование, заключение или одобрение сделок на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом, дача указаний по поводу совершения явно убыточных операций.

Данные критерии получили свое дальнейшее развитие в определениях Верховного Суда РФ¹². В частности, Верховный Суд РФ указывает, что для привлечения к субсидиарной ответственности бывших членов совета директоров необходимо принимать во внимание следующее:

- 1) наличие у лица возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника¹³;
- 2) реализация лицом соответствующих полномочий привела (ведет) к негативным для должника и его кредиторов последствиям; масштаб негативных последствий соотносится с масштабами деятельности должника, т.е. способен кардинально изменить структуру его имущества в качественно иное — банкротное — состояние.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.06.2020 № 307-ЭС19-18723(2, 3) по делу № А56-26451/2016 ; от 07.10.2021 № 305-ЭС18-13210(2) по делу № А40-252160/2015 ; от 10.11.2021 № 305-ЭС19-14439 (3-8) по делу № А40-208852/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ На соблюдение данного критерия может указывать, в частности, наличие у лица статуса члена совета директоров.

Квалифицирующими признаками сделок, при наличии которых к контролирующему лицу может быть применена презумпция доведения до банкротства, являются значимость этих сделок для должника (применительно к масштабам его деятельности) и одновременно их существенная убыточность в контексте отношений «должник (его конкурсная масса) — кредиторы», т.е. направленность сделок на причинение существенного вреда кредиторам путем безосновательного, не имеющего разумного экономического обоснования уменьшения (обременения) конкурсной массы¹⁴. Лицо вправе сослаться на правило о защите делового решения, на то, что оно действовало разумно и добросовестно (п. 3 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ¹⁵), тогда как на истце лежит бремя опровержения названной презумпции;

3) лицо является инициатором такого поведения и (или) потенциальным выгодоприобретателем возникших в связи с этим негативных последствий.

Одобрение одним из членов совета директоров (либо иного коллегиального органа) существенно убыточной сделки само по себе не является достаточным для констатации его вины в невозможности погашения требований кредиторов и привлечения его к субсидиарной ответственности. Необходимо определить степень вовлеченности каждого лица в процесс вывода спорного актива должника и его осведомленности о причинении данными действиями значительного вреда его кредиторам¹⁶.

Тождественность статуса лиц не означает потенциальную тождественность выводов в отношении их вины. Общие абстрактные выводы о недобросовестности (неразумности), основанные исключительно на принадлежности лица к числу контролирующих лиц (либо к одной группе контролирующих лиц), недопустимы. Само по себе наличие статуса контролирующего лица не является основанием для привлечения его к субсидиарной ответственности¹⁷.

Разрешение конфликта интересов

Обязанность избегать ситуации конфликта интересов объясняют через принцип неделимой лояльности к самому обществу в рамках правоотношений между членами совета директоров и данным обществом. Члены совета директоров не должны использовать для собственной выгоды имущество компании, а также использовать в собственных интересах либо раскрывать третьему лицу информацию, ставшую им известной в связи с нахождением в составе совета директоров.

¹⁴ Подробнее см.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.10.2021 № 305-ЭС18-13210(2) по делу № А40-252160/2015.

¹⁵ На разумность и добросовестность может указывать, в частности, совершение (одобрение) сделки на основании положительного заключения (рекомендации) профильного подразделения банка (в том числе кредитного департамента).

¹⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.06.2020 № 307-ЭС19-18723 (2, 3) по делу № А56-26451/2016 // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.11.2021 № 305-ЭС19-14439 (3-8) по делу № А40-208852/2015 // СПС «Консультант-Плюс».

Член совета директоров должен раскрыть информацию об имеющейся заинтересованности в совершаемой сделке либо о договоренности, а также не получать от третьих лиц доход, который заставляет усомниться в объективности и независимости его действий.

Особая роль в разрешении конфликта интересов и принятии решения в условиях конфликта интересов принадлежит независимым директорам, поскольку статус последних предполагает отсутствие у конфликта с интересами компании, что обеспечивает выражение непредвзятого мнения с учетом интересов только самого общества.

Советы директоров должны иметь достаточное число независимых членов, обеспечивающих выработку непредвзятых суждений, для разрешения советом директоров вопросов, в отношении которых возможен конфликт интересов. Примерами таковых являются обеспечение достоверности финансовой и нефинансовой отчетности, проверка операций со связанными сторонами, назначение исполнительных органов, а также вознаграждение совета директоров. Наиболее эффективной, по нашему мнению, является модель работы, при которой для рассмотрения вопросов, связанных с потенциальным конфликтом интересов, в совете директоров создаются специальные комитеты, состоящие исключительно из независимых директоров.

Независимость суждений

Независимость суждений членов совета директоров является основой для принятия объективных и сбалансированных решений членами совета директоров с учетом понимания возможных рисков и выработки способов по их предотвращению. Утверждение члена совета директоров о получении инструкции от других лиц или действии в интересах третьих лиц без учета интересов общества не будет снимать с такого члена совета директоров ответственность за его действия. Аналогичным образом члены совета директоров не должны зависеть от мнения большинства.

Окончательное суждение членов совета директоров должно быть их собственным, и они будут нести личную ответственность за последствия своих действий. Если члены совета директоров считают, что конкретные действия не отвечают интересам общества, они могут отказаться действовать в соответствии с предложенным курсом, даже если этого хочет большинство акционеров. Независимость суждения требует от члена совета директоров определять границу между интересами организации и интересами отдельного лица или группы лиц.

Вместе с тем обязанность члена совета директоров действовать независимо не означает, что он должен принимать решения без учета мнения других лиц. Для выполнения своих обязанностей члены совета директоров должны обеспечивать получение точной, актуальной и своевременной информации. Зарубежный правопорядок рассматривает возможность члена совета директоров получить необходимую документацию — это неотъемлемая часть права на информацию, которое является абсолютным. Предоставление необходимых документов члену совета директоров не может ставиться в зависимость от его мотивов, поскольку

предполагается, что данная информация обеспечивает принятие соответствующим лицом обоснованного объективного решения¹⁸.

Среди зарубежных правопорядков следует отметить, что наиболее полно право на получение информации раскрыто в Законе об акционерных обществах Германии. В соответствии с положениями данного Закона наблюдательный совет вправе проверять торговые книги и документы общества¹⁹, а также заслушивать отчеты правления о предполагаемой торговой политике и вопросах развития предприятия, финансовом, инвестиционном планировании, планировании численности персонала, о рентабельности общества, о состоянии дел, о торговом обороте и положении общества, о сделках, которые могут иметь существенное значение для рентабельности и ликвидности общества²⁰, требовать сообщения о созыве общего собрания акционеров и повестке дня²¹, требовать копии протокола заседания наблюдательного совета²².

Независимость суждения со стороны члена совета директоров предполагает изучение и проверку представленных подготовительных материалов с акцентом на деталях, существенных для решения вопроса. Только на основе анализа полученной информации член совета директоров может выработать оптимальное решение, выявить и нивелировать риски и возможные негативные последствия от его принятия. Отказ от получения необходимой для принятия решения информации может расцениваться как неразумность²³.

Таким образом, можно говорить о том, что для выполнения своих обязанностей по контролю за управленческой деятельностью и предотвращению конфликтов интересов и для обеспечения баланса интересов в корпорации крайне важно, чтобы совет директоров был в состоянии выносить объективные и независимые суждения. В первую очередь это имеет важные последствия для состава и структуры совета. Независимость совета директоров в таких обстоятельствах обычно требует, чтобы достаточное количество членов совета директоров были независимыми от исполнительных органов и акционеров, не работали в компании или ее аффилированных лицах и не были тесно связаны с компанией или ее руководством существенными экономическими, семейными или иными связями.

¹⁸ См., например: *Brenner v. Hart Systems, Inc.*, 114 A.D.2d 363, N.Y.S.2d 881 (1985); *Hyman v. Jewish Chronic Disease Hospital*, 15 N.Y.2d, 317, 258 N.Y.S.2d 397, 206, N.E.2d 338 (1965).

¹⁹ Закон об акционерных обществах Германии. § 111.

²⁰ Закон об акционерных обществах Германии. § 90.

²¹ Закон об акционерных обществах Германии. § 125.

²² Закон об акционерных обществах Германии. § 107.

²³ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» Пп. 2 п. 3 // СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Брэддрик У.* Менеджмент в организации. — М. : Инфра-М, 1997.
2. *Литвак Б. Г.* Управленческие решения : учебник. — М. : Эксмо, 1998.
3. *Dine Janet.* Company law. — London, 2008.
4. *Ian M.* Corporate Governance and the Duties of Company Directors. — Australia, 1997.

Земельно-имущественные и экологические правоотношения

**Наталья Михайловна
ФРОЛОВА,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
nmfrolova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Фактическое изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд: правовая природа и способы защиты

***Аннотация.** В настоящей статье рассмотрен не предусмотренный законодательством, но признаваемый судебной практикой институт фактического изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд: его правовая природа и способы защиты, которые могут использовать субъекты права в случае фактического изъятия у них земельных участков.*

В статье содержится анализ отдельных судебных решений, позволивший выявить существующие пробелы в правовом регулировании отношений, связанных с фактическим изъятием земельных участков для государственных нужд. В частности, остаются не до конца урегулированными вопросы, касающиеся способов защиты собственника фактически изъятых земельных участков. Действующее законодательство не выработало действенных правовых механизмов защиты прав и законных интересов правообладателей, не сформулировало единого подхода к определению равноценности и справедливости возмещения, предоставляемого правообладателю при изъятии земельного участка для государственных нужд. Решение этих вопросов позволит обеспечить баланс публичных и частных интересов.

***Ключевые слова:** фактическое изъятие, земельный участок, имущество, способы защиты, государственные и муниципальные нужды, убытки, компенсация, правомочия владения, пользования, распоряжения.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.188-196

Natalya M. FROLOVA,

Associate Professor

of the Department of Civil Law

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

nmfrolova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Actual seizure of land for state and municipal needs: legal nature and methods of protection

Abstract. *This article considers the institution of the actual seizure of land plots for state and municipal needs, which is not provided for by legislation, but recognized by judicial practice: its legal nature and methods of protection that legal entities can use in the event of the actual seizure of land plots from them.*

The article contains an analysis of individual court decisions, which made it possible to identify existing gaps in the legal regulation of relations related to the actual seizure of land for state needs. In particular, the issues concerning the ways of protecting the owner of the actually seized land plot remain not fully settled. The current legislation has not developed effective legal mechanisms to protect the rights and legitimate interests of right holders, has not formulated a unified approach to determining the equivalence and fairness of compensation provided to the right holder when withdrawing land for state needs. The solution of these issues will ensure a balance of public and private interests.

Keywords: *actual seizure, land plot, property, methods of protection, state and municipal needs, losses, compensation, powers of possession, use, disposal.*

Общие правила изъятия имущества, в частности земельного участка, для государственных нужд сформулированы в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, в соответствии с которой никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Более детально правила изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд изложены в ст. 279—282 ГК РФ, ст. 49, гл. 7.1 Земельного кодекса РФ (ЗК РФ), иных законах.

Из пункта 1 ст. 56.3 ЗК РФ следует, что изъятие земельного участка может быть осуществлено только в определенных целях: строительства, реконструкции объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения при условии, что такие объекты предусмотрены утвержденными документами территориального планирования (за исключением объектов федерального, регионального или местного значения, которые в соответствии с

законодательством о градостроительной деятельности не подлежат отображению в документах территориального планирования) и утвержденными проектами планировки территории.

Согласно п. 2 ст. 56.3 ЗК РФ принятие решения об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд в целях, не предусмотренных п. 1 ст. 56.3 ЗК РФ, должно быть обосновано:

- 1) решением о создании или расширении особо охраняемой природной территории (в случае изъятия земельных участков для создания или расширения особо охраняемой природной территории);
- 2) международным договором Российской Федерации (в случае изъятия земельных участков для выполнения международного договора);
- 3) лицензией на пользование недрами (в случае изъятия земельных участков для проведения работ, связанных с использованием недрами, в том числе осуществляемых за счет средств недропользователя);
- 4) решением о признании многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции (в случае изъятия земельного участка в связи с признанием расположенного на таком земельном участке многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции).

В иных случаях, не предусмотренных ст. 56.3 ЗК РФ, изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд недопустимо.

Порядок изъятия земельных участков закреплен в ст. 56.10 ЗК РФ и предусматривает два способа изъятия: добровольный — путем подписания соглашения об изъятии и принудительный, заключающийся в том, что если по истечении 90 дней со дня получения правообладателем изымаемой недвижимости проекта соглашения об изъятии недвижимости он его не подписал, уполномоченный орган исполнительной власти или орган местного самоуправления, принявшие решение об изъятии, либо организация, на основании ходатайства которой принято решение об изъятии, вправе обратиться в суд с иском о принудительном изъятии земельного участка и (или) расположенных на нем объектов недвижимости (п. 10 ст. 56.10 ЗК РФ).

Изъятие земельного участка в нарушение данного порядка квалифицируется судами как фактическое изъятие.

Согласно пункту 4 Обзора судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных и муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 10.12.2015 (далее — Обзор судебной практики по изъятию земельных участков), фактическое изъятие земельного участка — это фактическое лишение правообладателя (частично или полностью) имущества при отсутствии решения об изъятии или несоблюдении процедуры изъятия.

Использованный в п. 4 Обзора оборот «фактическое лишение правообладателя имущества» указывает на то, что при фактическом изъятии мы имеем тот же правовой результат, что при изъятии, осуществляемом в рамках законодательства — выбытие земельного участка из обладания правообладателя. Различие заключается в том, что при фактическом изъятии выбытие имущества происходит без соблюдения процедур, предусмотренных законодательством. Кроме того, в отличие от изъятия, осуществляемого в рамках законодательства,

при фактическом изъятии правообладатель может лишиться имущества не полностью, а лишь частично.

Реализация правомочия по распоряжению земельным участком при его фактическом изъятии также становится невозможной, поскольку ни один покупатель не готов его приобретать без правомочий по владению и пользованию.

С точки зрения собственника земельного участка фактическое изъятие имеет место и тогда, когда правомочия по владению, пользованию и распоряжению земельным участком правообладателем юридически не утрачены, однако в результате действий/бездействия публично-правового образования настолько ограничены, что первоначальные цели приобретения такого земельного участка становятся фактически нереализуемы.

Например, распространение на земельный участок сельскохозяйственного назначения санитарно-защитной зоны кладбища не лишает собственника фактического владения этим участком, а лишь влечет за собой невозможность использовать земельный участок по целевому назначению в силу несоответствия качества почвы целям выращивания и употребления в пищу сельскохозяйственных культур. В деле № А40-49895/2020, которое передано Верховным Судом РФ в Арбитражный суд г. Москвы на новое рассмотрение, истец требовал взыскать убытки за фактически изъятый земельный участок в результате занятия его частью городского кладбища, исходя не только из размера земли, на котором появились захоронения, но и с учетом земли, составляющей санитарно-защитную зону кладбища.

Следует отличать лишение правообладателя правомочий владения и пользования имуществом (в том числе земельным участком) от существенного ограничения данных правомочий, которое суды, как правило, не квалифицируют как фактическое изъятие. Суды исходят из того, что существенно ограниченные в результате действий/бездействия органов власти правомочия владения и пользования могут быть возобновлены при прекращении негативного воздействия на имущество (в том числе земельный участок) или при проведении восстановительных процедур.

Например, на изъятom для государственных нужд земельном участке в интересах публично-правового образования были проведены работы по укреплению берега реки, в результате чего на соседнем (не изъятom) участке произошло повреждение фундамента дома до степени невозможности проживания в нем без риска для жизни и здоровья.

В данном случае правомочие владения земельным участком и домом сохраняется: третьи лица (в отличие от ситуаций фактического изъятия) доступа к нему не получают; правомочие пользования становится ограниченным, поскольку жить в доме опасно; полномочие по распоряжению в целом реализуемо, другое дело, что ценность недвижимости (земельного участка и дома) в связи с работами, проведенными на соседнем участке в интересах публично-правового образования, существенно упала.

Ессентукский городской суд Ставропольского края посчитал, что убытки правообладателю причинены в результате действий органа власти, который как заказчик работ не обеспечил надлежащий надзор за подрядчиком, выполнявшим работу по укреплению берега (решение от 24.05.2022 № 2-81/2022). В основу решения было положено экспертное заключение, в котором эксперт признал

возможность привести дом в пригодное состояние и определил стоимость такого ремонта. Правовых оснований для выплаты стоимости дома и земельного участка (как это было бы в случае фактического изъятия имущества) суд не усмотрел.

Таким образом, отсутствие возможности реализации правообладателем правомочий, предусмотренных ч. 1 ст. 209 ГК РФ, в результате неправомерных действий (бездействия) органов власти и невозможность их восстановления — главный отличительный признак фактического изъятия, позволяющий отграничить фактическое изъятие от причинения вреда.

Второй признак фактического изъятия — неправомерность действий (бездействия) со стороны публично-правового образования, что следует из п. 4 Обзора судебной практики по изъятию земельных участков, в котором сказано, что защита интересов правообладателя, земельный участок которого был фактически изъят, осуществляется на основании ст. 16, 1069 ГК РФ.

В юридической литературе отмечается, что «по правовой природе фактическое изъятие органами власти земельного участка без соблюдения соответствующей процедуры представляет собой нарушение прав на земельный участок в форме его самовольного занятия, для защиты от которого специальными нормами земельного законодательства предусмотрен отдельный перечень способов защиты (ст. 60—62 ЗК РФ)»¹:

- 1) признание недействительными не соответствующих законодательству актов исполнительных органов государственной власти или актов органов местного самоуправления (пп. 1 п. 2 ст. 60, ст. 61 ЗК, ст. 13 ГК РФ);
- 2) приостановление исполнения не соответствующих законодательству актов исполнительных органов государственной власти или актов органов местного самоуправления (пп. 2 п. 2 ст. 60 ЗК РФ) и др.

Следует, однако, обратить внимание, что не все из указанных в названных нормативных актах способах защиты суды оценивают как ненадлежащие, о чем будет сказано ниже.

Способы защиты при фактическом изъятии в нормативных актах не определены, поскольку, как говорилось ранее, сам институт фактического изъятия действующим законодательством не предусмотрен. В пункте 4 Обзора судебной практики по изъятию земельных участков указано, что правообладатель фактически изъятых и используемых для государственных и муниципальных нужд имущества вправе требовать возмещения убытков в размере рыночной стоимости такого имущества.

Основной и, как показывает судебная практика, единственный способ защиты при фактическом изъятии — возмещение убытков.

Ряд специалистов отмечают, что ограничение собственника при фактическом изъятии только правом на полное возмещение вреда «может порождать чувство безнаказанности для должностных лиц публичных органов»². И с дан-

¹ Григорьев М. И. Фактическое изъятие земельных участков для публичных нужд: способы защиты прав землевладельцев // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 1.

² Пельвицкая Е. П. К вопросу об отдельных правомочиях собственника при фактическом изъятии (фактическом занятии) земельного участка для государственных и муниципальных нужд // Бизнес, менеджмент и право. 2018. № 2.

ным мнением можно согласиться, если учитывать, что нередко фактическое изъятие земельного участка сопряжено с утратой расположенного на нем имущества (в результате проведения строительных работ, включающих демонтаж наземных/подземных сооружений), проводимых в рамках фактического изъятия земельного участка, стоимость которого при соблюдении процедуры изъятия была бы возмещена, и наоборот, не будет компенсирована, если правообладатель не докажет наличие демонтированного имущества на момент начала фактического изъятия земли.

Очевидно, что добиться справедливой компенсации при фактическом изъятии земельного участка, на котором имелись (но на дату судебного заседания по спору о фактическом изъятии отсутствуют) сооружения, правообладателю крайне сложно, а потому всегда есть вероятность получения правообладателем несоизмеримой (меньшей, чем размер фактически причиненного вреда) компенсации за фактически изъятое имущество.

В редких случаях правообладатели избирают такой способ защиты, как возложение на публично-правовое образование обязанности предоставить в собственность земельный участок, равноценный фактически изъятому.

Четвертый кассационный суд общей юрисдикции³ признал законным Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 31.08.2021 № 33-19883/2021, который принял решение обязать администрацию муниципального образования г. Краснодар предоставить двум сособственникам, у которых фактически был изъят земельный участок, право собственности на доли в равноценном земельном участке (без его идентификации).

Однако истцы просили предоставить право собственности не на абстрактный аналогичный земельный участок, а на земельные участки, выбранные ими и указанные в исковом заявлении. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции отказал в удовлетворении требований истцов в данной части, сославшись на ст. 10, 25 ЗК РФ.

В пункте 2 ст. 10 ЗК РФ предусматривается право органов местного самоуправления распоряжаться в пределах своей компетенции земельными участками, находящимися в собственности соответствующих публично-правовых образований. Одновременно в п. 1 ст. 25 ЗК РФ закреплено положение о том, что право на земельный участок возникает по основаниям, установленным гражданским законодательством, одним из которых является акт (действие) государственного органа или акт (действие) органа местного самоуправления, должностного лица. Данные акты являются формой реализации правомочий собственника по распоряжению принадлежащим ему имуществом и одновременно основанием для регистрации права собственности на земельный участок.

В рассматриваемом случае, как указал Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, не возникло спора о субъективном праве истцов на конкретные земельные участки с кадастровыми номерами, а потому при рассмотрении дела по требованиям о признании права собственности на конкретные участки суд

³ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2022 № 88-11479/2022.

фактически подменяет орган местного самоуправления, поскольку таким образом осуществляет его функции.

Из вышеуказанных судебных актов можно сделать несколько выводов.

Во-первых, суды признали законным такой способ защиты, как возложение на публично-правовое образование обязанности предоставить в собственность земельный участок, равноценный фактически изъятому.

Во-вторых, частичное (а не в объеме изначально заявленных требований) удовлетворение требований истцов существенно затруднило путь к восстановлению их имущественного положения, если учитывать высокий риск возникновения спора между правообладателями и публично-правовым образованием относительно того, какой земельный участок равноценен фактически изъятому.

В-третьих, признавая за правообладателем право на подачу иска об обязанности публично-правового образования предоставить равноценный земельный участок взамен фактически изъятого, суд не признал за правообладателем права требовать предоставить конкретный земельный участок (с кадастровым номером).

Что касается первого вывода, то он не поддерживается другими судами⁴. Так, в частности, Девятый арбитражный апелляционный суд пришел к выводу об избрании истцом ненадлежащего способа защиты нарушенного права, поскольку право на равноценное недвижимое имущество при изъятии может быть реализовано только добровольно и на стадии заключения соглашения.

В соответствии с п. 3 ст. 281 ГК РФ при наличии согласия лица, у которого изымается земельный участок, в соглашении об изъятии может быть предусмотрено предоставление этому лицу иного земельного участка и (или) иного недвижимого имущества на условиях и в порядке, которые определены законодательством, с зачетом стоимости такого земельного участка и (или) иного недвижимого имущества или прав на них в размер возмещения за изымаемый земельный участок. Аналогичная норма содержится в п. 3 ст. 56.9 ЗК РФ

В данных статьях (п. 3 ст. 281 ГК РФ, п. 3 ст. 56.9 ЗК РФ) говорится о праве, а не об обязанности сторон соглашения об изъятии предусмотреть предоставление равноценного иного недвижимого имущества.

Ненадлежащим способом защиты при фактическом изъятии земельного участка является иск правообладателя о сносе самовольной постройки — объекта, который был возведен на данном земельном участке, например, автомобильной дороги общего пользования. Интерес в предъявлении такого иска есть у правообладателя, который желает сохранить фактически изъятый земельный участок, а не получить денежную компенсацию за его утрату. С одной стороны, фактическое занятие публично-правовым образованием земельного участка (ему не принадлежащего) объектами дорожной инфраструктуры или иными объектами, для строительства которых изымаются земельные участки, содержит в себе большинство признаков самовольной постройки (ст. 222 ГК РФ), однако ключевым отличием, в итоге делающим такой способ защиты при фактическом изъятии как снос самовольной постройки ненадлежащим, является субъект — публично-правовое образование и его интерес.

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.02.2019 по делу № А40-9183/18.

В соответствии со ст. 304 ГК РФ, собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, даже если эти нарушения и не соединены с лишением владения.

Собственник, субъект иного вещного права на земельный участок, его законный владелец либо лицо, права и законные интересы которого нарушает сохранение самовольной постройки, вправе обратиться в суд по общим правилам подведомственности дел с иском о сносе самовольной постройки (п. 22 постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22).

Осуществление самовольной постройки является виновным действием, доказательством совершения которого служит установление хотя бы одного из условий, перечисленных в указанной норме, а именно: постройка создана на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом или иными правовыми актами; постройка создана без получения необходимых для этого разрешений; постройка создана с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

В соответствии с ч. 2 ст. 10 ГК РФ, не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. При нарушении данного требования суд может отказать лицу в защите права, в том числе при предъявлении иска в порядке ст. 304 ГК РФ.

Именно ссылка на ч. 2 ст. 10 ГК РФ была положена в основу решения об отказе в иске о сносе автомобильной дороги общего пользования, построенной на фактически изъятом земельном участке. Суд учел функциональное предназначение спорной части автомобильной дороги — обеспечение проезда автотранспортных средств в четыре района республики, обеспечение возможности для передвижения наземного транспорта граждан, муниципальных служб и правоохранительных органов, создание безопасных условий проживания в населенном пункте, соблюдения правил дорожного движения, соблюдения публичного правопорядка в целом. Доказательств, опровергающих данный вывод, истцом не было представлено.

Соотнеся частный интерес собственника в сохранении имущества и публичный интерес по сохранению безопасности передвижения в отдаленные районы, принимая во внимание возможность нанесения ущерба инфраструктуре района, суды пришли к выводу о несоразмерности заявленного истцом требования возможным последствиям приведения в исполнение решения суда в случае удовлетворения иска, что является самостоятельным и достаточным основанием для отказа в удовлетворении заявленного иска⁵.

Еще одним ненадлежащим способом защиты при фактическом изъятии земельного участка являются иски об обязанности изъять недвижимое имущество. По мнению судов⁶, такой иск не подлежит удовлетворению в силу того, что правообладатель такого земельного участка не может являться инициатором его изъятия.

⁵ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.08.2017 № Ф02-3399/2017 по делу № А69-3802/2015.

⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.10.2022 № А40-101920/2021.

Лица, по ходатайству которых может быть принято решение об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд, перечислены в ч. 1 ст. 56.4 ЗК РФ.

Таким образом, как показывает судебная практика, единственное, на что с уверенностью может рассчитывать собственник при фактическом изъятии, — это возмещение убытков в размере стоимости фактически изъятого имущества и иных убытков, например в размере уплаченного земельного налога за период с момента фактического изъятия земельного участка.

Арбитражный суд Московской области, рассмотрев дело № А40-168463/2018, указал, что до момента государственной регистрации перехода права собственности на фактически изъятый земельный участок от общества к городу Москва на Обществе как собственнике земельного участка лежала обязанность по оплате земельного налога. Договор Департамента городского имущества г. Москвы о том, что земельным законодательством не урегулирован возврат уплаченного земельного налога, суд признал необоснованным, поскольку заявленные обществом требования направлены на возмещение убытков в виде расходов на содержание принадлежащего ему земельного участка, фактически изъятого для нужд города Москвы и строительства на нем автодороги.

Подводя итоги, можно сказать, что судебная практика не выработала действенных правовых механизмов защиты права и законных интересов правообладателя при фактическом изъятии земельного участка. Основной из признаваемых судебной практикой способ защиты — возмещение убытков — имеет свои недостатки. При отсутствии предварительного уведомления органами власти об изъятии земельного участка, направленного на фиксацию имущества, имеющегося у правообладателя на дату принятия решения об изъятии, затрудняется определение действительного размера убытков на момент вынесения судебного решения. На момент признания судом фактического изъятия имущества его объем зачастую существенно уменьшен (снесены наземные конструкции, постройки, уничтожены подземные коммуникации, иные объекты).

Решение поднятых в настоящей статье вопросов позволит обеспечить баланс публичных и частных интересов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вербина О. Л.* Спорные вопросы реализации процедуры изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Юрист. — 2022. — № 6.
2. *Григорьев М. И.* Фактическое изъятие земельных участков для публичных нужд: способы защиты прав землевладельцев // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2015. — № 1.
3. *Пельвицкая Е. П.* К вопросу об отдельных правомочиях собственника при фактическом изъятии (фактическом занятии) земельного участка для государственных и муниципальных нужд // Бизнес, менеджмент и право. — 2018. — № 2.

Особенности имущественной ответственности за экологические правонарушения

Аннотация. Одним из основных факторов устойчивого развития является сохранение окружающей среды и природных ресурсов, что невозможно без четко и слажено функционирующей системы предотвращения экологических правонарушений и ликвидации их последствий. В этой системе особое место принадлежит институту ответственности. Работа посвящена анализу особенностей имущественной ответственности за экологические правонарушения, установлению ее соотношения с гражданско-правовой ответственностью.

В качестве особенностей рассматриваемой ответственности выделяются ее сверхкомпенсационный характер, а также возможность привлечения правонарушителя к двойной ответственности в виде выплаты денежной компенсации и возмещения вреда в натуре. Данные особенности объясняются характером благ, на которые посягает экологическое правонарушение, а также необходимостью преодоления издержек правоприменения, связанных с проблемами установления размера причиняемого окружающей среде вреда.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что имущественная ответственность за экологические правонарушения, которая обладает целым рядом специфических черт, тем не менее соответствует характеру и особенностям гражданско-правовой ответственности, что позволяет применять к ней принципы и механизмы, выработанные цивилистической наукой.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, имущественная ответственность, экологическое правонарушение, возмещение убытков, таксы, методика, штрафные санкции, окружающая среда.

**Виктория Дмитриевна
КРАВЕЦ,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
vdkravec@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.197-203

Viktoriya D. KRAVETS,

Associate Professor

of the Department of Civil Law

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law)

vdkravec@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Features of property liability for environmental offenses

Abstract. One of the main factors of sustainable development is the preservation of the environment and natural resources, which is impossible without a well-functioning system for preventing environmental offenses and eliminating their consequences. In this system, a special place belongs

© Кравец В. Д., 2023

to the institution of responsibility. The work is devoted to the analysis of the features of property liability for environmental offenses, the establishment of its relationship with civil liability. As features of the responsibility under consideration, its "overcompensation nature" is highlighted, as well as the possibility of bringing the offender to "double" responsibility in the form of payment of monetary compensation and compensation for harm in kind. These features are explained by the nature of the benefits encroached upon by an environmental offense, as well as the need to overcome the costs of law enforcement associated with the problems of determining the amount of harm caused to the environment

The analysis allows us to conclude that property liability for environmental offenses, which has a number of specific features, nevertheless corresponds to the nature and features of civil liability, which allows us to apply to it the principles and mechanisms developed by civil law.

Keywords: *civil liability, property liability, environmental offense, damages, fees, methods, penalties, environment.*

Статьей 75 Федерального закона «Об охране окружающей среды»¹ (далее — Закон об охране окружающей среды) устанавливаются следующие виды ответственности, которые могут наступать за нарушения законодательства об охране окружающей среды: имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность. Заметим, что в данном акте имущественная ответственность не названа гражданско-правовой ответственностью, хотя, безусловно, последняя носит имущественный характер.

Не проясняет ситуации и специальное законодательство, устанавливающее ответственность за причинение вреда отдельным компонентам окружающей среды. Так, например, ст. 31 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха»² предусматривает возможность привлечения лиц, виновных в нарушении законодательства в области охраны атмосферного воздуха, к уголовной, административной и иной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. В данной статье ни гражданско-правовая, ни имущественная ответственность вообще не упоминается, хотя ст. 32 того же Закона предусматривает возмещение вреда, причиненного окружающей среде загрязнением атмосферного воздуха, а также устанавливает порядок его расчета.

Земельный кодекс и Лесной кодекс аналогично рассматриваемому Закону также не определяют, в рамках какого вида юридической ответственности возмещается вред, причиненный экологическим правонарушением.

Рассматриваемые положения законодательства во многом предопределили развитие дискуссии о природе ответственности, в рамках которой происходит возмещение вреда, причиненного окружающей среде. Предпринимаются достаточно

¹ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

² Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2222.

успешные попытки обосновать самостоятельный характер такой ответственности как ответственности эколого-правовой. При этом первоочередной задачей сторонников этой точки зрения становится ограничение данной ответственности от гражданско-правовой ответственности. Это достаточно сложно, поскольку и та и другая ответственность носит исключительно имущественный характер и в конечном счете имеет целью восстановление положения, существовавшего до нарушения права.

М. М. Бринчук, проводя соответствующее различие, указывает, что гражданско-правовая ответственность устанавливается в целях защиты частноправовых интересов, ее основанием является нарушение субъективного права частного лица (участника гражданского оборота). Возмещение вреда, причиненного окружающей среде, направлено на защиту публично-правовых интересов, которыми являются экологические интересы, интересы поддержания благополучия окружающей среды, экологического благополучия³. Такая позиция согласуется с классическими подходами к пониманию гражданско-правовой ответственности, сформировавшимися в цивилистической науке.

Вместе с тем представляется, что инструментарий гражданского права намного шире и может быть использован не только с целью защиты частных интересов. Ярким примером могут служить положения ст. 168 ГК РФ, в соответствии с которыми сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. Таким образом, институт недействительных сделок защищает не только частные интересы участников гражданского оборота, но и публичные интересы.

Кроме того, публично-правовые образования, в соответствии с главой 5 ГК РФ, являются самостоятельными участниками гражданского оборота, а следовательно, могут использовать механизм гражданско-правовой ответственности с целью защиты своих имущественных интересов, которые вряд ли можно назвать исключительно частноправовыми. Имущество, принадлежащее публично-правовым образованиям, используется ими с целью реализации публичных функций и удовлетворения публичных интересов.

Достаточно трудно спорить с тем, что именно гражданским законодательством выработаны принципы и механизм имущественной ответственности. Представляется, что при возмещении вреда, причиненного окружающей среде, применяются именно эти принципы и механизмы, без каких-либо особенностей, которые могут служить основанием для выделения нового вида юридической ответственности.

Гражданское законодательство основывается на принципе полного возмещения вреда, закрепленном в ст. 1064 ГК РФ, в соответствии с которым вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Аналогичный принцип закреплен в п. 1 ст. 77 Закона об охране окружающей среды. Юридические и физические лица, причинившие вред

³ Бринчук М. М. Эколого-правовая ответственность — самостоятельный вид ответственности // Lex russica. 2016. № 6. С. 26—45.

окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с законодательством.

Вред, причиненный окружающей среде, может быть возмещен в денежной форме или посредством возложения на причинителя вреда обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды за счет его средств в соответствии с проектом восстановительных работ (натуральная форма возмещения вреда). Данные положения также согласуются со способами возмещения вреда, предусмотренными гражданским законодательством. В соответствии со ст. 1082 ГК РФ лицо, ответственное за причинение вреда, обязано возместить вред в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т.п.) или возместить причиненные убытки.

Определенной особенностью обладает денежная форма возмещения вреда, причиненного окружающей среде, поскольку размер данного вреда может быть определен двумя способами:

- во-первых, в соответствии с таксами⁴ и методиками⁵ исчисления размера вреда окружающей среде, утвержденными органами исполнительной власти, осуществляющими государственное управление в области охраны окружающей среды;
- во-вторых, исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды, а также в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ.

Второй из указанных способов полностью соответствует положениям гражданского законодательства, поскольку речь идет о порядке определения размеров убытков, которые включают в себя реальный ущерб и упущенную выгоду (ст. 15 ГК РФ).

⁴ См., например: постановление Правительства РФ от 23.07.2022 № 1322 «Об утверждении такс для исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 1321 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 26 сентября 2000 г. № 724» // СЗ РФ. 2022. № 31. Ст. 5712 ; постановление Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» // СЗ РФ. 2019. № 1. Ст. 25.

⁵ См., например: приказ Минприроды России от 08.07.2010 № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» (зарегистрирован в Минюсте России 07.09.2010 № 18364) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 40 ; приказ Минприроды России от 28.01.2021 № 59 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды» (зарегистрирован в Минюсте России 05.02.2021 № 62400) // URL: <http://pravo.gov.ru>, 05.02.2021.

Первый же из приведенных способов не является традиционным для гражданско-правовой ответственности, поскольку речь идет о штрафе, размер которого определяется в установленном законом порядке, и не зависит от размера фактически причиненного вреда. Традиционно считается, что санкции, установленные гражданским законодательством, носят компенсационный, а не штрафной характер, а размер ответственности определяется исходя из размера причиненного вреда и не может его превышать.

Вместе с тем современное гражданско-правовое регулирование знает целый ряд исключений из этого правила, которые позволяют сказать, что институту гражданско-правовой ответственности известен ряд мер ответственности, носящих штрафной или сверхкомпенсационный характер. К ним, например, относятся проценты за пользование денежными средствами, штрафная неустойка, астрент, компенсация за нарушение исключительного права, потребительский штраф. Установление подобных санкций позволяет говорить о карательной функции гражданско-правовой ответственности, поскольку их применение создает ситуацию, в которой объем возмещения будет превышать размер причиненного вреда. Таким образом, при применении штрафных санкций правонарушитель несет дополнительные негативные имущественные последствия своего противоправного поведения.

Размер подобных санкций определяется либо соглашением сторон, как в случае со штрафной неустойкой, судом или устанавливается законодательством и не зависит от размера убытков, причиненных правонарушением. Так, например, в соответствии со ст. 1301 ГК РФ размер компенсации за нарушение исключительного права на произведение не зависит от размера причиненных правообладателю убытков и может определяться по усмотрению суда исходя из характера правонарушения в размере от 10 тыс. до 5 млн рублей; быть исчислен исходя из двукратной стоимости контрафактных экземпляров произведения или двукратной стоимости права использования произведения. Потребительский штраф, согласно ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей»⁶, взыскивается в размере 50 % от суммы, присужденной в пользу потребителя.

В цивилистике существует обоснование причин использования законодателем штрафных санкций с целью защиты имущественных интересов участников гражданского оборота.

Во-первых, такие причины связаны со стремлением законодателя преодолеть проблему установления факта причинения убытков и затруднительности подсчета их полного или приблизительного размера, что в ряде случаев делает невозможным получение полной компенсации имущественных потерь⁷. Таким образом, введение штрафных санкций становится способом преодоления издержек правоприменения, а получение сверхкомпенсации потерпевшим рассматривается законодателем как меньший вред, чем неполучение таковой вовсе или получение в меньшем, чем имущественные потери, объеме.

⁶ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁷ *Карпетов А. Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 319; *Гаджиев Г. А.* Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 4. С. 65—85.

Во-вторых, проникновение в сферу гражданско-правовой ответственности штрафных санкций может быть объяснено публичными целями пресечения систематических правонарушений в определенной сфере отношений. Кредитору предоставляется возможность потребовать применения штрафных санкций, чтобы создать для него стимул для защиты своих нарушенных прав и привлечения правонарушителей к ответственности⁸.

Представляется, что именно по этим причинам законодатель использовал таксы и методики исчисления размера вреда, причиненного окружающей среде, что в целом подтверждается и судебной практикой. Так, например, Конституционный Суд РФ в постановлении от 02.06.2015 № 12-П⁹ по делу о проверке конституционности ряда положений Лесного кодекса РФ объяснял особенности исчисления размера вреда, причиненного окружающей среде, неочевидностью причинно-следственных связей между негативным воздействием на окружающую среду и причиненным вредом, что предопределяет трудность или невозможность возмещения вреда в натуре и исчисления причиненного вреда и в силу этого — условность его оценки.

На сложность точной оценки размера вреда, причиненного окружающей среде, обращалось внимание и в юридической литературе. Указывалось, в частности, что вред, причиненный окружающей среде, может носить невозполнимый характер, быть относительно или трудно возполнимым, что существенно затрудняет, а в ряде случаев делает невозможным оценку затрат на восстановление нарушенной окружающей среды¹⁰.

Следует также учитывать, что неблагоприятные экологические последствия могут проявляться спустя продолжительное время и иметь комплексный характер¹¹. Последствия вреда могут проявляться по истечении многих лет после факта причинения вреда, оказывать влияние на будущие поколения и охватить значительное географическое пространство. Все сказанное делает затруднительным расчет размера причиненного вреда, а следовательно, делает неэффективным использование классических компенсационных мер гражданско-правовой ответственности.

Кроме того, установление такс и методик исчисления размера вреда, причиненного окружающей среде, выполняет превентивную функцию, позволяя снизить количество совершаемых экологических правонарушений, стимулирует использование щадящих по отношению к окружающей среде методов хозяйствования. Их применение позволяет применить ответственность за факт правонарушения и не требует установления причинно-следственной связи, последствий правонарушения, что является весьма затруднительным.

⁸ Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 65—85 ; Краснова С. А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 1. С. 68—110.

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., подробнее: Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный). 2015 / под ред. О. Л. Дубовик // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Эта особенность вреда, причиненного окружающей среде и отдельным компонентам природной среды, отмечается в судебной практике. См., например: Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

Особенностью возмещения вреда, причиненного окружающей среде, является возможность одновременного применения денежной и натуральной формы возмещения вреда, что следует из положений ст. 77 и 78 Закона об охране окружающей среды. Возможность применения к причинителю вреда двойной ответственности в данном случае объясняется особенностями определения размера вреда, причиненного окружающей среде, поскольку, наряду с затратами на восстановление природной среды, в него включаются невосполнимые и (или) трудновосполнимые экологические потери.

Как указал Конституционный Суд РФ в определении от 09.02.2016 № 225-О, проведение только одной рекультивации не является способом полного возмещения причиненного экологического вреда, а является лишь средством устранения препятствий к воссозданию экологической системы¹².

Представляется, что данная особенность характерна и для гражданско-правовой ответственности, которая допускает применение к правонарушителю сразу нескольких мер ответственности, а также не освобождает от исполнения обязательств в натуре. Так, например, в случае нарушения прав потребителя к лицу, допустившему нарушение, могут применяться в совокупности следующие меры ответственности: взыскание убытков и неустойки, компенсация морального вреда, взыскание потребительского штрафа.

Изложенное позволяет сказать, что хотя имущественная ответственность за экологические правонарушения обладает целым рядом специфических черт, они полностью соответствуют характеру и особенностям гражданско-правовой ответственности. Обоснование же самостоятельности данной ответственности не позволит применять в отношении нее принципы и механизмы гражданско-правовой ответственности, что, несомненно, скажется на эффективности правоприменения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бринчук М. М.* Эколого-правовая ответственность — самостоятельный вид ответственности // *Lex russica*. — 2016. — № 6. — С. 26—45.
2. *Гаджиев Г. А.* Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // *Вестник экономического правосудия РФ*. — 2017. — № 4. — С. 65—85.
3. *Каралетов А. Г.* Экономический анализ права. — М.: Статут, 2016. — 528 с.
4. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный). 2015 / под ред. О. Л. Дубовик // СПС «КонсультантПлюс».
5. *Краснова С. А.* Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // *Вестник экономического правосудия РФ*. — 2020. — № 1. — С. 68—110.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2016 № 225-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Монолит и К» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 77 и пунктом 1 статьи 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс».

Арсен Ярахмедович
АХМЕДОВ,

доцент кафедры
 гражданского права
 Университета имени
 О.Е. Кутафина (МГЮА),
 кандидат юридических
 наук, доцент
ahmedov.arsen@bk.ru
 125993, Россия, г. Москва,
 ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Обоснованность выделения приоритетного способа возмещения вреда, причиненного окружающей среде

Аннотация. Гражданскому законодательству известно два способа возмещения вреда. При этом в судебной практике и в доктрине натуральную форму возмещения ущерба нередко называют приоритетным способом возмещения причиненного окружающей среде вреда. Тем не менее есть сомнения в том, что выделение приоритетного способа возмещения, который будет выступать презюмируемым, обоснованно. Выбирая из двух способов возмещения вреда, суд должен установить объективную возможность восстановления окружающей среды, необходимость принятия оперативных мер, их эффективность для восстановления окружающей среды и наличие проекта восстановительных работ, разработанного и утвержденного в соответствии с действующим законодательством. Навязывание восстановления окружающей среды неэффективно и не должно допускаться судами, в том числе посредством использования судебной неустойки. В случае безрезультатности восстановительных мероприятий или отказа причинителя вреда от их проведения всегда доступен вариант с возмещением вреда в денежной форме, в том числе с зачетом затрат на восстановительные работы. При этом одновременное применение двух способов возмещения вреда недопустимо.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, возмещение ущерба, способы возмещения вреда, возмещение ущерба в натуральной форме, возмещение убытков.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.204-211

Arsen Ya. AHMEDOV,

Associate professor of the Department of civil law
 of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
 Cand. Sci. (Law), Associate professor
ahmedov.arsen@bk.ru
 9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Reasonableness of identifying of a priority method of compensation for harm caused to the environment

Abstract. Civil law knows two ways of compensation for damage. At the same time, in jurisprudence and in the legal literature, natural compensation is often called the priority method of compensation for harm, caused to the environment. Nevertheless, there are doubts that the allocation of a priority method of compensation for harm, which will be presumed, is justified.

Choosing from two methods of compensation for harm, the court must establish the objective possibility of restoring the environment, the need for prompt action, their effectiveness for restoring the environment, and the existence of a restoration project developed and approved in compliance with the requirements of current legislation. The imposition of environmental restoration is ineffective and should not be allowed by the courts, including through the use of penalty. In case of failure of remedial measures or refusal of the delinquent to carry them out, the option of monetary compensation for harm is always available, including offsetting the costs of natural compensation for harm. At the same time, the simultaneous use of two methods of compensation for harm is unacceptable.

Keywords: *environmental protection, compensation for harm, methods of compensation for harm, natural compensation for harm, compensation for losses.*

Статья 1082 Гражданского кодекса РФ¹ предусматривает два способа возмещения ущерба: в натуральной форме посредством предоставления вещи того же рода и качества, восстановления поврежденного имущества и иными подобными действиями либо в денежной форме посредством возмещения убытков. При этом практика применения ст. 1082 ГК РФ, как и в целом практика возмещения причиненного неправомерными действиями вреда, демонстрирует крайне редкое использование возмещения в натуре. В этой связи нельзя не отметить, что деликтная ответственность за причиненный окружающей среде вред становится главным случаем возмещения вреда в натуральной форме.

Следует выделить несколько причин такого особого положения имущественной ответственности за причиненный компонентам окружающей среды вред. Не последнее место среди них занимают социальная значимость восстановления окружающей среды, а также наличие публичного субъекта, заинтересованного в устранении деликвентом негативных последствий гражданского правонарушения. Кроме того, возмещение вреда в натуре его причинителем зачастую быстрее и эффективнее, что принципиально важно в связи с необходимостью максимально оперативного восстановления природной среды для недопущения распространения вреда на иные компоненты окружающей среды. Возмещение вреда в денежной форме, в свою очередь, не всегда позволяет гарантировать направление денег, взысканных по искам о возмещении причиненного окружающей среде вреда, на устранение последствий конкретного деликта.

При этом только Федеральным законом от 30.12.2021 № 446-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² было закреплено использование денег, взысканных в связи с причинением окружающей среде

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410 ; 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5123.

² СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 15 ; 2022. № 13. Ст. 1960.

вреда, на организацию работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде и иные мероприятия по сохранению и восстановлению природной среды.

Согласно п. 5 ст. 78.2 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об охране окружающей среды»³ указанные средства носят целевой характер и не могут быть использованы на иные цели, что само по себе уже является серьезным для отечественного права шагом, так как ранее денежные средства, пополняющие бюджет, могли быть использованы на цели, не связанные с восстановлением природной среды. Тем не менее преимущества натуральной формы возмещения причиненного окружающей среде ущерба кажутся бесспорными. Однако возможности использования возмещения причиненного окружающей среде ущерба в натуре имеют свои пределы.

Итак, какие же критерии могут быть использованы при определении судом способа возмещения ущерба, причиненного окружающей среде.

При разрешении данного вопроса суд проверяет *наличие объективной возможности возмещения ущерба в натуре* с учетом особенностей конкретного компонента окружающей среды и иных подлежащих учету обстоятельств. Действительно, компоненты окружающей среды разнородны: некоторые из них позволяют осуществить их восстановление, в случае с другими возможно лишь возмещение вреда в денежной форме, поскольку подверженные динамическим процессам экосистемы, как, например, животный мир и атмосферный воздух, исключают восстановление положения, существовавшего до причинения вреда.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 17 постановления от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»⁴ (далее — постановление № 49) пояснил, что при рассмотрении дела о возмещении ущерба в натуре суд определяет, является ли принятие направленных на восстановление окружающей среды мер объективно возможным. Удовлетворение требования судом допустимо лишь в том случае, если устранение причиненного окружающей среде ущерба возможно посредством проведения восстановительных работ.

В пункте 35 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018)⁵ отмечается, что определение способа возмещения вреда, зависит в том числе от необходимости *оперативного принятия мер, их эффективности* для восстановления окружающей среды. Наличие приведенных обстоятельств свидетельствует о приоритетности натуральной формы возмещения ущерба. Далее Верховный Суд РФ указывает, что в их отсутствие суд вправе избрать денежную форму возмещения вреда. Последнее, однако, не следует понимать как обязанность суда при наличии данных обстоятельств избрать возмещение вреда в натуре без учета иных критериев.

Согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 49 и п. 12 Обзора судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022)⁶

³ СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133 ; 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5310.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5–6.

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 10.

(далее — Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды 2022 г.) еще одним критерием выбора способа возмещения причиненного окружающей среде ущерба является наличие *проекта восстановительных работ*, разработанного и утвержденного в соответствии с действующим законодательством. Отсутствие проекта восстановительных работ является безусловным основанием вынесения судом решения о возмещении ущерба в денежной форме.

Очевидно, что понуждение к осуществлению восстановительных работ при отсутствии разработанного причинителем вреда и согласованного с органами публичной власти проекта неэффективно, нецелесообразно и даже небезопасно. Ответчик не выражает воли на осуществление восстановительных работ, а интенсивное вовлечение приставов-исполнителей в процесс исполнения решения суда справедливо квалифицируется в юридической литературе как фактор, затрудняющий исполнение обязанности в натуре⁷. Единственной мерой реагирования в таком случае остается взыскание с причинителя вреда судебной неустойки, предусмотренной ст. 308.3 ГК РФ⁸, в связи с неисполнением решения суда и с отказом восстанавливать природную среду (возможность взыскания судебной неустойки по данной категории дел предусмотрена п. 18 Обзора судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды 2022 г.).

Несмотря на ряд преимуществ натуральной формы возмещения причиненного окружающей среде ущерба, кажется абсолютно неэффективным и недопустимым понуждение к выполнению восстановительных работ при наличии возможности замены натуральной формы возмещения на денежную. Именно по этой причине в случае отсутствия проекта восстановительных работ, а также при наличии риска возникновения сложностей с их осуществлением логичным выглядит выбор возмещения вреда в денежной форме.

В пункте 13 Обзора судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды 2022 г. отмечается недопустимость понуждения к восстановлению нарушенного состояния окружающей среды. Возложение обязанности по восстановлению окружающей среды обусловлено добровольным совершением ко времени рассмотрения дела судом действий, направленных на разработку проекта восстановительных работ. При этом Верховный Суд РФ отмечает, что решение суда об обязанности разработать проект рекультивации земельного участка не будет отвечать требованиям исполнимости судебного акта. Следовательно, возмещение причиненного окружающей среде вреда в натуре возможно исключительно в добровольном порядке и не допускается при отсутствии волеизъявления делинквента, свидетельствующего о согласии выполнить работы по восстановлению окружающей среды.

В этой связи показательно определение Верховного Суда РФ от 21.02.2022 № 304-ЭС21-28820 по делу № А81-3270/2020, в котором суд, учитывая

⁷ См.: Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2017. С. 64.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 ; 2022. № 16. Ст. 2601.

длительный период невыполнения обществом обязанности по возмещению причиненного окружающей среде ущерба, в отсутствие проекта восстановительных работ, правомерно удовлетворил требование о возмещении вреда в денежной форме.

Таким образом, критериями, лежащими в основе выбора способа возмещения причиненного окружающей среде вреда, являются наличие объективной возможности возмещения ущерба в натуральной форме, утвержденного проекта восстановительных работ, необходимость оперативного принятия мер, их эффективность для восстановления окружающей среды. С учетом вышеизложенного в случаях, когда это объективно возможно и имеет место согласованный план восстановительных мероприятий, судам следует удовлетворять требования о возмещении ущерба в натуре. В связи со своевременным восстановлением природной среды данный способ является приоритетным.

Несмотря на приоритет натурального возмещения, предусмотренный специальным законодательством, нередко оно объективно (возмещение вреда атмосферному воздуху, животному миру и т.д.) или субъективно (отсутствие проекта восстановительных работ, разработанного и утвержденного в соответствии с действующим законодательством, отсутствие воли причинителя вреда на осуществление восстановительных работ) исключено. При этом на практике возмещение вреда в денежной форме, а особенно при применении соответствующих такс и методик, в финансовом отношении более обременительно для причинителей вреда, поэтому предприниматели заинтересованы в возмещении вреда в натуре.

Обращает на себя внимание также проблема одновременного присуждения к возмещению вреда как в натуре, так и в денежной форме. Верховный Суд РФ в определении от 21.06.2022 по делу № 69-КГПР22-2-К7 отмечает, что ответчик возместил вред, причиненный почвам, в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками. С учетом этого и в отсутствие проекта рекультивации земель отказ в удовлетворении требования об обязанности разработать проект рекультивации земель является правомерным. Представляется излишним указание Верховного Суда РФ на отсутствие проекта рекультивации земель, так как вред уже бы возмещен в денежной форме.

В этой связи стоит отметить внесенные Федеральным законом от 23.06.2016 № 218-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования лесных отношений»⁹ изменения в законодательство, регулирующие охрану окружающей среды. Частью 2 статьи 99 Лесного кодекса РФ¹⁰ в редакции, действовавшей до 01.03.2017, было предусмотрено, что привлечение к ответственности за нарушение лесного законодательства не освобождает виновных лиц от обязанности устранить нарушение и возместить вред. Однако данное положение было исключено из ст. 99 ЛК РФ. Приведенное регулирование приводило к фактическому удваиванию имущественной ответственности.

⁹ СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3887 ; 2018. № 1 (ч. I). Ст. 55.

¹⁰ Лесной кодекс РФ от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278 ; 2023. № 1 (ч. I). Ст. 47.

Действительно, одновременное возмещение вреда в натуре и в денежной форме долгое время было достаточно распространенной практикой. В отдельных случаях за актом о возмещении вреда в натуре следовал акт о возмещении вреда в денежной форме. Так, решением Данковского городского суда Липецкой области от 10.04.2019 на ООО «Тепличный комбинат ЛипецкАгро» была возложена обязанность в срок до 01.06.2019 осуществить сбор отходов и провести рекультивацию земельного участка согласно разработанному проекту. В связи с тем, что в течение двух месяцев работы по рекультивации земельного участка не были проведены, 14.06.2019 Данковский городской суд Липецкой области принял решение, оставленное без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Липецкого областного суда от 04.09.2019 и определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2020, которым исковое требование о возмещении вреда в денежной форме удовлетворено полностью.

Показательно, что в данном случае суд не изменил способ исполнения судебного акта, а принял новое решение, которым были удовлетворены иные требования. Очевидно, что в подобном случае только исполнения второго решения суда будет недостаточно для автоматической отмены первого решения. Следовательно, есть основание говорить о двойной ответственности причинителя вреда. Представляется, что в настоящем случае с учетом обстоятельств дела возмещение должно быть произведено исключительно в денежной форме.

В другом деле Первый кассационный суд общей юрисдикции указал, что освобождение почвы от отходов производства само по себе не свидетельствует о восстановлении плодородных и иных свойств почвы. На причинителя вреда лежит обязанность как привести земельный участок в первоначальное состояние, так и возместить вред, причиненный окружающей среде (определение Первого кассационного суда общей юрисдикции № 88-336/2020 от 15.01.2020). Разделяя первую идею (действительно, освобождение почвы от отходов не всегда влечет полное возмещение вреда в натуре), согласиться с последующим выводом суда о необходимости двойного возмещения вреда природной среде не представляется возможным.

Стоит отметить и то, что есть противоположная практика. Так, определением СКЭС Верховного Суда РФ от 07.12.2020 № 306-ЭС20-16219 по делу № А57-8748/2019 отменены судебные акты нижестоящих судов, обязавшие делинквента и к возмещению убытков, и к восстановлению нарушенного состояния окружающей среды посредством проведения рекультивации нарушенных земель.

В отдельных случаях суды не только возлагают на делинквента обязанность по восстановлению земельного участка, но и взыскивают с него разницу между расходами на рекультивацию и расчетом ущерба, определенного в соответствии с методикой (например, решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 23.07.2012 по делу № А75-8961/2011). Представляется, что восстановление участка свидетельствует о возмещении причиненного вреда, а взыскание разницы является необоснованным и противоречит положениям ст. 1082 ГК РФ. Представляется, что размер такс определяется таким образом, чтобы покрыть весь причиненный вред.

Приведенный зачетный механизм допустим при невозможности полного возмещения вреда посредством восстановительных мероприятий, неэффективности

ряда принятых мер, но не применим в случае полной реализации проекта рекультивации. Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 02.06.2015 № 12-П¹¹ отметил, что суды вправе учитывать в размере вреда, исчисленного по таксам и методикам, необходимые и разумные расходы, понесенные причинителем вреда при эффективном устранении последствий загрязнения окружающей среды. Указанный подход был развит Верховным Судом РФ в п. 35 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018), а также в п. 28 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019)¹², п. 16 Обзора судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды 2022 г.).

М. З. Шварц и Д. Б. Володарский также указывают, что компенсаторная природа обязанностей по возмещению вреда в натуре и возмещению вреда в денежной форме, взаимосвязанных единством экономического покрытия, свидетельствует о необходимости зачета расходов на устранение вреда в счет возмещения вреда в денежной форме. При этом ученые обращают внимание на то, что согласно актуальной судебной практике условиями для зачета также являются неумышленный характер причинения ущерба окружающей среде и совершение делинквентом за свой счет активных действий по реальному устранению причиненного вреда окружающей среде до принятия в отношении его актов принудительного характера (определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2016 № 225-О, п. 15 постановления № 49)¹³.

Влияние формы вины на возможность зачета понесенных причинителем вреда затрат на устранение вреда вызывает сомнения в связи с компенсаторной природой гражданско-правовой ответственности. Установление мер карательного характера в случае умышленного причинения вреда, а также отказа добровольно устранить вред представляется необоснованным, так как для этих целей могут быть использованы меры административного и уголовного воздействия. Одновременное применение двух способов возмещения вреда является недопустимым. Лишь в тех случаях, когда возмещение вреда в натуре в полном объеме невозможно, одновременно в соответствующей части применимо возмещение в денежной форме.

В целом стоит отметить, что выявленные особенности возмещения ущерба окружающей среде могут быть использованы для развития отечественного деликтного права, в особенности — для распространения практики возмещения

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярнефть»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 4.

¹² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 2.

¹³ См.: Шварц М. З., Володарский Д. Б. Принцип «загрязнитель платит» и юридическая ответственность хозяйствующих субъектов за неизбежный экологический вред. По мотивам определения Конституционного Суда РФ от 13.05.2019 № 1197-О // Закон. 2019. № 9. С. 100—121.

причиненного вреда в природе. Возмещение вреда окружающей среде в природе является приоритетной (хотя с учетом всех проблем, связанных с ее использованием, далеко не основной) формой возмещения причиненного окружающей среде вреда. При этом в работе были выделены критерии определения допустимости использования натуральной формы возмещения вреда, причиненного окружающей среде.

Выбирая из двух вариантов возмещение в природе, суд должен установить объективную возможность восстановления окружающей среды и наличие проекта восстановительных работ. Навязывание восстановления окружающей среды неэффективно и не должно допускаться судами, в том числе посредством использования астрента. Принципиально важно то, что Верховный Суд РФ прямо отмечает, что натуральная форма возмещения допустима только в случае волеизъявления причинителя вреда, свидетельствующего о согласии на проведение восстановительных работ. В случае безрезультатности восстановительных мероприятий или отказа делинквента от их проведения всегда доступен вариант с возмещением вреда в денежной форме. Использование возмещения вреда в природе, такс и методик при определении размера возмещаемых убытков, особенности объекта охраны позволяют рассматривать необходимость закрепления возмещения вреда, причиненного окружающей среде, как специального деликта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Договорное и обязательственное право (Общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : Статут, 2017. — 1120 с.
2. *Шварц М. З., Володарский Д. Б.* Принцип «загрязнитель платит» и юридическая ответственность хозяйствующих субъектов за неизбежный экологический вред. По мотивам определения Конституционного Суда РФ от 13.05.2019 № 1197-О // Закон. — 2019. — № 9. — С. 100—121.

Правовое регулирование страховой деятельности

**Наталья
Владимировна
ВАСИЛЕНКО,**

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
nvvasilenko@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Агрострахование с государственной поддержкой: взаимодействие частного и публичного интересов

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой. Отмечается наличие значительных проблемных аспектов в развивающейся сфере. Повышенный, сложно просчитываемый риск убытков сельхозпроизводителей от неблагоприятных климатических условий обуславливает повышенные риски для финансовой устойчивости страховых организаций, осуществляющих агрострахование. Отсутствие государственной поддержки в осуществлении страхования (перестрахования) сельскохозяйственных рисков способствует включению страховщиками в договоры агрострахования ограничительных условий, уменьшающих риски, завышению страховых тарифов, отказам в страховой выплате. Наиболее эффективна существующая система сельскохозяйственного страхования для крупных аграрных хозяйств, которые имеют возможности для минимизации и предупреждения убытков, что затрудняет развитие конкурентных начал в сельскохозяйственном производстве, препятствует развитию малого и среднего агробизнеса. Этому же способствуют законодательные ограничения по льготному страхованию субъектов сельскохозяйственной кооперации, в отношении которых законом не предусматривается государственная поддержка. В статье обосновывается причинно-следственная связь между несовершенством системы государственной поддержки агрострахования и проблематикой цивилистического характера в данной сфере.

Ключевые слова: сельскохозяйственное страхование с государственной поддержкой, субсидия, страховая премия, страховая выплата, объекты агрострахования, риски агрострахования, сельскохозяйственная кооперация, Национальный союз агростраховщиков.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.212-220

Natalia V. VASILENKO,

Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State
Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor

nvvasilenko@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Agricultural insurance with state support: the interaction of private and public interests

Abstract. *The article discusses the features of agricultural insurance with state support. It is noted that there are significant problematic aspects in the developing field. The increased difficult-to-calculate risk of losses of agricultural producers from adverse climatic conditions causes increased risks for the financial stability of insurance organizations engaged in agricultural insurance. The lack of state support in the implementation of insurance (reinsurance) of agricultural risks contributes to the inclusion of restrictive conditions by insurers in agricultural insurance agreements that minimize risks, overstatement of insurance tariffs, and refusals of insurance payment. The most effective is the existing system of agricultural insurance for large farms that have the ability to minimize and prevent losses, which makes it difficult to develop competitive principles in agricultural production, hinders the development of small and medium-sized agribusiness. This is also facilitated by legislative restrictions on preferential insurance of agricultural cooperation entities for which the law doesn't provide for state support. The article substantiates the causal relationship between the imperfection of the system of state support for agricultural insurance and the problems of a civil nature in this area.*

Keywords: *agricultural insurance with state support, subsidy, insurance bonus, insurance payment, objects of agricultural insurance, risks of agricultural insurance, agricultural cooperation, National Union of Agricultural Insurers.*

Аграрный сектор экономики России сегодня нуждается в значительной инвестиционной и организационной поддержке. Вследствие внешних вызовов поддержка отечественных сельхозпроизводителей и государственное регулирование аграрного сектора необходимы для обеспечения продовольственной безопасности, сохранения суверенитета государства и выживания нации. Как отмечают О. В. Глеба и К. А. Чудакова, «накопленные за годы реформ в аграрном секторе экономики недостатки и проблемы не нашли в полной мере решения в современной аграрной политике... В результате, с одной стороны, по ряду направлений удалось достичь положительных результатов, с другой — продвижение к реализации намеченных целей оказалось довольно сложным, не комплексным и несистемным»¹.

¹ Глеба О. В., Чудакова К. А. Некоторые проблемы стимулирования предпринимательской активности субъектов агробизнеса // Хозяйство и право. 2022. № 11. С. 51.

Естественно, возникают вопросы: как, каким образом, с помощью каких механизмов и методов, какими финансовыми инструментами можно обеспечить наиболее эффективное поступательное развитие сельского хозяйства?

Одним из таких механизмов является агрострахование с государственной поддержкой. Как показывает мировой опыт, сельскохозяйственное страхование позволяет предотвратить колебания доходов аграриев, связанные с неблагоприятными погодными явлениями, создать условия для улучшения их финансового положения, а также повысить инвестиционную привлекательность аграрного сектора. Не секрет, что агрострахование позволяет частично переложить финансовое бремя с государства на страховые организации и используется активно для стимулирования и регуляции аграрного сектора. Так, сельхозпроизводители, которые осуществляют страхование рисков утраты урожая зерновых, получают повышенные субсидии на производство и реализацию по сравнению с незастрахованными аграриями².

По мнению Е. В. Ельниковой, «следует констатировать, что в Российской Федерации в целом сформирована правовая основа для осуществления сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой, которая непрерывно совершенствуется. Тем не менее пока еще остаются проблемы»³.

Сельскохозяйственное страхование с государственной поддержкой регулируется Федеральным законом от 25.07.2011 № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства”»⁴ (далее — Закон о господдержке) и разрабатываемыми на его основе нормативными актами субъектов Российской Федерации, а также постановлением Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»⁵.

Указанной нормативной базой определяются субъекты страхования, страховые риски, покрытие части расходов сельхозпроизводителей на страхование, порядок осуществления экспертизы и страховых выплат. Нормы главы 48 Гражданского

² Бюджетная субсидия на компенсацию 50 % затрат аграриев на производство и реализацию зерновых культур предоставляется хозяйствам ежегодно из расчета на тонну реализованной продукции собственного производства. Согласно редакции постановления Правительства РФ от 23.12.2022 № 696, с 2023 г. аграрии, претендующие на возмещение из госбюджета части своих затрат на производство и реализацию зерновых культур, должны будут предъявить договор страхования этих культур, заключенный в рамках системы агрострахования с государственной поддержкой. В случае, если урожай не был застрахован, при расчете данной субсидии будет применяться понижающий коэффициент 0,7, а с 2024 г. — коэффициент 0,5.

³ *Ельникова Е. В.* Правовые аспекты государственной поддержки агрострахования в Российской Федерации // *Право и бизнес: обеспечение баланса правовых интересов предпринимателей, потребителей и государств* : сборник материалов X Научно-практической конференции. М., 2022. С. 450.

⁴ СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4700.

⁵ СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2953.

кодекса РФ применяются для регулирования отношений между страхователем и страховщиком по заключению, исполнению и прекращению договоров страхования. Так как сельскохозяйственное страхование не названо в качестве специального вида страхования в ст. 970 ГК РФ, к отношениям сторон нормы Гражданского кодекса РФ применяются в полной мере.

Объектами сельскохозяйственного страхования являются имущественные интересы, связанные с риском утраты (гибели) урожая, посадок многолетних насаждений, сельскохозяйственных животных и аквакультуры (продукции товарного рыбоводства) от различных неблагоприятных природных факторов.

Страхователем в соответствии со ст. 2 Закона о господдержке может быть только сельхозпроизводитель, а страховщиком — страховая организация, отвечающая требованиям, установленным постановлением Правительства РФ от 23.12.2021 № 2423 «Об утверждении требований к страховым организациям, осуществляющим сельскохозяйственное страхование от риска утраты (гибели) урожая сельскохозяйственных культур, посадок многолетних насаждений в результате наступления чрезвычайной ситуации природного характера»⁶, осуществляющая сельскохозяйственное страхование и входящая в объединение страховщиков, создаваемое в организационно-правовой форме ассоциации (союза)⁷.

Обязательное участие в Национальном союзе агростраховщиков преследует дополнительные цели по защите интересов страхователя, так как формируемый страховщиками компенсационный фонд предназначен для компенсационных выплат на случай невозможности осуществления страховых выплат вследствие процедур, применяемых в деле о банкротстве страховщика, или применения в отношении него мер по предупреждению банкротства.

Страховая сумма по Закону не должна быть менее 70 % страховой стоимости, исчисляемой на основании Методики, утвержденной Министерством сельского хозяйства в 2019 г.⁸ Договором страхования сельскохозяйственных рисков может быть предусмотрена франшиза.

Государство возмещает страхователю от 50 до 80 % от уплаченной страховой премии при соблюдении обязательных условий: плана сельскохозяйственного страхования и срока заключения. Так, договор страхования урожая сельскохозяйственных культур и многолетних насаждений должен заключаться не позднее 15 дней после окончания сева или посадки сельскохозяйственной культуры и действовать до момента прекращения вегетации растений.

⁶ СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 134.

⁷ Сегодня единым общероссийским объединением агростраховщиков выступает Национальный союз агростраховщиков (НСА).

⁸ См., например: приказ Минсельхоза России от 01.03.2019 № 87 «Об утверждении методики определения страховой стоимости и размера утраты (гибели) урожая сельскохозяйственной культуры и посадок многолетних насаждений и методики определения страховой стоимости и размера утраты (гибели) сельскохозяйственных животных»; приказ Минсельхоза России от 21.03.2019 № 121 «Об утверждении методики определения страховой стоимости и размера утраты (гибели) объектов товарной аквакультуры (товарного рыбоводства)» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 13.10.2021.

Одной из основных проблем являются малые, еще недостаточные объемы агрострахования с государственной поддержкой, хотя имеется и определенная динамика. Всего на долю агрострахования с государственной поддержкой приходится 90 % рынка сельхозстрахования, размер собираемых страховых премий неуклонно растет: с 3,7 млрд рублей в 2018 г. до 10 млрд рублей в 2022 г.⁹ Однако прогнозируемый Министерством сельского хозяйства РФ объем сельхозстрахования в растениеводстве в 2023 г. ожидается всего 10—12 %.

Не менее важной проблемой следует признать высокие и сложно прогнозируемые риски убытков от неблагоприятных климатических условий и связанных с ними техногенных аварийных ситуаций в сельском хозяйстве, имеющие за последние годы устойчивую тенденцию к увеличению. В данных условиях соблюдение принципа эквивалентности в страховании затруднено сложностью просчета страховых рисков, что может угрожать финансовой стабильности страховых компаний. Можно сказать, что агрострахование имеет повышенный риск для самих страховщиков.

Обращаясь к опыту иностранных государств со значительным аграрным сектором в экономике, мы видим, что государственная поддержка адресуется не только сельхозпроизводителям, но и страховым компаниям. В таких странах, как США, Канада, Китай, Белоруссия, Казахстан, государственная поддержка реализована в виде доминирующей роли государства, когда агрострахование может быть обязательным, а государство создает государственные страховые компании, определяет законом унифицированные правила страхования сельскохозяйственных рисков, условия договора страхования и установление доли перестрахования сельскохозяйственных рисков в перестраховочном пуле и т.д.¹⁰

Иной возможной формой участия государства в поддержке агрострахования может быть создание страховой аграрной корпорации со смешанным капиталом из государственных средств и средств частных страховщиков, деятельность которой основана на состраховании сельскохозяйственных рисков по единой методологии, тарифам, единым правилам, единому страховому полису. При этом сельхозпроизводители уплачивают 50 % от общей суммы начисленного страхового взноса в страховую агрокорпорацию. Государство вносит свою часть затрат на страхование туда же и решает вопросы управления и контроля за эффективным использованием выделяемых бюджетных средств и обязательным перестрахованием сельскохозяйственных рисков.

В США в агробизнесе также активно используется взаимное страхование. Сельскохозяйственные товаропроизводители создают общества взаимного страхования (ОВС) с обязательным условием перестрахования рисков у страховщиков

⁹ Данные из интервью с Президентом НСА К. Д. Биждовым (URL: <https://www.insur-info.ru/interviews/1501/> (дата обращения: 09.04 2023)).

¹⁰ Подробнее об организации государственной поддержки агрострахования в Республике Казахстан см.: *Ельникова Е. В.* Правовые модели сельскохозяйственного страхования в Республике Казахстан и Российской Федерации // Субъекты гражданского права и реформа системы юридических лиц : материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 2021. С. 252—256.

(в страховых пулах), определенных государством. Государство субсидирует не менее 50 % страховых премий по каждому договору страхования; является контролирующим органом над обществами взаимного страхования; осуществляет изучение проектов договоров страхования и всех сопутствующих им документов с целью их проверки на соответствие действующему законодательству; принимает решение о предоставлении или об отказе в предоставлении субсидий; имеет исключительное право на производство аграрных экспертиз.

Для Российской Федерации взаимное страхование как форма организации агрострахования перспективна, но на будущий период. Развитие взаимного страхования в России пока находится на низком уровне: незначителен охват по объектам страхования, кругу заинтересованных лиц и, главное, капиталу. В Реестре субъектов страхового дела на сегодняшний день зарегистрировано только 13 ОВС, объем максимального капитала которых меньше минимального уровня, установленного Законом РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»¹¹. Учитывая системность рисков в агростраховании и, как правило, региональный характер деятельности ОВС, взаимное страхование представляется менее эффективным по сравнению с иными формами осуществления агрострахования.

В Российской Федерации сегодня не предусмотрена государственная поддержка страховых компаний, реализующих программы агрострахования, не созданы даже условия для льготного перестрахования сельскохозяйственных рисков, поэтому агростраховщикам приходится приспосабливаться к конкретным условиям.

Так, действующее страховое законодательство не ограничивает включение страховщиками в договоры страхования дополнительных условий, конкретизирующих страховые риски, а по факту ограничивающих их. Это могут быть условия наступления страхового случая или критерии природно-климатического воздействия на объекты сельхозстрахования, основания исключения из страхового покрытия. В. С. Елисеев отмечает, что «действующее страховое законодательство (наряду с кредитным) позволяет в процессе регулирования аграрных отношений страховым организациям, выступающим в договорных отношениях экономически сильными сторонами, включать в договоры, формируемые ими в одностороннем порядке, условия, выходящие за рамки существа отношений»¹².

Также ограничения часто касаются периода, в течение которого может иметь место опасное природное явление. Значительное ограничение страховых рисков по заключаемым договорам страхования уменьшает расходы страховщика, но в то же время препятствует достижению цели защиты интересов сельхозпроизводителя. Многочисленные споры выявляют правоприменительные проблемы, связанные с трактовкой судами страхового законодательства. А это, в свою очередь, свидетельствует о пробельности и недостатках в правовом регулировании отношений по агрострахованию и в целом по страховой отрасли.

¹¹ Российская газета. 12.01.1993. № 6.

¹² Елисеев В. С. Государственное регулирование сельского хозяйства России как экономико-правовая категория // Lex russica. 2016. № 6 (115). С. 103.

Для защиты своих интересов страховые организации, осуществляющие агрострахование, также значительно завышают страховые тарифы, о чем неоднократно указывали суды¹³. Питательной почвой для злоупотреблений является фактическое отсутствие конкуренции в агростраховании, так как установлен высокий порог доступа на рынок — 3 млрд рублей. Таким должен быть минимальный размер собственных средств страховой организации¹⁴. К этому необходимо прибавить дополнительные расходы, связанные с формированием компенсационного фонда объединения страховщиков, осуществляющих сельскохозяйственное страхование. Сегодня в составе Национального союза агростраховщиков 17 крупных страховых компаний.

В данной связи вырисовывается проблема доступности агрострахования мелкому и среднему бизнесу, которому даже с государственной поддержкой оплаты 50 % страховой премии сложно оплачивать значительно завышенные страховые тарифы, исполнять условия предупреждения наступления страхового случая, применять технологии постоянно действующего мониторинга за состоянием застрахованных объектов, в том числе спутникового мониторинга.

Фактически сельскохозяйственное страхование с государственной поддержкой ориентируется сегодня на крупные агрохозяйства и агрохолдинги, технологически приспособленные для ведения хозяйства с учетом прогнозирования погодных условий и выбора сельхозкультур с учетом прогноза. Их выживаемость по сравнению с малым бизнесом и без страхования значительно выше, а с системой софинансирования агрострахования отрыв увеличивается.

Но это путь, который не раз уже заводил в тупик: монополизация сферы, отсутствие реальной конкуренции, ухудшение качества продукции при завышенной цене, сращивание с управленческим аппаратом, коррупция, неконкурентоспособность малого и среднего бизнеса.

В этой же связи следует отметить, что Закон о господдержке из числа возможных страхователей в Российской Федерации исключил граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, и сельскохозяйственные потребительские кооперативы.

В отличие от России, в иных странах на сельскохозяйственную кооперацию льготы распространяются, так как под сельхозкооперацией понимается объединение фермеров для уборки, сбыта сельскохозяйственной продукции, закупки средств производства, кредитования и страхования. Сельхозкооперация как интеграционный механизм позволяет решать экономические, экологические и социальные проблемы в современных условиях¹⁵. Представляется, что в Российской Федерации следует учесть мировой опыт хозяйствования.

¹³ См., например: определение Верховного Суда РФ от 30.01.2020 № 306-ЭС19-26916 по делу № А65-39791/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 23.12.2021 № 2423 «Об утверждении требований к страховым организациям, осуществляющим сельскохозяйственное страхование от риска утраты (гибели) урожая сельскохозяйственных культур, посадок многолетних насаждений в результате наступления чрезвычайной ситуации природного характера».

¹⁵ См. подробно: *Воронина Н. П.* Сельскохозяйственная кооперация в странах Азии: цифровая трансформация правового регулирования и стратегического планирования в условиях глобальных вызовов // Юрист. 2022. № 9. С. 34—42.

Следует отметить, что Закон о господдержке, исключив сельхозкооперацию из числа респондентов, традиционно не учитывает существование хозяйственных связей между субъектами.

Согласно статье 1 Закона о господдержке, **страхователь** — это сельскохозяйственный производитель, признанный таковым в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»¹⁶ и заключивший со страховщиком (страховщиками) договор (договоры) сельскохозяйственного страхования (со страхования). Данная формулировка значительно сужает субъектный состав страхователей, так как страховой интерес в заключении договора сельхозстрахования может быть и у аффилированных с сельхозпроизводителем лиц, в частности входящих в холдинг или многофункциональный сельскохозяйственный кооператив.

Традиционно российское законодательство отрицает возможность участия третьих лиц в защите имущественных интересов предпринимателей (ст. 933 ГК РФ), что является в научной литературе предметом обоснованной критики. Так, в Концепции развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования¹⁷ предлагается отменить данные ограничения, позволив заключать договор страхования предпринимательских рисков с третьим лицом и в пользу третьего лица. Расширение перечня страхователей позволит задействовать дополнительные финансовые источники.

Можно сделать вывод, что сочетание частного и публичного интереса в агростраховании с государственной поддержкой является необходимой предпосылкой устойчивого развития сельского хозяйства в Российской Федерации. Эффективность защиты имущественных интересов сельхозпроизводителей во многом зависит от действенной системы правового регулирования отношений, включающей как публичную сферу, так и частную.

Отсутствие государственной поддержки страховых организаций, осуществляющих сельхозстрахование, даже в части льготного перестрахования рисков ведет к злоупотреблениям своими правами со стороны страховщиков, использующих недостатки гражданского законодательства о страховании и ориентацию агрострахования на крупные агрохозяйства.

¹⁶ СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 27.

¹⁷ Концепция одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 № 202/оп-1/2020 (СПС «КонсультантПлюс»).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Воронина Н. П.* Сельскохозяйственная кооперация в странах Азии: цифровая трансформация правового регулирования и стратегического планирования в условиях глобальных вызовов // Юрист. — 2022. — № 9. — С. 34—42.
2. *Глеба О. В., Чудакова К. А.* Некоторые проблемы стимулирования предпринимательской активности субъектов агробизнеса // Хозяйство и право. — 2022. — № 11. — С. 50—63.
3. *Елисеев В. С.* Государственное регулирование сельского хозяйства России как экономико-правовая категория // Lex russica. — 2016. — № 6 (115). — С. 103—118.
4. *Ельникова Е. В.* Правовые аспекты государственной поддержки агрострахования в Российской Федерации // Право и бизнес: обеспечение баланса правовых интересов предпринимателей, потребителей и государства : сборник материалов X Научно-практической конференции. — М., 2022. — С. 448—457.
5. *Ельникова Е. В.* Правовые модели сельскохозяйственного страхования в Республике Казахстан и Российской Федерации // Субъекты гражданского права и реформа системы юридических лиц : материалы международной научно-практической конференции. — Алматы, 2021. — С. 252—256.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу «Время великих реформ. Золотой век российского государства и права»¹

Sergey Yu. FABRICHNY,
*Director of the Law Institute
of Novgorod State University
named after Yaroslav the Wise,
Dr. Sci. (Law), Professor
sergey.fabrichny@novsu.ru
41, ul. Bolshaya St. Petersburg,
Veliky Novgorod, Russia, 173003*

**Review of the book “The Time of Great Reforms.
The Golden Age of the Russian State and Law”**

**Сергей Юрьевич
ФАБРИЧНЫЙ,**
*директор Юридического
института
Новгородского
государственного
университета
имени Ярослава Мудрого,
доктор юридических наук,
профессор
sergey.fabrichny@
novsu.ru
173003, Россия,
г. Великий Новгород,
ул. Большая
Санкт-Петербургская,
д. 41*

13 февраля 2023 г. в «Российской газете» состоялась презентация книги П. В. Крашенинникова «Время великих реформ. Золотой век российского государства и права». Все, кто знаком с творчеством автора в жанре «учебная и научная литература» ждали выхода его очередной книги с безусловным интересом, учитывая, что роль П. В. Крашенинникова в области современного российского правового просвещения и формирования правовой культуры нашего общества высоко оценивается и профессионалами, и широким кругом читателей. Мероприятия подобного рода — это своеобразный навигатор, помогающий, в том числе, лучше понять замысел автора, сверить комментарии выступающих на презентации со своими впечатлениями (ожиданиями) от предложенного автором текста. И предложить свой...

Наш комментарий к книге будет основан на анализе взаимосвязанности содержания ее «опорных точек» — введения, где мы выделяем ключевое для этой части работы словосочетание «золотая середина»; пролога (здесь выделяем словосочетания «профессиональная бюрократия», «ответственная бюрократия»; и эпилога («три технологических уклада»).

Во введении (с. 8) автор объясняет, почему, с определенной долей условности, он называет XIX век «золотым веком государства и права». В этот период возникает концепция так называемой «золотой середины», где именно право выступает в качестве балансира между интересами различных социальных групп на фоне усиления противоречий между ними. Несомненно, роль, отведенная процессом исторического развития праву, важна для оценки его феномена как одного из регуляторов общественных отношений, бесстрастно фиксирующего и проецирующего различные состояния государств, общностей, личностей.

В прологе (с. 15) автор задает вопрос, который кажется нам актуальным не только для XIX в., но и для сегодняшнего дня: «Что такое право?». Поиски ответа

¹ Крашенинников П. В. Время великих реформ. Золотой век российского государства и права. М. : Эксмо, 2023. 352 с.

на него дают импульс для интенсивного развития юридической науки, особенно философии права и теории права. Термин «правовой» в рассматриваемый период становится условием легитимации власти и государства. Право выходит из-под «зонтика» философии, которая долгое время давала юристам готовые ответы на вопросы «как быть и что делать», претендуя на исключительность знания истины. Профессионально заниматься правом становится модным. Поиски ответа на приведенный вопрос формируют новый отряд профессиональной бюрократии, обслуживающий тему «право» и передающий сокровенную тайну знания ответа как эстафетную палочку «для своих».

Впервые у П. В. Крашенинникова упоминание о взаимодействии в треугольнике «явление, общество, бюрократия» мы находим в его книге «Времена и право»², когда в первобытном обществе из обычаев как регуляторов общественных отношений вырастают традиции (те же обычаи, но представляющие ценности для общества). Определением того, что считать традициями и передачей их из поколения в поколение, начинают заниматься специально обученные люди — будущие «ответственные бюрократы». В XIX в. и монархи, и общество вынуждены с этим уже не просто считаться, а находить пределы дозволенного для бюрократии, с тем чтобы она как сплоченный корпоративный институт не трансформировалась во вседозволенность.

В результате на отечественной ниве со времен М. М. Сперанского к бюрократии начинает применяться прилагательное «ответственный», которое приживается и используется в последующем в словосочетаниях «ответственное решение», «ответственное управление», «ответственное правительство», «ответственный работник». Далекое не всем это пришлось по нраву. Возможно, это одна из причин того, что «абсолютное большинство дворянского общества встретило падение Сперанского с большим ликованием»³. А между тем Сперанский «...своим примером открыл дорогу на гражданскую службу многочисленным талантливым разночинцам, впоследствии составившим гордость русского чиновничества»⁴. На наш взгляд, появление термина «ответственная бюрократия» это:

- во-первых, результат поиска рамок, за пределы которых профессиональный бюрократ не должен выходить;
- во-вторых, это также и индикатор профпригодности: если ты болеешь за свою страну, будь готов соотносить свои действия со словом «ответственный» в деле управления вверенным тебе участком;
- в-третьих, инстинкт самосохранения подсказывает бюрократии, как себя именовать, чтобы удержаться в строю, получить доступ к возможности стать частью чего-то значимого, например, составной частью преобразований периода эпохи Великих реформ.

Автор достаточно аргументированно объясняет, почему и как закончился Золотой век Российской империи, пришедшийся на периоды правления Александра Первого, Николая Первого и Александра Второго Освободителя (с.293-306, 327-349). Выскажем и мы свою, следуя подходу, заявленному в начале разговора.

² См. подробнее: *Крашенинников П. В.* Времена и право. М. : Статут, 2016. С. 12—16.

³ *Крашенинников П. В.* Семь жизней графа Михаила Сперанского. М. : Эксмо, 2021. С. 71.

⁴ *Крашенинников П. В.* Семь жизней графа Михаила Сперанского. С. 72.

Пришло время соединить ключевые смыслы, заложенные во введении, прологе и эпилоге.

В течение золотого века, как отмечает П. В Крашенинников, сменилось три технологических уклада:

- в ходе первого механизация производства заменила мускульную энергию человека и животных;
- в ходе второго появляются паровые машины, пароходы, паровозы, железные дороги;
- в ходе третьего появляется двигатель внутреннего сгорания, получает широкое распространение электрическая энергия.

Естественно, существенно меняется структура общества. Система управления должна быть адекватна происходящим изменениям. Готовы ли были российское самодержавие, российское дворянство, другие социальные группы перестраиваться на ходу? До определенного предела, да. Вместе с тем, как подчеркивает автор, укорененное в представителях дома Романовых чувство ответственности за державу они считали невозможным с кем-либо разделить: «...и это чувство не мог поколебать даже инстинкт самосохранения» (с. 348). Следование принципу незыблемости самодержавной власти привело к тому, что в самый ответственный момент для империи рядом с императором не оказалось его ответственной бюрократии, готовой к тандемным правилам взаимодействия и способной разделить ответственность за судьбу страны. Десятилетия кропотливой реформаторской работы в контексте золотой середины были перечеркнуты в 1917 г.

Книга созвучна сегодняшнему времени рядом запоминающихся сюжетов. Например, мы «вкатываемся» в повествование (после введения и пролога) через перечисление фактов и событий, которые дают нам повод в последующем нет-нет да и соотнести прочитанное с сегодняшним днем. Судите сами.

Александр Павлович Романов (будущий император Александр I) родился во время царствования его бабушки Екатерины Великой: «Она назвала его в честь Александра Македонского и Александра Невского», — читаем мы на с. 26. С одной стороны, несомненный пассионарий, культовая фигура для западной цивилизации, стремившийся создать единый этнос «из эллинов и восточных людей»⁵, с другой — стержневая фигура российской цивилизации, князь — победитель католичества, отказавшийся поступиться православной верой, несмотря на посулы Ватикана⁶. Александра I, таким образом, с раннего детства готовили к роли наиболее выдающегося правителя если не мира, то Европы (с. 63).

Брата Александра Павловича, Константина, императрица назвала в честь Константина Великого, который, как мы знаем, перенес столицу Римской империи в 330 г. н.э. в Византию. В этом имени и мечты о греческом проекте Екатерины — захват Константинополя, возрождение Византийской державы во главе с Константином Павловичем, и перезвоны концепции «Москва — третий Рим» псковского монаха Филофея: «Два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти». Уже в этих решениях императрицы чувствуется цивилизаторский размах,

⁵ См. подробнее: *Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало. М.: АСТ, 2018. С. 79—87, 276—277.

⁶ См. подробнее: *Овсянников В.* Александр Невский в русской литературе // Аврора. 2021. № 1. С. 125—127.

достойный эпохи Великих реформ, программирующий последующие поступки действующих лиц — героев книги.

Еще один пример созвучия повествования с сегодняшним днем мы находим в параграфе 14, посвященном Дмитрию Ивановичу Мейеру (с. 180—199). «Отец русского гражданского права», чей учебник и сейчас используется в вузах, выступил инициатором создания и организатором первых юридических клиник. При этом он не только вовлек в эту работу студентов, но и сам участвовал в работе клиник, оказывая безвозмездную помощь тем, кто в ней нуждался. Это безусловное подвижничество в деле соединения юридической науки, образовательного процесса и юридической практики в интересах людей сегодня реализуется в десятках вузов Российской Федерации⁷. Можно сказать, что дело Д. И. Мейера продолжает жить и приносить пользу людям.

В заключение простой вывод: эта книга стóит того, чтобы ее прочитать. Она дает ответ на вопрос, почему современному юристу нельзя замыкаться только в рамках отраслевого юридического материала и важно уделять внимание истории, естественным наукам, а также быть в курсе общественных трансформаций.

⁷ Список юридических клиник / Министерство юстиции Российской Федерации // URL: minjust.gov.ru.

Регламент как источник российского права: понятие и виды

Аннотация. Статья посвящена особой разновидности нормативных правовых актов — регламентам. В связи с тем, что на сегодняшний день в России существует большое видовое многообразие таких источников права, как регламенты, возникает необходимость не только их классификации, но и полноценного исследования как самостоятельного источника российского права.

В статье рассматриваются сущностные характеристики регламентов, на основании проведенного анализа особенностей регламентов, являющихся составной частью российской правовой системы, дается авторское определение регламента. Обозначаются функции, выполняемые регламентами в механизме правового регулирования.

Все разнообразие регламентов, действующих в России, подразделяется на различные группы, в зависимости от избранных классификационных критериев. Классификация позволяет рассмотреть специфические черты отдельных видов регламентов, что, в свою очередь, крайне важно для уяснения правовой природы регламентов как источников российского права.

Ключевые слова: регламент, источники права, нормативные правовые акты, правовое регулирование.

Варвара Алексеевна НАЗАЙКИНСКАЯ,

преподаватель
Департамента
теории права и
сравнительного
правоведения
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)

vary07@bk.ru

109028, Россия,

г. Москва, Большой
Трехсвятительский пер.,
д. 3

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.225-232

Varvara A. NAZAYKINSKAYA,

Lecturer of the School
of Theory of Law and Comparative Law
of the National Research University
“Higher School of Economics” (HSE)

vary07@bk.ru

3, Bolshoy Trekhsvyatitelskiy per., Moscow, Russia, 109028

Regulation as a source of Russian law: concept and types

Abstract. The article is devoted to a special kind of normative legal acts — regulations. Due to the fact that today in Russia there is a large variety of such sources of law as regulations, there is a need not only for their classification, but also for their full study as an independent source of Russian law. The article examines the essential characteristics of the regulations, based on the analysis of the features of the regulations, which are an integral part of the Russian legal system, the author’s definition of the regulations is given. The functions performed by the regulations in the mechanism of legal regulation are indicated.

© Назайкинская В. А., 2023

The whole variety of regulations in force in Russia is divided into different groups, depending on the selected classification criteria. The classification allows us to consider the specific features of certain types of regulations, which, in turn, is extremely important for understanding the legal nature of regulations as sources of Russian law.

Keywords: regulations, sources of law, normative legal acts, legal regulation.

Правовая система Российской Федерации постоянно изменяется: принимаются новые разнообразные нормативные правовые акты, существующий нормативный массив дополняется и трансформируется, динамично развиваются отношения, требующие правового опосредования. Основным источником российского права, доминирующим в количественном отношении, является нормативный правовой акт. Так, по состоянию на 02.02.2023 в информационном банке данных «Нормативные правовые акты Российской Федерации» Министерства юстиции РФ было 14 325 095 нормативных правовых актов, из них 71 421 являются нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти¹. Также следует отметить, что с 2005 по 2022 г. был зарегистрирован 2 121 приказ об утверждении административных регламентов².

Поскольку в настоящее время регламенты имеют значительное распространение в российской правовой системе, возникает необходимость выявления и исследования специфических черт данного правового феномена.

Прежде всего, обращение к этимологии термина «регламент» показывает, что у этого слова латинские корни. Оно сформировалось путем слияния двух составных частей: *regula* и *regere*. Буквальный перевод слова *regula* означает «норма», «правило», «эталон», *regere* — «распорядок», «контроль», «управление». Перевод анализируемого термина с французского языка также позволяет приблизиться к пониманию его сущности: *reglement* переводится как «правило», «распорядок».

В российскую юридическую терминологию данное понятие вошло относительно давно, оно активно использовалось в различных сферах правовой деятельности, на разных этапах развития российской правовой системы. В большинстве случаев данным термином обозначается порядок работы органов власти, учреждений, различных организаций³.

В юридическом энциклопедическом словаре даны несколько важнейших для настоящего исследования характеристик регламента: во-первых, регламент является нормативным правовым актом; во-вторых, предметом регулирования анализируемого нормативного правового акта выступает внутренняя организация, а также порядок деятельности определенного органа и его подразделений, порядок ведения собраний, съездов, сессий, заседаний⁴.

¹ Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.ru> (дата обращения: 02.02.2023).

² URL: <https://minjust.ru>.

³ Ноздрачев А. Ф. Системная регламентация административной деятельности: отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 5—6.

⁴ Юридический энциклопедический словарь / под ред. В. Е. Крутских. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2004.

В юридической энциклопедии содержится еще одно важное дополнение: в большинстве случаев регламенты принимаются той государственной либо негосударственной организацией, внутреннему устройству и порядку деятельности которой они посвящены⁵. Представляется целесообразным дополнить данное определение указанием на органы, которые тоже могут принимать регламенты. Возможно также указание на то, что в данном случае термин «организация» употреблен в широком смысле и включает в себя органы власти различных уровней.

Особенности регламентов, действующих в российской правовой системе, в первую очередь обусловлены тем, что *данные правовые акты являются нормативными*, они являются результатами нормотворчества⁶.

Наличие норм права определяет такой важнейший признак нормативного правового акта, как неперсонифицированность, предполагающая распространение его действия на неограниченный круг лиц, отсутствие индивидуального характера.

Важной характеристикой регламентов является то, что они могут иметь *различную юридическую силу*. Категория «юридическая сила» дает представление о системных связях и зависимостях, пронизывающих как всю правовую систему в целом, так и отдельные отрасли законодательства⁷.

В большинстве случаев юридическая сила связана с такими характеристиками, как общая и нормотворческая компетенция принявшего нормативный правовой акт органа, а также с его местом в механизме и аппарате государства. Ю. А. Тихомиров отмечает, что вид государственного органа взаимосвязан с конкретными видами принимаемых им актов. Так, законы принимаются представительными и законодательными органами Российской Федерации и ее субъектов, постановления — это вид актов Правительства РФ и республик в ее составе, инструкции являются актами федеральных министерств и министерств республик⁸.

Как правило, данная связь действительно прослеживается, однако существующее многообразие регламентов в российской правовой системе свидетельствует о наличии исключения из обозначенного правила. Регламенты принимаются широким кругом субъектов, носят универсальный характер.

Регламенты *закрепляют юридические процедуры*, следовательно, они являются процедурными актами. Под юридической процедурой мы будем понимать определенную последовательность действий, направленных на достижение юридически значимого результата (цели). Так, например, согласно п. 89 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации предоставление государственной услуги включает следующие административные процедуры: 1) прием и регистрация заявления и

⁵ Юридическая энциклопедия / под ред. Б. Н. Топорнина. М., 2001.

⁶ См.: Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для вузов / Ю. Г. Арзамасов [и др.] ; под ред. Ю. Г. Арзамасова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020. С. 46—88.

⁷ Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М. : Формула права, 2010. С. 234.

⁸ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 238.

документов, необходимых для предоставления государственной услуги; 2) формирование и направление межведомственного запроса; 3) рассмотрение документов и принятие решения; 4) оформление документов, подтверждающих результат предоставления государственной услуги; 5) выдача документов, подтверждающих результат предоставления государственной услуги⁹.

Регламенты закрепляют также круг субъектов, реализующих соответствующие юридические процедуры и сроки выполнения отдельных действий. Таким образом, происходит мельчайшая детализация и конкретизация правовых предписаний.

Регламенты являются *кодифицированными нормативными правовыми актами*. Кодификация предполагает наиболее полную переработку нормативного материала. Кодифицированный характер регламентов подчеркивает специфику закрепления в них правовых норм, а также структуру регламентов, их особую юридическую конструкцию.

Юридическую конструкцию можно сравнить с определенной схемой, образцом, с помощью которых нормативный материал обретает определенную форму, в данном случае — форму регламента. Юридическая конструкция является идеальной моделью, отражающей внутреннюю структуру правового понятия, за счет чего обеспечивается логическое построение нормативного материала¹⁰.

Регламенты содержат следующие структурные элементы: общие положения, перечень реализуемых юридических процедур с указанием состава, последовательности и сроков выполнения соответствующих действий, порядок и формы контроля за исполнением регламента, досудебный (внесудебный) порядок обжалования решений и действий (бездействия) органа и должностных лиц, участвующих в процессе реализации соответствующих юридических процедур.

Состав и последовательность обозначенных элементов может варьироваться в зависимости от конкретных видов регламентов, однако представленная модель является достаточно показательной.

Как известно, кодификация позволяет преодолевать множественность нормативных правовых актов, поскольку на месте нескольких актов в конечном итоге возникает один нормативный правовой акт, носящий кодифицированный характер. Нормативные положения, содержащиеся в регламентах, как правило, взяты из иных, ранее существовавших нормативных правовых актов. В качестве примера можно привести Административный регламент МВД России по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования¹¹,

⁹ Приказ МВД России от 31.12.2017 № 984 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» (зарегистрирован в Минюсте России 05.04.2018 № 50635) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.04.2018.

¹⁰ Нормография: теория и технология нормотворчества. С. 124.

¹¹ Приказ МВД России от 27.09.2019 № 660 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или)

большинство норм которого ранее содержались в Инструкции о порядке предоставления гражданам справок о наличии (отсутствии) у них судимости¹².

Еще одним признаком регламента как источника права является то, что он носит *вторичный характер*, поскольку служит реализации положений другого нормативного правового акта, имеющего первичный характер. Отметим, что данная специфическая черта распространяется не только на регламенты, имеющие юридическую силу подзаконных актов, для которых такая характеристика является обязательной, поскольку подзаконные акты принимаются на основании и во исполнение закона, в чем и проявляется их подзаконный характер. Так, например, в развитие положений Федерального закона «О техническом регулировании»¹³ принят Технический регламент о требованиях пожарной безопасности¹⁴, утвержденный, в свою очередь, федеральным законом.

Первичными актами по отношению к регламентам могут выступать нормативные правовые акты различной юридической силы. Так, принятие регламентов Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации является реализацией положений Конституции РФ, а именно положений ч. 4 ст. 101, в которой установлено, что «каждая из палат принимает свой регламент и решает вопросы внутреннего распорядка своей деятельности»¹⁵.

Не только законы и подзаконные акты государственных органов могут выступать в качестве нормативных правовых актов, положения которых развивают регламенты. Это могут быть акты международных организаций, международные договоры, нормативные правовые акты органов местного самоуправления, локальные акты. Например, Всемирная почтовая конвенция¹⁶ предусматривает принятие Общего регламента Всемирного почтового союза, Регламента почтовых посылок, Регламента письменной корреспонденции.

Можно заключить, что регламенты развивают положения нормативных правовых актов, обладающих либо большей юридической силой, чем сами регламенты, либо такой же юридической силой.

факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования» (зарегистрирован в Минюсте России 29.01.2020 № 57322) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.01.2020.

¹² Приказ МВД РФ от 01.11.2001 № 965 (ред. от 17.11.2005) «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления гражданам справок о наличии (отсутствии) у них судимости» (зарегистрирован в Минюсте РФ 11.01.2002 № 3153) // Российская газета. 23.01.2002. № 13.

¹³ Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О техническом регулировании» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.12.2021) // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. I). Ст. 5140.

¹⁴ Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. I). Ст. 3579.

¹⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

¹⁶ Всемирная почтовая конвенция (Стамбул, 6 октября 2016 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

Отметим, что вторичный характер регламентов не должен приводить к ошибочному выводу о второстепенности данных нормативных правовых актов в механизме правового регулирования, что подводит нас к вопросу о функциях регламентов как источников российского права.

Основываясь на исследованных специфических чертах регламентов, можно утверждать, что регламенты конкретизируют и детализируют положения других нормативных правовых актов, являются результатом развивающего правотворчества. По мнению Н. А. Власенко, конкретизация позволяет преодолеть состояние неопределенности¹⁷. Таким образом, регламенты способствуют реализации принципа правовой определенности.

Закрепляя юридические процедуры, регламенты обозначают их четкий порядок, сроки, действия и т.д., что позволяет говорить об их антикоррупционном потенциале, направленности на повышение эффективности управленческой деятельности. Особая конструкция регламента позволяет детально урегулировать взаимодействие должностных лиц и граждан, что, в свою очередь, является инструментом борьбы с возможными злоупотреблениями со стороны уполномоченных субъектов.

Проведенный анализ особенностей регламентов, являющихся составной частью российской правовой системы, позволяет предложить следующую дефиницию: *регламент — специальный кодифицированный нормативный правовой акт, развивающий положения нормативных правовых актов, обладающих большей или равной юридической силой, особая юридическая конструкция которого закрепляет совокупность юридических процедур, а также субъектов, сроков и результатов реализации таких процедур.*

Регламенты по своему содержанию неоднородны, что обусловлено главным образом различиями закрепляемых ими юридических процедур, спецификой предмета их регулирования. Основываясь на данном классификационном критерии, представляется возможным выделить следующие виды регламентов:

- 1) регламенты, посвященные вопросам внутренней организации тех или иных органов;
- 2) регламенты, предметом регулирования которых выступает взаимодействие органов между собой;
- 3) регламенты предоставления государственных и муниципальных услуг;
- 4) регламенты осуществления контроля и надзора;
- 5) должностные регламенты;
- 6) технические регламенты.

По уровню правового регулирования регламенты делятся на *федеральные, региональные, муниципальные и локальные.*

Поскольку общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью российской правовой системы в соответствии с положениями ст. 15 Конституции Российской Федерации, исследуя регламенты как источники российского права, следует также вести речь о существовании *международных и внутригосударственных*

¹⁷ Власенко Н. А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7 (211). С. 68.

регламентов. Примером международного регламента является Регламент компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц, принятый в рамках Содружества Независимых Государств¹⁸.

Как отмечалось ранее, одной из особенностей регламентов является то, что они могут обладать различной юридической силой. На этом основании регламенты можно подразделить на: *имеющие силу закона*¹⁹ и *имеющие силу подзаконного акта*.

В зависимости от того, какой из источников права является первичным по отношению к регламенту, можно выделить две группы: *регламенты, развивающие положения нормативных правовых актов*, и *регламенты, развивающие положения нормативных договоров*, примерами которых являются Регламент международной электросвязи и Регламент радиосвязи, развивающие положения Конвенции Международного союза электросвязи²⁰.

В зависимости от направленности закрепляемых юридических процедур регламенты могут быть подразделены на *внутриорганизационные* и *внешнеориентированные*, иначе — *внутренние* и *внешние* регламенты. При этом хронологически первыми возникли именно внутренние регламенты. Так, задолго до появления регламентов, ориентированных на предоставление услуг населению и реализацию функций соответствующих компетентных органов, существовали, например, регламенты обеих палат российского парламента.

Следующий критерий — это степень обобщенности регламентов, в зависимости от которой они подразделяются на *конкретные* и *типовые*. Типовые регламенты служат образцом, на основании которого органы власти принимают соответствующие конкретные регламенты. Конкретных регламентов в российской правовой системе огромное множество, типовые же регламенты не столь многочисленны.

По времени действия регламенты делятся на *постоянные* и *временные*. Постоянные регламенты имеют бессрочный характер, они действуют до тех пор, пока не будут отменены. Большинство существующих на сегодняшний день регламентов являются постоянными. Временные регламенты предполагают ограниченность действия таких регламентов во времени²¹.

¹⁸ Решение Совета глав правительств СНГ от 30.10.2015 «О Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2016. № 11.

¹⁹ Федеральный закон «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».

²⁰ Конвенция Международного союза электросвязи (Женева, 22.12.1992) // СЗ РФ. 1996. № 48. Ст. 5370.

²¹ В качестве примера можно привести Временный регламент организации и оказания консультативной медицинской помощи с применением телемедицинских технологий гражданам с подтвержденным диагнозом новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также с признаками или подтвержденным диагнозом внебольничной пневмонии, острой респираторной вирусной инфекцией, гриппа, получающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях (на дому), утв. приказом Минздрава России от 19.03.2020 № 198н (ред. от 22.12.2022). Данный Регламент действует до 01.01.2024.

По форме внешнего выражения регламенты можно подразделить на *электронные регламенты* и *регламенты, издаваемые в бумажном виде*.

Представленная классификация регламентов не является исчерпывающей, однако позволяет акцентировать внимание на наиболее важных для целей настоящей статьи разновидностях анализируемых источников права.

Проведенное исследование позволило выявить специфические черты регламентов, определяющие функции, выполняемые данными источниками права в российской правовой системе. Регламенты, действующие в современной России, являются нормативными правовыми актами, имеющими различную юридическую силу. Они обладают кодифицированным, процедурным, вторичным характером, а также выступают важным управленческим инструментом.

Важность роли, которую на сегодняшний день играют регламенты в системе источников российского права, а также их значительное разнообразие позволяют ставить вопрос о существовании особого типа регулирования общественных отношений с помощью разветвленной системы регламентов: начиная от конкретных организаций и муниципалитетов и заканчивая международным уровнем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Власенко Н. А.* Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. — 2014. — № 7 (211). — С. 60—75.
2. *Ноздрачев А. Ф.* Системная регламентация административной деятельности: отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. — 2011. — № 8. — С. 5—41.
3. Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для вузов / Ю. Г. Арзамасов [и др.] ; под ред. Ю. Г. Арзамасова. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Юрайт, 2020. — 542 с.
4. *Тихомиров Ю. А.* Правовое регулирование: теория и практика. — М. : Формула права, 2010. — 398 с.
5. Юридическая энциклопедия / под ред. Б. Н. Топорнина. — М., 2001.
6. Юридический энциклопедический словарь / под ред. В. Е. Крутских. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Инфра-М, 2004.

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ

Обзор Всероссийского научного симпозиума «Рясенцевские чтения»

16—17 февраля 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) проходил I Всероссийский научный симпозиум, посвященный памяти выдающегося ученого, основателя цивилистической школы Университета, Владимира Александровича Рясенцева.

В рамках научного симпозиума состоялись пленарное заседание и восемь круглых столов по актуальным проблемам гражданского права, а также была организована культурная программа: экскурсия в Большой академический театр и посещение Российской академии художеств.

На пленарном заседании с приветственными словами к участникам научного симпозиума обратилась первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Инна Владимировна Ершова. Проректор рассказала о пути формирования В. А. Рясенцева как ученого, о его значительном вкладе в развитие гражданского права как науки, гражданского, жилищного и семейного законодательства. Инне Владимировне посчастливилось слушать лекции по гражданскому праву Владимира Александровича, поэтому она поделилась своими воспоминаниями о нем как о прекрасном лекторе и строгом педагоге, талантливом творческом человеке.

Рассказ о В. А. Рясенцеве продолжил доктор юридических наук, профессор Евгений Валерьевич Вавилин (ныне заведующий кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)). Он отметил, что Владимир Александрович возглавлял кафедру гражданского и семейного права 40 лет, что является научным и педагогическим подвигом.

На мероприятии был показан документальный фильм о В. А. Рясенцеве, специально снятый к открытию научного мероприятия¹.

На пленарном заседании выступили заведующий кафедрой гражданского права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Е. А. Суханов; ректор Российского государственного университета правосудия,

¹ Режиссер-постановщик, оператор фильма — К. Акуленко, автор аранжировки / музыкального оформления фильма — член Союза композиторов РФ С. Новикова-Бородинна, автор сценария — Е. А. Моргунова. Активное участие в подготовке фильма приняли аспиранты кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА): Е. Сынкова, М. Подсущная, М. Семенов, А. Филиппович, студент Е. Афанасьева.

доктор юридических наук, профессор В. В. Кулаков; доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Л. Ю. Василевская; доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ М. Н. Малеина; заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ М. Н. Илюшина; заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, доктор юридических наук И. А. Емелькина.

В начале своего выступления Е. А. Суханов обратил внимание на то, что Владимир Александрович был оппонентом по его докторской диссертации и был очень доброжелательным, но при этом требовательным. Главная мысль, которую Евгений Алексеевич хотел донести до участников симпозиума уже в ходе выступления по теме своего доклада, заключалась в том, что гражданское право не должно быть зеркальным отражением экономической деятельности, что у права и у экономики разное целеполагание. Юристы ратуют за справедливость, а экономисты — за прибыль. От экономизма гражданского права нужно переходить к правовому анализу экономики и нельзя цивилистическую науку доводить до уровня служанки политэкономии.

В. В. Кулаков остановился на межотраслевой связи гражданского и семейного права, обратил внимание на необходимость правильного понимания сущности тех или иных отношений, на то, что в основе разноотраслевых отношений лежат разные социально-экономические начала. Принципы права представляют собой особые формы права для судебной практики и исполнительных органов. Выступающий привел интересные примеры из судебной практики по рассматриваемой теме, обратил внимание на важное значение правильного определения отраслевой принадлежности тех или иных общественных отношений.

Л. Ю. Василевская посвятила свое выступление цифровизации гражданского оборота. Рассмотрев существо блокчейна, она подчеркнула, что он не гарантирует достоверности сведений, невозможности их изменения, поскольку за 15 минут систему блокчейна можно с легкостью взломать и изменить данные. Профессор отметила важность защиты прав и интересов участников гражданских отношений в связи с развитием и использованием блокчейна. Также значительное внимание было уделено рассмотрению существа смарт-контракта. Людмила Юрьевна особо подчеркнула, что смарт-контракт — это не договор. Также в ходе выступления были затронуты вопросы о цифровом имуществе и месте искусственного интеллекта в гражданском обороте.

Профессор Е. А. Суханов в продолжение выступления Л. Ю. Василевской отметил, что цифровые права не требуют особого правового режима, поскольку это не какой-то особый вид прав. В определении цифровых прав было использовано определение бездокументарных ценных бумаг, которые ценными бумагами по своей сути не являются, к ним невозможно применение виндикации.

С очень содержательным и фундаментальным докладом выступила профессор, заслуженный юрист РФ М. Н. Малеина, начав его с теплых слов о своем учителе и научном руководителе профессоре В. А. Рясенцеве. Когда она начинала

работать, на кафедре гражданского и семейного права было всего 13 человек, и это была самая большая кафедра в ВЮЗИ. Владимира Александровича как организатора отличало чувство справедливости, он всегда выступал миротворцем в коллективе. Выступление Марины Николаевны было посвящено современным тенденциям осуществления, охраны и защиты личных неимущественных прав граждан. Профессор обратила внимание, что тенденции развития частного права, отдельных отраслей права, отдельных подотраслей и институтов права вызваны внешними причинами, в частности политическими, социальными, экономическими, научно-техническими, и внутренними причинами, обусловленными изменениями в мировоззрении человека, его взглядов на окружающий мир и на самого себя.

В докладе были даны разные классификации тенденций осуществления, охраны и защиты личных неимущественных прав граждан. Особое внимание в ходе выступления было уделено праву на неприкосновенность личной свободы, которое ограничивается в условиях санкций недружественных стран и санкций международных организаций. М. Н. Малеина отметила эффективность в современных условиях применения мер самозащиты и реторсий. Профессором было отмечено и обосновано, что реторсии не являются мерами гражданско-правовой ответственности. Также было уделено особое внимание трансформации осуществления и защиты личных неимущественных прав в условиях цифровизации, обосновано и показано на примерах, какие права в каких видах отношений, связанных с применением цифровых технологий, нарушаются. Были сделаны выводы, имеющие важное значение для развития доктрины и правового регулирования личных неимущественных отношений в условиях цифровизации.

Профессор М. Н. Илюшина в ходе своего выступления обратила внимание, что не могут ко всем корпоративным отношениям применяться конструкции обязательственного и договорного права. Докладчик также отметила, что в настоящее время происходит процесс унификации корпоративного инструментария.

Выступление профессора И. А. Емелькиной было посвящено рассмотрению права на недвижимое имущество в системе частного права. Особое внимание в ходе выступления было обращено на соотношение права собственности на земельный участок и права собственности на здания и сооружения на земельном участке.

После работы пленарного заседания два дня проходили заседания круглых столов. В работе круглых столов приняли участие ученые МГУ имени М. В. Ломоносова, Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ, Российского государственного университета правосудия, Белорусского государственного университета, ИНИОН РАН, Воронежского государственного университета, Пермского государственного национального исследовательского университета, Новосибирского государственного университета экономики и управления, Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, Национального исследовательского Томского государственного университета, ИНИОН РАН, Саратовской государственной юридической академии, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, Волгоградского

государственного университета, Академии управления МВД России, Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова, Института права Уфимского университета науки и технологий, Российской государственной академии интеллектуальной собственности, Алтайского государственного университета, Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева и многих других научных и образовательных учреждений, а также представители судов, адвокаты и работники юридических служб организаций.

Два круглых стола были организованы для молодых ученых. Один из них — для аспирантов и соискателей на тему «Современная цивилистика: векторы развития глазами молодых ученых». Ведущими круглого стола выступили доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Е. Б. Козлова и кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) И. З. Аюшеева. Второй круглый стол был организован для студентов и магистрантов по теме «Гражданско-правовой статус личности», ведущими круглого стола были кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Д. А. Белова и кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права А. Я. Ахмедов.

Активным участникам научного симпозиума была вручена книга В. А. Рясенцева «Семейное право. Советское изобретательское право», составленная преподавателями кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Б. А. Булаевским и Е. А. Моргуновой.

Обзор работы круглого стола «Личные неимущественные права в условиях применения современных технологий»

16 февраля 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках научного симпозиума, посвященного выдающемуся цивилисту Владимиру Александровичу Рясенцеву, прошел круглый стол «Личные неимущественные права в условиях применения современных технологий».

Модераторами круглого стола выступили М. Н. Малеина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), и А. В. Качалова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В работе круглого стола приняли участие представители ведущих российских и зарубежных юридических центров и вузов. С докладом «История включения личных неимущественных прав в предмет гражданского права», вызвавшим оживленное обсуждение, выступил руководитель отдела договорного права Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ, доктор юридических наук В. Л. Слесарев.

Это направление продолжил декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук С. Ю. Морозов. В его докладе «Система неимущественных отношений в гражданском праве России» был поставлен вопрос о квалификации организационных отношений в предмете гражданского права.

Поскольку тематика круглого стола охватывала неимущественные права разных субъектов, в выступлении профессора кафедры гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора юридических наук Д. В. Ломакина органично было раскрыто право на информацию участников обществ с ограниченной ответственностью.

Ряд сообщений были посвящены отдельным личным неимущественным правам граждан. Заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана, доктор юридических наук И. Х. Бабаджанов познакомил участников с трактовкой таких нематериальных благ, как жизнь и смерть по Гражданскому кодексу Республики Таджикистан.

Право на здоровье было раскрыто на интересных примерах заведующим кафедрой уголовного права Пензенского государственного университета, доктором юридических наук Г. Б. Романовским. В онлайн-сообщении доцента кафедры нотариата юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидата юридических наук М. Л. Нохриной было определено содержание права личной свободы.

Дискуссию вызвало выступление доцента кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева,

кандидата юридических наук Е. М. Подрабинок на тему «Специфика защиты достоинства личности».

Два выступления были посвящены квалификации персональных данных как объектов прав. Доценты кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидаты юридических наук В. И. Солдатова и Л. К. Острикова представили разные точки зрения о природе персональных данных и рисках при их защите.

На круглом столе были обсуждены также вопросы специфики защиты личных неимущественных прав. Профессор кафедры международного частного и гражданского права имени С. Н. Лебедева МГИМО (У) МИД России, основатель Коллегии адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов и партнеры», доктор юридических наук Ю. Э. Монастырский раскрыл тему «Возмещение убытков в системе ответственности за нарушение личных прав», а доцент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук В. А. Гончарова обратила внимание на проблемы применения разъяснений Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда. В дискуссию по вопросам ответственности вступила доцент кафедры гражданского права юридического факультета СПбГУ, кандидат юридических наук А. К. Губаева.

Круглый стол прошел оживленно, интересно, плодотворно.

Обзор работы круглого стола «Правовой статус и правосубъектность»

Круглый стол «Правовой статус и правосубъектность» прошел в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 16 февраля. Ведущими круглого стола выступили В. В. Долинская, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Университета, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, и Анисимов Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Университета.

В работе круглого стола приняли участие ведущие ученые и специалисты по гражданскому и семейному праву, жилищному, банковскому и другим отраслям права, в том числе Б. М. Гонгало, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, директор Уральского филиала Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ, заслуженный юрист РФ, член Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства; Д. А. Пашенцев, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженный работник высшей школы РФ; А. М. Рабец, доктор юридических наук, профессор, ведущий аналитик лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ; А. К. Андреев, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, заслуженный деятель науки РФ; Л. В. Андреева, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник ВПО РФ; В. Д. Рузанова, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева; Т. В. Летута, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Оренбургского государственного университета, доцент кафедры гражданского права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), С. А. Муратова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и др.

На круглом столе обсуждались вопросы о факторах, которые влияют на правовой статус и правосубъектность физического лица, в том числе влияние семейного положения физического лица на корпоративные и предпринимательские отношения. Были рассмотрены вопросы о субъектах семейных правоотношений, понятие семьи, виды отношений между членами семьи, подлежащие семейно-правовому и гражданско-правовому регулированию. Не остался без внимания и вопрос об опеке и попечительстве. С. А. Муратовой было предложено выделять гражданско-правовую и семейно-правовую опеку. В. Д. Рузанова обратила внимание на особый статус и правосубъектность самозанятых.

Значительное внимание в ходе работы круглого стола было уделено правосубъектности юридического лица. Так, в ходе выступлений по самым различным темам отмечалось, что правовой статус и правосубъектность зависят не только и не столько от организационно-правовой формы юридического лица, сколько от вида деятельности, которую оно осуществляет. Также было отмечено, что в гражданском обороте нередко выступает группа лиц как единый хозяйствующий субъект, не имеющий правосубъектности. Оживленно обсуждался статус информационных посредников. Было отмечено, что название «посредники» не точно передает их статус, последний будет различаться в зависимости от вида гражданских правоотношений, в которых они участвуют.

На круглом столе также своими воспоминаниями о выдающемся ученом В. А. Рясенцеве поделилась А. М. Рабец. Она отметила мягкость, интеллигентность, доброжелательность и доверительность Владимира Александровича. В заключение работы круглого стола был показан документальный фильм о В. А. Рясенцеве.

Обзор работы круглого стола «Влияние цифровой трансформации экономики на частнопроводную доктрину»

Ведущими круглого стола «Влияние цифровой трансформации экономики на частнопроводную доктрину» были Д. Е. Богданов, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), и В. И. Образцова, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Работа круглого стола началась с доклада кандидата юридических наук, доцента кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) И. З. Аюшеевой на тему «Особенности договоров по коллективному использованию товаров и услуг в условиях развития платформенной экономики». Она обратила внимание на разные модели отношений совместного потребления. В выступлении было отмечено, что складывающиеся отношения совместного потребления опосредуются гражданско-правовыми договорами разных видов — как предусмотренных, так и не предусмотренных ГК РФ, кроме того, участниками данных отношений могут заключаться и смешанные договоры, включающие условия различных видов договоров.

С не менее интересным докладом о влиянии цифровой трансформации на защиту прав потребителей при заключении банковских сделок выступила доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия А. А. Ананьева. В частности, она рассказала о том, как мошенники дистанционно заключали кредитные договоры от имени других лиц, пользуясь их кодами, паролями, и эти кредитные договоры считались заключенными. Потерпевшие могли предъявлять иски только к тем, кто совершил за них эти сделки, и таким образом защищать свои интересы.

Ключевым событием, изменившим подход судов к квалификации возникающих при дистанционном заключении кредитных договоров мошенниками, послужило определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2022 г. № 5-КГ22-127-К2. Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что сделка является выражением воли лица, направленным на возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Если волеизъявления лица не было, то и сделки не было. Также в определении Суда обращается внимание, что банк как профессиональный участник должен принимать повышенные меры предосторожности. А. А. Ананьева отметила, что нужно дифференцированно подходить к квалификации отношений при заключении договоров дистанционным путем в зависимости от субъектного состава сторон.

Выступление Х. Д. Пирцхалавы, кандидата юридических наук, доцента кафедры международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) было посвящено смарт-контрактам в рамках интеграционных объединений. Докладчик обратила внимание на то, что с развитием цифровых технологий

упрощается процедура заключения договоров, однако остро встает вопрос о защите персональных данных, и этот вопрос касается каждого.

Продолжил вопрос о смарт-контрактах доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Д. Е. Богданов. В рамках доклада «Цивилистическая доктрина в условиях цифровизации: формализация ризомы и содержание твердого ядра» Дмитрий Евгеньевич отметил, что смарт-контракт — не договор, это просто код, определяющий последовательность операций. Никакого договорного права 2.0 не возникло. Также профессор высказал свою позицию о том, что право не должно быть релевантным цифровым технологиям.

Обзор работы круглого стола «Проблемы гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения»

Ведущими круглого стола «Проблемы гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения» были О. М. Родионова, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, и В. Д. Кравец, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Открыло работу круглого стола выступление кандидата юридических наук, ведущего научного сотрудника Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессора кафедры правовой охраны окружающей среды СПбГУ Н. И. Хлуденевой. на тему «О дефектах юридической конструкции возмещения вреда окружающей среде». Докладчик обратила внимание на несовершенство понятийного аппарата в экологическом праве, в частности на очень «просторное» определение понятия вреда окружающей среде.

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ В. В. Никишин осветил опыт российской судебной практики по компенсации морального вреда, причиненного в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды. О проблемах реализации принципа полного возмещения вреда окружающей среде, причиненного экологическим правонарушением, рассказала кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса НИ Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева И. Н. Жочкина, обратив внимание на разные способы возмещения вреда, методики возмещения вреда, причиненного водным объектам.

Проблемы, связанные с имущественной ответственностью за экологические правонарушения, были обозначены кандидатом юридических наук, доцентом кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) В. Д. Кравец, которая затронула вопросы соотношения понятий гражданско-правовой и экологической ответственности, определения размера убытков с учетом отдаленных последствий вредоносных действий.

В докладе о проблемах правоприменительной практики по делам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ М. В. Пономарев обратил внимание на сложности обоснования причинно-следственной связи между определенными действиями лица и вредом, причиненным окружающей среде.

Обзор работы круглого стола «Неимущественные интересы в семейном праве»

Круглый стол прошел 17 февраля 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Ведущими круглого стола выступили А. В. Елисеева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, и Б. А. Булаевский, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права.

В работе круглого стола участвовали С. В. Нарутто, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); А. Л. Родин, член Совета при Московской епархии, клирик храма Покрова Пресвятой Богородицы в Покровском-Стрешневе; А. М. Рабец, доктор юридических наук, профессор, ведущий аналитик лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; Н. А. Темникова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского; М. В. Громоздина, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления; Т. В. Шершень, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета; С. А. Глотов, доктор юридических наук, профессор, заведующий научной лабораторией актуальных проблем современного права Московского государственного областного педагогического университета; М. В. Ульянова, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия; О. И. Величкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Воронежского государственного университета; Н. В. Кравчук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН; М. А. Смирнов, председатель Правления автономной некоммерческой организации «Сообщество практиков образовательного семействования» и др.

В ходе работы круглого стола обсуждались понятие семьи, вопросы круга лиц, относящихся к членам семьи, интересов семьи, традиционных ценностей семьи, комплексного (публичного и частного) правового регулирования семейных отношений, осуществления опекуна одним супругом в отношении другого с сохранением супружеских отношений между ними, природы и порядка реализации права на общение с ребенком, права ребенка жить и воспитываться в семье и др.

Обзор работы круглого стола «Право. Искусство. Музыка. Театр»

Круглый стол прошел 17 февраля 2023 г. в здании Российской академии художеств. Ведущими круглого стола выступили А. Н. Лужина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, начальник Правового управления Российской академии художеств, и Е. А. Моргунова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Круглый стол был посвящен памяти Марины Максимовны Карелиной. В работе круглого стола приняли участие: В. В. Долинская, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); Н. В. Щербак, доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского права МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); Д. А. Братусь, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева; М. Ю. Овсянникова, начальник отдела интеллектуальной собственности Государственного академического Большого театра; М. С. Андрейкина, кандидат экономических наук, театральный менеджер; Е. Э. Чуковская, кандидат юридических наук, доцент, директор Научно-образовательного центра интеллектуальной собственности в цифровой экономике; Э. Р. Вальдес-Мартинес, директор Ассоциации правообладателей по защите и управлению авторскими правами в сфере изобразительного искусства; К. В. Марков, кандидат юридических наук, доцент Российского государственного художественно-промышленного университета имени С. Г. Строганова, почетный член Российской академии художеств, вице-президент ТСХР по правовым вопросам; С. В. Новикова-Бородина, член Союза композиторов России; В. С. Витко, кандидат юридических наук, аналитик Томского государственного университета; Н. В. Бузова, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия; Л. Я. Данилова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева; Ю. Н. Васёва, старший преподаватель кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, доцент кафедры цивилистического процесса Уральского филиала Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ, и др.

В ходе работы круглого стола обсуждались вопросы параллельного творчества, права музеев в отношении музейных коллекций, личных неимущественных авторских прав, соблюдения авторских прав при колоризации фотографических произведений, компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав, смежных прав на постановку спектакля и др.

Участники круглого стола смогли также осмотреть постоянные экспозиции Российской академии художеств.

По результатам работы симпозиума планируется издание монографии и сборника докладов ученых и аспирантов, посвященных памяти выдающегося ученого В. А. Рясенцева, а также сборника докладов студентов и магистрантов.

Кафедра гражданского права благодарит всех участников научного симпозиума за интересные дискуссии и проявленный интерес к мероприятию.

Автор обзора Всероссийского научного симпозиума
«Рясенцевские чтения»

(кроме обзора работы круглого стола
«Личные неимущественные права
в условиях сохранения современных технологий»):
кандидат юридических наук, доцент

Е. А. Моргунова,

авторы обзора работы круглого стола
«Личные неимущественные права

в условиях применения современных технологий»:
доктор юридических наук, профессор

М. Н. Малеина,

кандидат юридических наук, доцент
А. В. Качалова

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Памятники права

После октября 1917 г. новое советское правительство, провозгласившее неизбежность победы коммунизма и ставившее задачу ломки старой государственной машины, реализовало марксистские идеи о ликвидации частной собственности. Идея национализации земли станет главенствующей для Ленина и большевистской партии в ее политической, а с осени 1917 г. — и в практической деятельности.

В связи с этим в Советском государстве довольно быстро был преобразован институт собственности и заложена основа для принципиально иного статуса собственности в государстве.

В настоящем выпуске журнала мы публикуем некоторые нормативные правовые акты, связанные с формированием нового института собственности в СССР: Декрет ВЦИК РСФСР от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» и Декрет ВЦИК «Об отмене наследования».

Декрет ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах»

Ст. 1. Отменяется право частной собственности на все без исключения участки, как застроенные, так и не застроенные, принадлежащие как частным лицам и промышленным предприятиям, так и ведомствам и учреждениям, находящиеся в пределах всех городских поселений.

Ст. 2. В городских поселениях с числом жителей свыше 10 000 отменяется право частной собственности на все строения, которые вместе с находящейся под ними землей имеют стоимость или доходность свыше предела, установленного органами местной власти.

1-е примечание к ст. 2. Действие настоящего Декрета распространяется также на строения, находящиеся на арендованной земле.

2-е примечание к ст. 2. Во всех без исключения городских поселениях органам местной власти принадлежит право устанавливать арендную плату за остающиеся в пользовании частных лиц, обществ или установлений земельные участки, как застроенные, так и не застроенные.

3-е примечание к ст. 2. Во владениях, в коих согласно настоящей статье строения остаются в частной собственности, излишки земельных участков сверх норм, устанавливаемых органами местной власти, передаются в общий земельный фонд.

4-е примечание к ст. 2. Органам местной власти предоставляется последующими постановлениями понижать первоначально установленный

предельный размер стоимости или доходности владений, в которых строения остаются в частной собственности.

Ст. 3. Пределы городских поселений определяются пределами городской черты или селитебной площади, установленной для взимания государственного налога на недвижимость, если последние входят в пределы городской черты.

В тех случаях, когда произошло или произойдет присоединение к городу ближайших пригородов, на последние распространяется действие настоящего Декрета.

Ст. 4. Действие настоящего Декрета не распространяется на строения, являющиеся необходимой принадлежностью промышленных предприятий.

1-е примечание к ст. 4. Точное определение строений, являющихся необходимой принадлежностью промышленных предприятий, устанавливается специальной инструкцией.

2-е примечание к ст. 4. За земельные участки под указанными строениями владельцами таковых уплачивается арендная плата в размерах, устанавливаемых органами местной власти.

Ст. 5. Все городские земли и строения, которые соответственно сему Декрету изымаются из частной собственности, передаются в распоряжение органов местной власти.

Ст. 6. В городах с числом жителей свыше 10 000 право застройки принадлежит исключительно органам местной власти. В городах с меньшим числом жителей такое право может быть предоставлено органами местной власти и частным лицам.

Ст. 7. Органам местной власти предоставляется право отводить частным лицам земли для возведения на них зданий под промышленные предприятия на условиях, установленных местной властью.

Ст. 8. Владения, стоимость коих вместе с находящейся под ними землей не превышает предела, установленного согласно ст. 2 сего Декрета, могут передаваться по наследству лишь согласно Декрету «Об отмене наследования» (Собр. Узак. № 34. Ст. 456).

Ст. 9. Все долги свыше 10 000 рублей, лежащие на отчуждаемых землях и строениях, аннулируются; долги, не превышающие 10 000 рублей, признаются долгом государства и подлежат действию Декрета «Об аннулировании государственных займов» (Собр. Узак. № 27. Ст. 353).

Ст. 10. Бывшие собственники недвижимости уравниваются во всех отношениях с прочими нанимателями и обязаны на одинаковых с ними основаниях вносить наемную плату за занимаемые ими помещения.

Ст. 11. Бывшим владельцам отчужденных недвижимостей, в случае их нетрудоспособности и отсутствия у них других источников существования, органами местной власти выдается единовременное пособие в размере не свыше 10 000 рублей.

Ст. 12. Органам местной власти предоставляется право часть чистых доходов, получаемых с переданных им недвижимостей, но не более $\frac{1}{3}$ таковых, употреблять на покрытие недоборов по городскому оценочному сбору, происшедших в связи с изданием настоящего Декрета, а также на удовлетворение общих нужд городского хозяйства. Часть чистых доходов с недвижимостей в размере 10 % местная власть обязана отчислять в общегосударственный жилищный фонд, средства которого предназначаются для образования новых городских поселений и на пособие отдельным городам для городского строительства; весь остальной чистый доход от недвижимостей поступает в местный городской жилищный фонд, назначаемый на ремонт строений, на возведение зданий, на проведение улиц и т.д.

Ст. 13. В тех случаях, когда городские недвижимости, перешедшие на основании настоящего Декрета в распоряжение органов местной власти, являлись для учреждений и ведомств доходной статьей, органы местной власти обязаны доходы от таких недвижимостей передавать соответствующим учреждениям и ведомствам впредь до получения последними необходимых кредитов, но не более, чем в течение одного года.

За принадлежащие обществам и союзам недвижимости, доходы коих служили для выполнения культурно-просветительных, благотворительных и тому подобных задач, органы местной власти, поскольку выполнение указанных задач остается на обязанности таких обществ, обязаны уплатить им по стоимости таких недвижимостей.

Ст. 14. Строения, занятые для нужд учреждений и ведомств государственного управления, остаются в их распоряжении и эксплуатации.

Строения, эксплуатируемые учреждениями и ведомствами путем сдачи в наем, а также все вообще строения, кои не являются необходимыми для самих учреждений и ведомств, поступают в распоряжение местных советов рабочих и крестьянских депутатов.

Ст. 15. За все строения, находящиеся в распоряжении учреждений и ведомств государственного управления, последние обязаны уплачивать местным советам рабочих и крестьянских депутатов суммы, соответствующие размерам расходов по поддержанию благоустройства, производимых местными советами рабочих и крестьянских депутатов; размер взносов в таких случаях определяется комиссией из представителей заинтересованного ведомства, местного совета рабочих и крестьянских депутатов и Народного комиссариата по внутренним делам, по одному от каждого.

Ст. 16. Все сделки с землей и строениями, заключенные после вступления в силу (с 18 декабря 1917 г.) Декрета «О запрещении сделок с недвижимостью» (Собр. Узак. № 10. Ст. 154), являются недействительными и не могут служить основанием для освобождения от действия

настоящего Декрета. Указанные правила распространяются также на строения, находящиеся на арендованной земле.

Ст. 17. Все права и обязанности, связанные с владением недвижимостями и управлением ими, поскольку они не противоречат настоящему Декрету, с момента перехода недвижимости в распоряжение органов местной власти переходят к таковым органам или лицам или установлениям, коим будет передано управление недвижимостями. Бывшие собственники недвижимостей обязаны погасить все связанные с владением недвижимостями и управлением ими свои обязательства перед государством, прежними (городом и земством) или настоящими органами местной власти и частными лицами, оставшиеся на них к моменту перехода владений в распоряжение органов местной власти.

Ст. 18. Страховые суммы за строения, подошедшие под действие настоящего Декрета, за сгоревшие или поврежденные после вступления в силу настоящего Декрета страховые общества обязаны вносить в кассы местных советов рабочих и крестьянских депутатов.

Ст. 19. Городской и земский оценочный сборы, государственный налог на недвижимость и прочие существующие налоги на недвижимость в отношении владений и частей их, подлежащих действию настоящего Декрета, отменяются.

Ст. 20. Органам местной власти предоставляется право с разрешения центральной государственной власти делать постановления о распространении действия настоящего Декрета также на поселения, имеющие менее 10 000 жителей.

Ст. 21. Одновременно с введением в действие сего основного Декрета местные советы рабочих и крестьянских депутатов обязаны издать в дополнение к нему исполнительный декрет, определяющий момент вступления в силу основного декрета, сферу его действия, органы по проведению его в жизнь, обязанности нанимателей, арендаторов и домовладельцев и другие вытекающие из сего декрета последствия для местного населения.

Ст. 22. Исполнительный декрет местного совета рабочих и крестьянских депутатов должен быть предварительно представлен на рассмотрение Народного комиссариата по внутренним делам и получить его утверждение.

Ст. 23. Города и городские поселения, в коих до издания настоящего Декрета действовали постановления местных органов власти о передаче городских недвижимостей или части их в распоряжение местного совета рабочих и крестьянских депутатов, обязаны представить такие постановления на утверждение Народного комиссариата по внутренним делам.

Примечание. До утверждения Народным комиссариатом по внутренним делам уже изданные постановления не теряют своей силы.

Ст. 24. В случае несогласия местного совета рабочих и крестьянских депутатов с изменениями, внесенными Народным комиссариатом по внутренним делам в представленный им проект исполнительного декрета или в действующее уже постановление, такому совету рабочих и крестьянских депутатов предоставляется входить с заявлением по сему вопросу в Совет народных комиссаров.

Ст. 25. В каждом городском поселении с числом свыше 10 000 жителей настоящий Декрет вводится в действие постановлением местного совета рабочих и крестьянских депутатов, но не позднее однако трех месяцев со времени его опубликования в Известиях Всероссийского центрального исполнительного комитета советов.

Примечание. В особых случаях Народному комиссариату по внутренним делам предоставляется увеличивать указанный в настоящей статье срок до 6 месяцев.

Председатель Всероссийского центрального
исполнительного комитета советов

Я. Свердлов

Секретарь Всероссийского центрального
исполнительного комитета советов

В. Аванесов

20 августа 1918 года.

Декрет ВЦИК «Об отмене наследования»

I.

Наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется. После смерти владельца имущество, ему принадлежавшее (как движимое, так и недвижимое), становится государственным достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики.

Примечание. Прекращение и переход прав пользования сельскохозяйственными участками определяется правилами, изложенными в основном законе о социализации земли.

II.

Впредь до издания декрета о всеобщем социальном обеспечении нуждающиеся (т.е. не имеющие прожиточного минимума) нетрудоспособные родственники по прямой нисходящей и восходящей линии, полнородные и неполнородные братья и сестры и супруг умершего получают содержание из оставшегося после него имущества.

Примечание I. Никакого различия между родством брачным или внебрачным не делается.

Примечание 2. Усыновленные, приемыши, приймаки и их потомство по отношению к усыновителям и усыновители по отношению к усыновленным, приемышам, приймакам и их потомству приравниваются к родственникам по происхождению.

III.

Если оставшегося имущества недостаточно для доставления содержания супругу и всем оставшимся родственникам, перечисленным в предыдущей статье, то в первую очередь удовлетворяются наиболее нуждающиеся из них.

IV.

Размер подлежащего выдаче супругу и оставшимся родственникам содержания из имущества умершего определяется учреждением, ведающим делами социального обеспечения при губернских, а в Москве и Петрограде – городских советах рабочих и крестьянских депутатов, по соглашению с лицами, которым предоставляется право на получение содержания, а в случае спора между ними – в общеисковом порядке местным судом. Дела этого рода подведомственны советам рабочих и крестьянских депутатов и местным судам по последнему местожительству умершего.

V.

Всякое имущество умершего, кроме перечисленного в ст. IX настоящего Декрета, поступает в заведывание местного совета, который передает его и управление учреждений, ведающих па местах соответственными имуществами Российской Республики, по последнему местожительству умершего или по месту нахождения оставшегося имущества.

VI.

Местный совет публикует во всеобщее сведение о смерти владельца имущества и вызывает лиц, имеющих право на получение содержания из этого имущества, явиться в годовой срок со дня публикации.

VII.

Не заявившие до истечения года со дня публикации, указанной в предыдущей статье, о своих притязаниях лишаются права на получение содержания из имущества умершего.

VIII.

Из имущества умершего покрываются в первую очередь расходы по управлению имуществом. Родственники и супруг умершего получают содержание из его имущества предпочтительно перед его кредиторами. Кредиторы умершего, в случае признания их требований подлежащими оплате, удовлетворяются из остающегося за указанными вычетами имущества, причем в случае недостаточности имущества для покрытия всех требований кредитора применяются общие начала конкурса.

IX.

Если имущество умершего не превышает десяти тысяч рублей, в частности состоит из усадьбы, домашней обстановки и средств производства трудового хозяйства в городе или деревне, то оно поступает в непосредственное управление и распоряжение имеющихся налицо супруга и родственников, перечисленных в ст. II настоящего Декрета. Порядок управления и распоряжения имуществом устанавливается по соглашению между указанными супругом и родственниками, а в случае спора между ними – местным судом.

X.

Настоящий Декрет имеет обратную силу по отношению ко всем наследствам, открывшимся до его издания, если они еще не приобретены наследниками, или, хотя и приобретены, но еще не поступили в их владение.

XI.

Все находящиеся в производстве суда споры о наследствах, дела об утверждении завещаний к исполнению, об утверждении в правах наследства и т.п. считаются прекращенными, и соответственное наследственное имущество немедленно передается в заведывание местных советов или учреждений, указанных в статье V настоящего Декрета.

Примечание. Относительно открывшихся до издания настоящего Декрета наследственных имуществ, перечисленных в ст. IX настоящего Декрета, будет издано особое постановление.

XII.

Народному комиссариату юстиции предоставляется по соглашению с Народными комиссариатами социального обеспечения и труда издать подробную инструкцию относительно введения в действие настоящего Декрета.

Настоящий Декрет вступает в силу со дня его подписания и вводится в действие по телеграфу.

27 (14) апреля 1918 г.

Председатель Всероссийского центрального
исполнительного комитета советов
Свердлов
Секретарь Центрального исполнительного
комитета советов
Аванесов

Научное наследие

Анатолий Васильевич Венедиктов (1887—1959) — советский правовед, академик АН СССР (1958), кандидат экономических наук, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ленинградского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР. Лауреат Сталинской премии 2-й степени (1949).

А. В. Венедиктов **Государственная социалистическая** **собственность¹** *(извлечение)*

Глава первая: Общее понятие права собственности

§ 1. Легальные определения права собственности

Приступая к разрешению нашей первой задачи — к построению общего понятия права собственности, мы прежде всего сталкиваемся с естественно возникающим вопросом: не следует ли воспользоваться для этой цели тем, что и римское право с его положениями о правах собственника на владение, пользование и распоряжение вещью (*jus utendi et abutendi, jus utendi fruendi, jus possidendi, jus disponendi*)², и буржуазные кодексы, начиная с Кодекса Наполеона³ и кончая последними по времени Китайским и Итальянским уложениями⁴, а также и со-

¹ *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность / Академия наук СССР, Институт права ; отв. ред. В. К. Райхер. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1948. 839 с.

² По утверждению Планиоля, римские юристы чаще пользовались существительными: *usus, fructus, abusus* или глаголами: *uti, frui, abuti*; термины же: *jus utendi* и др. были применены лишь комментаторами (*Planiol. Traite elementaire de droit civil, 10-e ed. T. 1. 1925, n° 2332*). Это ни в какой мере не исключает римско-правового происхождения данных формул — тем более что и сами римские юристы говорили о *jus utendi fruendi* (ср. *D. 7.1.1; 7.6.5 pr.*).

³ Статья 544 Французского гражданского кодекса 1804 г.; ср. § 1 и 9—11 VIII титула I части Прусского земского уложения 1794 г.; § 354 и 362 Австрийского гражданского уложения 1811 г.; ст. 262 т. X ч. 1 Свода законов Российской империи изд. 1832 г. (ст. 420. Т. 10, ч. 1. изд. 1857 г. и сл.); § 219—221 Саксонского гражданского уложения 1863 г.; § 436 Итальянского гражданского уложения 1865 г. Ср. также: § 903 Германского гражданского уложения 1896 г.; § 641 и 648 Швейцарского гражданского уложения 1907 г.

⁴ См.: § 765 Гражданского уложения Китайской Республики 1929 г.; ст. 23 утвержденной 31.01.1941 Книги о собственности Итальянского гражданского уложения (*Gazzetta ufficiale, 5 II. 1941. Nr. 31*).

ветский Гражданский кодекс⁵, с большей или меньшей определенностью и полнотой признают за собственником право владения, пользования и распоряжения имуществом? Нельзя ли, опираясь на это сходство легальных формулировок, определить право собственности как право владения, пользования и распоряжения вещью?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо уточнить самое содержание каждого из названных правомочий — в особенности содержание понятия владения, в которое и в экономической, и в исторической, и в юридической науке, равно как в законодательстве и на практике вкладывается самое разнообразное содержание.

1. Когда о владении говорят как об одном из правомочий собственника (ст. 58 ГК РСФСР), то понимают под ним право собственника на фактическое — физическое или хозяйственное — господство над вещью (право «держать вещь в своих руках» — по образному, хотя юридически и не вполне точному, выражению). Именно о владении как об одном из правомочий собственника, владении, опирающемся на определенный правовой титул: на право собственности (ст. 58 ГК), и будет идти преимущественно речь в нашем дальнейшем изложении.

2. Владение может, однако, опираться и на иной правовой титул: на право залогодержателя (ст. 85 и 92 ГК) или застройщика (ст. 71 ГК), на право из договора имущественного найма или аренды (ст. 152 и 170 ГК), из договоров подряда (ст. 220 и 222 ГК), комиссии (ст. 275-а и 275-д ГК), поклажи, перевозки и др. Такое владение в одних случаях соединяется с правом пользования имуществом (владение застройщика, нанимателя или арендатора, подрядчика по отношению к строительному участку или строительным механизмам, полученным от заказчика), в других случаях более или менее строго обособляется от пользования объектом владения (владение залогодержателя, комиссионера, поклажепринимателя или перевозчика).

3. Римское, феодальное и буржуазное право, наряду с защитой владения, опирающегося на какой-либо правовой титул, в том или ином объеме предоставляли и предоставляют особые средства защиты и так называемому фактическому владению имуществом — владению, не опирающемуся ни на какой правовой титул и тем не менее охраняемому при известных условиях судом (в некоторых случаях — даже против собственника)⁶.

4. Термин «владение» широко применяется, наконец, и для обозначения того господства над вещью (имуществом), которое признавалось и охранялось правом порядком в качестве наиболее полного господства над вещью, пока в той или иной правовой системе еще не сложилось вполне определенного понятия права собственности⁷. Пережитки подобного понимания термина «владение» сохранились не только в научной и житейской речи, но и в законодательстве: когда говорят

⁵ Статья 58 ГК РСФСР 1922 г.

⁶ О средствах и пределах защиты фактического владения в советском праве см. наши статьи: Проблема защиты фактического владения в советском праве (Советское государство и право, 1941, № 4) ; Защита фактического владения в условиях мирного и военного времени (Ученые труды ВИЮН. Вып. 9. 1947) и § 82 главы IX.

⁷ Ср. § 13 главы III.

о «землевладельце» или «домовладельце», то понимают под ними именно собственника земли или дома⁸.

Таким образом, сталкиваясь с термином «владение», необходимо прежде всего установить, в каком смысле он применен в соответствующем источнике или произведении. Подчеркнем еще раз, что в нашей работе мы понимаем под ним прежде всего (хотя и не исключительно) владение как одно из правомочий собственника — в отличие от права пользования, включающего в себя право хозяйственного использования самой вещи и ее плодов (доходов — ср. ст. 59 ГК), и прав распоряжения как права определить юридическую судьбу вещи: отчуждать, заложить, сдать в наем, завещать либо физически уничтожить ее в процессе производительного или личного потребления.

Вернемся к поставленному нами вопросу. Нельзя ли, используя внешнее сходство формул гражданских кодексов самых разнообразных эпох и формаций, определить право собственности как «сумму» трех правомочий собственника: права владения, пользования и распоряжения?

Мы отвечаем на него отрицательно по двум основаниям. Прежде всего, право собственности отнюдь не исчерпывается тремя названными правомочиями собственника, отнюдь не «слагается из трех отдельных прав: владения, пользования распоряжения», как это утверждал в ряде своих решений русский Сенат (к.р. 1869 г., № 1334; 1903 г., № 115). Собственник может быть лишен всех трех правомочий и тем не менее может сохранить право собственности и притом не только качестве *dominium nudum* («голая собственность»), как думал редактор дореволюционного тома X — М. М. Сперанский⁹. В самом деле: при судебном аресте имущества с изъятием его из владения и пользования собственника и с запретом ему распоряжения арестованным имуществом (ср. ст. 275 и 280 ГПК РСФСР) у собственника остается все же какой-то реальный «сгусток» его права собственности. Если претензия взыскателя отпадет¹⁰, право собственности восстановится в полном объеме в лице собственника (*jus recae-xlentiae* — так называемая «упругость», или «эластичность», права собственности)¹¹. Если имуще-

⁸ Одним из пережитков той же терминологии является применение слова «владение» к дому с примыкающими к нему постройками как объекту личной собственности в СССР (ст. 182 и прим. ГК).

⁹ Включая в легальное определение права собственности все три правомочия собственника, М. М. Сперанский тем не менее усматривал существо собственности в самом способе приобретения (*titulus*) права собственности, а не в названных правомочиях собственника (Объяснительная записка содержания и расположения свода законов гражданских. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. 1859, книга 2, отдел 1. С. 10—11).

¹⁰ Инструкция НКЮ СССР о порядке исполнения судебных решений от 23.09.1939 предусматривает и другой возможный случай возврата арестованного имущества собственнику. Если торговая организация в течение установленного срока, несмотря на произведенную переоценку переданного ей для реализации арестованного имущества, его не продаст, а взыскатель откажется оставить его за собой в сумме переоценки, имущество возвращается собственнику-должнику (ст. 65).

¹¹ Ее значение подчеркивали еще римские юристы (1. 2.4. 4; см. также D. 13.7.18.1).

ство будет продано за цену, превышающую претензию взыскателя, собственник получит излишек вырученной цены. Таким образом, «суммой» трех правомочий не исчерпывается содержание права собственности.

Утверждая это, мы должны в то же время решительно предостеречь против недооценки роли названных правомочий в деле осуществления права собственности, в деле реализации тех общественно-производственных отношений, которые находят в праве собственности свое юридическое выражение. Мы покажем ниже ту огромную роль, которую право владения, пользования и распоряжения играет не только в реализации отношений капиталистической собственности, но и в осуществлении права государственной социалистической собственности. Тем не менее они не исчерпывают собой всего содержания права собственности, — и это первое основание против того, чтобы «сумму» этих правомочий мы могли положить в основу общего понятия права собственности.

Решающим является, однако, второе основание. Когда перед теорией права стоит задача построить такое общее понятие права собственности, которое как всеобщее абстрактное определение могло бы быть отнесено ко всем общественным формациям¹² именно в качестве многократно расчлененного и выраженного в различных определениях понятия¹³, это понятие должно само по себе обязывать к раскрытию специфических классовых особенностей отдельных форм собственности в каждой формации. Внешне сходные формулы легальных определений права собственности, данных в источниках римского права¹⁴, в буржуазных гражданских кодексах (ст. 544 Кодекса Наполеона, ст. 420 Т. 10 ч. 1) или ст. 58 ГК РСФСР, с их *Jus atendi, fruendi*, правом владения, пользования и распоряжения и т.п., не удовлетворяют этому требованию не потому, что они не раскрывают перед нами непосредственно социальной сущности рабовладельческой, буржуазной или социалистической формы собственности. Мы вообще не вправе были бы ожидать этого от абстрактной формулы, имеющей своей задачей определить общее понятие права собственности, применимое ко всем исторически известным правовым системам. Содержащийся в ней традиционный перечень правомочий собственника по владению, пользованию и распоряжению его имуществом представляет собой юридическое выражение того общего, что свойственно праву собственности на средства производства, обращения и потребления во всех формациях, в которых в том или ином объеме и форме действует закон стоимости. Мы имеем в виду товарно-денежную форму, которую приобретают в той или иной мере средства производства, обращения и потребления в названных формациях и которая предполагает признание определенных правомочий за их

¹² Само собой разумеется, что о праве собственности речь может идти лишь по отношению к тем формациям, в которых вообще имеются государство и право. Поэтому проблема юридического опосредствования собственности отпадает как по отношению к первобытному обществу, так и по отношению к развитому коммунистическому обществу (после окончательного отмирания в нем государства и права).

¹³ См. методологические указания Маркса во введении к работе «К критике политической экономии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. Ч. 1. С. 175).

¹⁴ D. 7.1.1; 7.6.5 pr.

собственниками¹⁵. Известные положения Маркса о товаре как потребительной стоимости и вещественном носителе стоимости (меновая стоимость), о товаре как единстве потребительной стоимости и стоимости¹⁶ относятся не только к капиталистическому обществу, которое непосредственно имел в виду Маркс в своем анализе товара¹⁷ и в котором «потребительные стоимости вообще производятся... лишь потому и постольку, что и поскольку они являются материальным субстратом, носителями меновой стоимости»¹⁸. С соответствующими модификациями они могут быть отнесены и к другим антагонистическим формациям — к тем этапам их развития, на которых существовали товарное производство и товарное обращение, «несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначенная непосредственно для собственного потребления», не превращалась в товары «и следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме» был подчинен в них «господству меновой стоимости»¹⁹. В дополнении к Т. 3 «Капитала» Энгельс указывал, что «закон стоимости Маркса имеет силу... для всего периода простого товарного производства», «для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до XV столетия нашего летосчисления», — иначе говоря, что «закон стоимости господствовал в течение периода в пять — семь тысяч лет»²⁰.

В этом действии закона стоимости — в качестве всеобщего стихийного закона, регулирующего и определяющего весь общественный процесс производства и обращения в капиталистическом обществе, или в качестве подчиненного, но столь же стихийного закона на соответствующих этапах рабовладельческого и феодального общества, следует искать объяснения сходства легальных формулировок отдельных правомочий собственника, которые положительное право разных эпох давало в применении к столь различным типам и формам собственности. Когда римские формулы о *jus utendi et abutendi*, *jus utendi fruendi*, *jus possidendi*, *jus disponenti* получали широкое применение не только в период рецепции римского права, но и в ряде гражданских кодексов XVIII и XIX вв.²¹, это не было простым заимствованием формулировок, простым внешним сходством. Римское право собственности отразило в приведенных формулировках те черты «чистой частной собственности»²² простого товарного производства, которые получили широкое признание и дальнейшее развитие — на иной социальной основе — в условиях капиталистического товарного производства. Характеризуя различные формы «законодательного освящения» новых буржуазных экономических отношений, Энгельс писал: «Можно было также, как это произошло в Западной Европе, принять за основу первое всемирное право общества, состоящего из

¹⁵ См. ниже, с. 18—20.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 42 и 207. Ср.: Ленин В. И. Соч. Т. 18. С. 15 («Сочинения» В. И. Ленина цитируются по второму изданию).

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 41 и сл.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 206.

¹⁹ Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 188. Ср.: с. 89 и т. 19, ч. 1. С. 152.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16, ч. 2. С. 500—501.

²¹ См. выше, с. 13.

²² Ср. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 52 ; т. 16, ч. 1. С. 446.

товаропроизводителей, т.е. римское право, с его тончайшей разработкой всех существенных отношений простых товаровладельцев: купли и продажи, ссуды, долга, договора и прочих обязательств... Можно, наконец, после великой буржуазной революции, создать, на основе все того же римского права, такой образцовый свод законов буржуазного общества, как французский Code civil»²³.

Каким образом, однако, «одно и то же право собственности» могло сохранить «свою силу» в условиях и простого и капиталистического товарного производства — несмотря на полный переворот в способе присвоения²⁴? Еще во введении к «Критике политической экономии» (1857 г.) Маркс указывал на необходимость исследования «трудного пункта (der eigentlich schwierige Punkt)» о том, каким образом «производственные отношения, как правовые отношения, вступают в неравное развитие (wie die Produktionsverhältnisse als Rechtsverhältnisse in ungleiche Entwicklung treten)». Как пример подобного «неравного развития» производственных отношений и опосредствующих их правовых отношений Маркс приводил «отношение римского частного права... к современному производству»²⁵.

В написанном непосредственно вслед затем «черновом наброске» (Rohentwurf) основных положений критики политической экономии (1857—1858 гг.) Маркс дал первоначальный вариант того замечательного анализа превращения законов стоимости простого товарного производства в законы капиталистического производства²⁶, который был позднее развернут им в изумительные по глубине и яркости формулировки страницы главы 22-й Т. 1 «Капитала»²⁷ и который дает возможность понять действительные основания рецепции римских формул о правомочиях собственника буржуазным законодателем. Исходным моментом и основой превращения законов присвоения простого товарного производства в законы капиталистического производства явился обмен эквивалентов: покупка капиталистом рабочей силы, ставшей «только видимостью» обмена эквивалентов, «пустой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь затемняет его»²⁸. Однако и для отправного акта эксплуатации (для найма рабочего) и для реализации произведенного рабочим товара, без чего не может быть реализована полученная капиталистом прибавочная стоимость²⁹, — иначе говоря, для реализации права капиталистической собственности как права присвоения чужого неоплаченного труда — капиталистический собственник нуждается в тех же правомочиях, в каких нуждается простой товаровладелец при реализации своего права собственности как права присвоения продукта своего собственного труда.

В условиях товарного производства и частной собственности на средства производства отчуждение товара как единства потребительной стоимости и стоимости требует одних и тех же — по своей юридической форме — правомочий в

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 672.

²⁴ Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 645.

²⁵ Marx K. Grundrisse der Kritik der Politischen Oekonomie. M., 1939, S. 30 (цит. (irundrisse), или Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12, ч. 1. С. 200).

²⁶ Marx K. Grundrisse. S. 360—362.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 640—645.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 641.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19, ч. 1. С. 262—263.

лице товаровладельца, будет ли им мелкий товаропроизводитель или капиталистический собственник: права владения, пользования и распоряжения, наличие которых дает собственнику возможность осуществить свою власть над товаром в его «натуральной форме»³⁰. Абстрактная же форма права собственности товаровладельца и акта обмена дает капиталистическому собственнику возможность скрыть за прежней формой права собственности и акта купли-продажи новый способ присвоения: присвоение чужого неоплаченного труда наемного рабочего.

Поскольку и при социализме действует закон стоимости, — правда, в преобразованном виде, в качестве сознательно применяемого, а не стихийного, и подчиненного, а не основного закона, вне всякой связи с эксплуатацией³¹, — право собственности в СССР в ряде отношений также осуществляется с использованием товарно-денежной формы, и двойственная природа товара как потребительной стоимости и вещественного носителя стоимости проявляется и в построении ряда общественно-производственных отношений в СССР. Этим обуславливается и некоторая абстрактность в формулировке правомочий собственника в ст. 58 ГК РСФСР, внешне сходной с приведенными выше формулами римских юристов или буржуазных кодексов. Глубоко отличный характер производственных отношений в СССР и революционно-творческая роль социалистического государства в построении новой — социалистической — экономики предопределяют, однако, качественно иные содержание и роль товарно-денежной формы в СССР³², а вместе с тем и иное конкретное содержание тех правомочий, которые социалистическое право признает и закрепляет как за самим социалистическим государством и кооперативно-колхозными организациями, так и за отдельными трудящимися. Но вскрыть специфический характер этих правомочий можно, только отправляясь от принципиальных различий в способах присвоения между правом собственности в буржуазных странах и в СССР и конкретных различий между отдельными формами собственности в самом СССР.

Оставаясь же в плоскости юридического анализа самих правомочий собственника по владению, пользованию и распоряжению его имуществом, взятых вне их связи с различием в способах присвоения, исследователь оказался бы

³⁰ Ср. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 59—60.

³¹ Вознесенский Н. А. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. Л.: Лениздат, 1946. С. 23: «Государственное планирование народного хозяйства СССР использует в интересах укрепления и развития социалистического производства закон стоимости с той особенностью, что в советской экономике исключено превращение стоимости в капитал, эксплуатирующий труд». Ср.: Его же. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Госполвтиздат, 1947. С. 145—148. См. также статью (без подписи) «Некоторые вопросы преподавания политической экономии» (Под знаменем марксизма. 1943. № 7—8. С. 43, 66, 70 и 72—75); Леонтьев А. Предмет и метод политической экономии (1945. С. 44—50); Островитянов К. В. Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства (Большевик. 1944. № 23—24. С. 56 и 58—59); Его же. К вопросу о товаре в советском хозяйстве (Плановое хозяйство. 1946. № 6. С. 55—63).

³² Сталин И. В. Заключительное слово по политическому отчету ЦК на XIV съезде партии [XIV съезд ВКП(б), стенографический отчет. Партиздат, 1931. С. 26].

в плену у абстрактной формы этих правомочий, обусловленной двойственной природой товара, и также не смог бы установить специфических различий между формами собственности в СССР и в буржуазных странах, как исследователь права собственности мелкого товарного производителя и капиталиста не мог бы вскрыть всей глубины различий между собственностью того и другого, если бы он ограничился юридическим анализом их правомочий по владению, пользованию и распоряжению товаром, не вскрывая различия в способе присвоения.

Именно поэтому в основу общего понятия права собственности не могут быть положены сумма отдельных правомочий собственника или право распоряжения как наиболее характерное, по утверждению некоторых авторов, правомочие собственника, равно как и отдельные формальные критерии, выдвинутые буржуазными юристами³³ и отчасти нашедшие признание в буржуазных гражданских кодексах³⁴: определения права собственности как права всеобъемлющего, высшего, наиболее полного, абсолютного, неограниченного или исключительного господства над вещью. Подобные определения, аналогично правомочиям собственника по владению, пользованию и распоряжению его имуществом, могут быть наполнены специфическим конкретным содержанием только в их связи со способом присвоения, присущим той форме собственности, для характеристики которой эти определения привлекаются. Итак, ни названные правомочия собственника (в их совокупности или отдельно взятые), ни приведенные выше формальные критерии не могут быть положены в основу такого общего понятия права собственности, которое, оставаясь абстрактным и потому применимым ко всем общественным формациям, тем не менее обязывало бы к раскрытию специфических классовых особенностей отдельных форм собственности в каждой формации. Отправным пунктом и основой для такого понятия права собственности является марксово понятие собственности как присвоения.

§ 2. Марксово понятие собственности

В предисловии к «К критике политической экономии», написанном непосредственно перед изданием этого гениального преддверия к «Капиталу» (в январе 1859 г.), и во введении, написанном еще в августе — сентябре 1857 г. и предшествовавшем по времени не только самой книге, но и составлению названного выше «чернового наброска» (Rohentwurf) основных положений критики политической экономии (1857—1858 гг.)³⁵, Маркс дает два общеизвестных и взаимно связанных определения собственности. «На известной ступени своего развития, — гласит первое из них, — материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — соотношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались»³⁶. Здесь собственность понимается в самом широком смысле — не только как основной институт,

³³ См. § 34—35 и 37—38 главы IV.

³⁴ Ср.: art. 544 Code civil, ст. 420 т. 10, ч. 1, § BGB, § 641 ZGB, § 765 Китайского гражданского уложения.

³⁵ *Marx K. Grundrisse. S. VII—VIII.*

³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12, ч. 1. С. 7.*

определяющий всю совокупность производственных отношений того или иного общества, но как юридическое выражение этих отношений в целом. Можно предположить, что именно поэтому В. И. Ленин, цитируя соответствующее место из предисловия к «К критике политической экономии», перевел немецкий термин Маркса: Eigentumsverhältnisse словами: «имущественные порядки»³⁷. В том же широком смысле Маркс и Энгельс применяли понятие «отношения собственности» (Eigentumsverhältnisse) и в «Манифесте коммунистической партии», понимая под ними отношения производства и обмена вообще или организацию производства в целом. «На известной ступени развития этих (буржуазных. — А. В.) средств производства и обмена (Produktions- und Verkehrsmittel) отношения, в которых происходили производство и обмен феодального общества, феодальная организация земледелия и промышленности, одним словом, феодальные отношения собственности (Eigentumsverhältnisse), уже перестали соответствовать развившимся производительным силам». И далее: «Современное буржуазное общество с его буржуазными отношениями производства и обмена (Produktions- und Verkehrsverhältnisse), буржуазными отношениями собственности (Eigentumsverhältnisse), создавшее как бы по волшебству могущественные средства производства и обмена (Produktions- und Verkehrsmittel), походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений (Produktionsverhältnisse), против тех отношений собственности (Eigentumsverhältnisse), которые являются условием существования буржуазии и ее господства»³⁸.

В том же широком смысле Маркс писал о собственности и П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г.: «Собственность, наконец, является в системе Прудона последней категорией. В действительном мире, наоборот, разделение труда и все прочие категории Прудона суть общественные отношения, которые в совокупности образуют то, что в настоящее время называют собственностью»³⁹. Наряду с этим широким понятием собственности, охватывающим всю совокупность общественных (общественно-производственных) отношений в целом, Маркс широко пользуется понятием собственности как присвоения. Известное положение из введения к «К критике политической экономии». Приводим рядом с русским переводом текст подлинника, чтобы лишний раз подчеркнуть соответствие последнего русского перевода (1948 г.) оригиналу. Исходя из общего смысла приведенных положений «Манифеста», мы считаем, что Маркс и Энгельс в данном месте имели в виду имущественные отношения в целом, а не только отношения собственности в точном или узком смысле слова.

Сопоставляя приведенные положения классиков марксизма, нетрудно убедиться, что под отношениями собственности (Eigentumsverhältnisse) они понимали в одних случаях юридическое выражение производственных отношений

³⁷ Ленин В. И. Соч. Т. 1. С. 59.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Госполитиздат, 1948. С. 53—54 (Marx K. Ausgewählte Schriften. 1934, S. 203—209).

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. С. 25—26.

(Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12, ч. 1, С. 7), в других же — производственные отношения в смысле экономических отношений (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 5, С. 488; Т. 25, С. 25—26).

С исключительной четкостью Маркс формулировал то и другое понимание отношений собственности в письме Швейцеру о Прудоне от 24.01.1865, в котором он писал о политической экономии, «обнимающей совокупность... отношений собственности не в их юридическом выражении как волевых отношений, а в их реальной форме, т.е. как производственных отношений», как «экономических отношений» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13, ч. 1, С. 25): «Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы⁴⁰ внутри и посредством определенной общественной формы. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства... ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, — это тавтология. Присвоение, которое не присваивает⁴¹, anou contradictio in subjecto»⁴².

Написанный непосредственно вслед за введением к «К критике политической экономии» «черновой набросок» основных положений критики политической экономии дает богатый материал для понимания марксова положения о собственности как присвоению — в особенности в разделе о формах, предшествующих капиталистическому производству⁴³. Маркс определяет в нем собственность как «отношение отдельного человека к естественным условиям труда и воспроизводства как к принадлежащим ему, как к объективным условиям»⁴⁴.

Указывая на то, что при общинной собственности «присвоение естественного условия труда (земли...) происходит не при посредстве труда, но предшествует ему как его предпосылка», Маркс говорит: «Индивид относится к объективным условиям труда просто как к своим...»⁴⁵.

Характеризуя собственность римского гражданина, Маркс вновь поясняет: «Его собственность, т.е. отношение к естественным предпосылкам его производства, как к принадлежащим ему, как к своим, опосредствовано тем, что он сам является естественным членом известного коллектива»⁴⁶.

⁴⁰ В подлиннике: Aneignung der Natur, т.е. «присвоение природы» (Marx K. Zur Kritik der politischen Oekonomie. М. ; Л., 1934, 5. 221).

⁴¹ В подлиннике: Eine Aneignung, die sich nichts zu eigen macht... (S. 221).

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12, ч. 1. С. 177.

⁴³ Marx K. Grundrisse, S. 375—413. Русский перевод этого раздела опубликован в журнале «Пролетарская революция». 1939. № 3. С. 149—186. Первым откликом на этот раздел в советской юридической литературе являются статьи: Аржанов М. А. Вопросы происхождения и развития формы собственности в новой рукописи К. Маркса ; Братусь С. Н. Вопросы собственности в рукописи Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» (Советское государство и право. 1939. № 5. С. 89 и сл. ; 1943. № 11. С. 28 и сл.).

⁴⁴ Marx K. Grundrisse, S. 376 (Русский перевод. С. 152).

⁴⁵ Das Individuum verhält sich einfach zu den Bedingungen Arbeit als den seinen (Grundrisse, S. 384 (Русский перевод. С. 159).

⁴⁶ Marx K. Grundrisse. S. 389—390 (Русский перевод. С. 164).

«Собственность означает, следовательно, — говорит Маркс страницей ниже, — первоначально не что иное, как отношение человека к его естественным условиям производства... как к своим, как к предпосылкам, данным вместе с его собственным бытием»⁴⁷. Ту же мысль собственности, как отношении человека к условиям производства, к условиям или орудиям труда «как к своим», «как к своим собственным», Маркс настойчиво повторяет и в ряде других мест того же раздела своей рукописи⁴⁸.

Приведенные высказывания Маркса относятся к формам собственности, свойственным докапиталистическим формациям. В другом разделе той же рукописи Маркс применяет понятие собственности как присвоения к капиталистическому производству и дает первоначальный вариант тех положений о превращении законов собственности простого товарного производства в законы капиталистического присвоения, которые позднее были развернуты им в главе 22 первого тома «Капитала». Обмен добавочного капитала (*Surpluskapital*), т.е. присвоенного капиталистом чужого овеществленного труда, на новый живой труд представляется полностью основанным на законах обмена эквивалентами, оцененными по количеству содержащегося в них труда или рабочего времени, «юридически выражаясь, предполагает лишь право собственности на свой собственный продукт и свободное распоряжение им». Но право собственности на стороне капитала диалектически превращается «в право на чужой продукт или в право собственности на чужой труд, в право присвоить себе чужой труд без эквивалента», а на стороне труда «в обязанность относиться (*sich verhalten*) к своему собственному труду или к своему собственному продукту как к чужой собственности». Отношение обмена (эквивалента, — *A. B.*) «полностью отпало или является только простой видимостью (*ein blosser Schein*)». «Первоначально право собственности было основано на собственном труде. Теперь право собственности выступает как право на чужой труд и как невозможность для труда присвоить себе свой собственный продукт. Полное отделение собственности и еще более богатства от труда является ныне следствием закона, который исходил из их тождества»⁴⁹.

Нет необходимости сопоставлять приведенные положения Маркса из рукописи 1857—1858 гг. с более развернутыми их формулировками, данными в главе 22 Т. 1 «Капитала»⁵⁰. Приведем лишь заключительные выводы Маркса, имеющие особое значение для вопроса о праве собственности. «Пока при каждом акте обмена, взятом в отдельности, соблюдаются законы обмена, способ присвоения может претерпеть полный переворот, не затрагивая права собственности... Одно и то же право собственности сохраняет свою силу как вначале, когда продукт принадлежит производителю и когда последний, обменивая эквивалент на эквивалент,

⁴⁷ *Marx K. Grundrisse. S. 391 (Русский перевод. С. 165).*

⁴⁸) *Marx K. Grundrisse. S. 375, 393, 395, 398 (Русский перевод. С. 150, 167, 169 и 172).* Ср. с этими положениями более раннюю формулировку частной собственности как «чувственного присвоения человеческого существа и жизни, присвоения предметного человека, созданных человеком и для человека человеческих вещей...» [Подготовительные работы для «Святого семейства» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 625*)].

⁴⁹ *Marx K. Grundrisse. S. 360—362.*

⁵⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 640—645.*

может обогащаться лишь за счет собственного труда, так и в капиталистический период, когда общественное богатство... становится собственностью тех, кто в состоянии постоянно все вновь и вновь присваивать неоплаченный труд других⁵¹.

В той самой мере, в какой товарное производство, развиваясь сообразно своим собственным законам, превращается в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения⁵². Мы намеренно приводим эти положения Маркса о возможности полного переворота в «способе присвоения» при неизменности права собственности непосредственно вслед за общими высказываниями Маркса о природе капиталистической собственности, чтобы одновременно подчеркнуть и неразрывную связь понятий «собственности» и «присвоения» в применении к капиталистической собственности и возможность известного расхождения между действительным содержанием собственности как специфическим для каждой общественной формации способом присвоения и той юридической формой, которую этот способ присвоения получает в правовой системе данной формации. Мы вернемся, однако, к этому вопросу ниже, в данный же момент напомним лишь, что и Энгельс в «Анти-Дюринге» широко пользуется понятием собственности как присвоения в применении и к мелкотоварной, и к капиталистической, и к социалистической собственности⁵³.

Понятие собственности как совокупности общественно-производственных отношений, конечно, включает в себя и понятие собственности как присвоения, как условия производства, как особого отношения индивида и коллектива к средствам производства. Более того, именно особый характер и способ, каким осуществляется соединение работников производства и средств производства, «различает отдельные экономические эпохи социальной структуры»⁵⁴. «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям... вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя...» (Маркс)⁵⁵.

⁵¹ Говоря о сохранении одного и того же права собственности в условиях простого и капиталистического товарного производства, Маркс имеет в виду, несомненно, абстрактную форму этого права, обусловленную экономическими законами товарного производства, форму, которую в известной мере можно было бы назвать «внешней видимостью» прежнего закона присвоения — аналогично тому, как Маркс называет куплю продажу рабочей силы «внешней видимостью» обмена эквивалентами. В главе 22 т. 1 «Капитала» Маркс с предельной ясностью раскрывает и действительное содержание права собственности простого товаровладельца, с одной стороны, и капиталиста — с другой (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 641—643).

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 615. Необходимо иметь в виду, что Маркс говорит в данном месте о «законах собственности» в экономическом, а не в юридическом смысле: об экономических законах развития собственности (ср. С. 644), а не об издаваемых государственной властью законах о праве собственности.

⁵³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. 1933. С. 231—233, 293, 295 и 297 (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 273—274, 283, 285 и 237).

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 37.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19, ч. 2. С. 353.

С предельной четкостью эту связь собственности на средства производства с общей структурой производственных отношений охарактеризовал товарищ Сталин в главе IV «Истории ВКП(б)»: «...состояние производственных отношений отвечает... на... вопрос: в чьем владении находятся средства производства... в чьем распоряжении находятся средства производства, в распоряжении всего общества или в распоряжении отдельных лиц, групп, классов, использующих их для эксплуатации других лиц, групп, классов». Товарищ Сталин показал также и конкретный характер связи каждого из пяти основных типов производственных отношений с господствующей при нем формой собственности на средства производства как основой этих производственных отношений⁵⁶.

Поскольку собственность как присвоение, как особое отношение лиц, групп и классов к средствам производства, образует собой самую основу всей системы производственных отношений⁵⁷ и уже по одному этому выделяется среди всей остальной массы производственных отношений, именно понятие собственности как присвоения должно служить отправным пунктом и основой для построения юридического понятия права собственности. Ибо собственность в самом широком смысле — собственность как совокупность общественно-производственных отношений в целом — юридически опосредствуется не только путем права собственности, но и путем всей системы иных имущественных прав как вещного (ограниченные права пользования чужой вещью), так и обязательственного характера. Даже и соединение непосредственных производителей со средствами производства не всегда опосредствуется при помощи одного права собственности. При рабовладельческом способе производства это соединение опосредствуется при помощи одного права собственности рабовладельца на средства производства, а также на работника производства.

Равным образом и при мелком товарном производстве соединение работника со средствами производства получает полное юридическое выражение в его праве собственности на эти средства производства. Напротив, при капиталистическом способе производства право собственности капиталиста на средства производства получает необходимое дополнение в договоре предпринимателя с рабочим, не говоря уже о других вещно- и обязательно-правовых институтах, при помощи которых опосредствуются промежуточные формы капиталистической эксплуатации (например, крестьянская аренда парцеллы).

Таким образом, при переводе марксова понятия собственности как присвоения на язык права необходимо отграничить право собственности от других, хотя бы и неразрывно с ним связанных, но по своей юридической природе и форме

⁵⁶ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. 1931. С. 553—558.

⁵⁷ Ср.: акад. А. Я. Вышинский. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права: «Система права каждой общественной формации соответствует лежащей в ее основе экономической системе, опирающейся на определенную форму собственности» (Советское государство и право. 1939. № 3. С. 23). Именно потому, что экономическая система — иными словами, система производственных отношений — опирается на определенную форму собственности, среди общей кассы этих производственных отношений и должна быть выделена «определенная форма собственности» (в узком смысле слова), на которую опирается та или иная экономическая система.

отличных от него, отношений. Необходимо учесть при этом, что понятие собственности как присвоения включает два момента: 1) отношение индивида или коллектива к средствам (условиям) производства «как к своим», т.е. распределение средств производства — то, что условно можно было бы назвать «статикой» присвоения, и 2) присвоение индивидом или коллективом продуктов производства, продуктов своего собственного или чужого труда — то, что условно можно было бы назвать «динамикой» присвоения. Оба момента неразрывно связаны между собой. Распределение средств (условий, орудий) производства «заклучено внутри самого процесса производства» и «определяет строение производства». «Рассматривать производство независимо от этого, заключающегося в нем распределения, — подчеркивал Маркс во введении к «К критике политической экономии», — есть, очевидно, пустая абстракция»⁵⁸.

С другой стороны, и «собственность, поскольку она есть только известное отношение к условиям производства как к своим... осуществляется только через само производство. Действительное присвоение сперва совершается не в мысленном, а в действительном, реальном отношении к этим условиям, — действительное использование их как условий своей субъективной деятельности»⁵⁹. Иначе говоря, распределение средств (условий) производства («статика» присвоения) прежде всего реализуется в процессе производства и воспроизводства как присвоение продуктов производства («динамика» присвоения), являются ли ими продукты своего или чужого труда, новые средства производства или средства потребления. Распределение последних, неоднократно указывал Маркс, «есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства»⁶⁰.

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12, ч. 1. С. 186—187.

⁵⁹ Marx K. Grundrisse. S. 393 (Русский перевод. С. 167).

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 15. С. 276. Ср.: т. 12, ч. 1. С. 186.

**Юрий Григорьевич
ШПАКОВСКИЙ,**
главный редактор журнала
«Вестник Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)», доктор
юридических наук,
профессор

Цена высшего образования¹

«Прейскурант Молотова»

Одним из новшеств процесса реформирования российской высшей школы в постсоветский период стало появление платного образования. С одной стороны, возникновение коммерческих вузов помогло снять остроту проблемы в получении высшего образования у относительно обеспеченной части населения и решить проблему удовлетворения рынка в специалистах по новым специальностям. Так, в 1990-х гг. численность занятых в экономике значительно сократилась, но в то же время возросла доля занятых в торговле, сфере финансов и т.д. Специальности «экономист», «юрист», «менеджер» стали модными и популярными.

С другой стороны, резкое сокращение бюджетного финансирования российских вузов обусловило увеличение числа платных мест в государственных вузах. Юридические основания для этого имелись. Был легализован прием студентов на платной основе. Принятие в декабре 1990 г. Закона РСФСР «О собственности в РСФСР» создало условия для создания негосударственных вузов, которые могли находиться в частной собственности. В постановлении Совета Министров РСФСР от 8 февраля 1991 г. говорилось о возможности внесения платы «в качестве возмещения учебным заведениям затрат, связанных с углубленным изучением предметов, обеспечивающих направленную или индивидуальную подготовку». При этом новые нормативные акты определяли, что размер платы устанавливается по соглашению сторон.

Таким образом, в 1990-х гг. проявилась тенденция расширения спектра предоставляемых образовательных услуг. Получило развитие углубление специализации, которая определялась возможностями самореализации выпускников вузов в условиях формировавшейся рыночной экономики России. Однако значительная часть малообеспеченных россиян потеряла возможность получения полноценного высшего образования, а высшая школа во многом утратила свою роль «социального лифта», который обеспечивал социальную мобильность. Коммерциализация образовательных услуг в сфере высшего образования привела к снижению уровня подготовки специалистов.

Закономерно возникает вопрос: почему не использовался опыт СССР, так как платное образование не является чем-то совершенно новым в нашей стране. В период с 1940 г. по 1956 г. и ранее за образование в СССР приходилось платить.

Причины для введения в СССР платного образования в старших классах школы, техникумах и в высших учебных заведениях были.

Во-первых, СССР в 1940 г. находился на пороге войны и требовались огромные средства на вооружение, а также на завершение индустриализации и коллективизации, обустройство страны. При этом до 1940 г. государство более 20 лет вкладывало гигантские деньги в развитие образования, и ему потребовалась помощь населения — чтобы частично за свое образование платил сам народ.

Во-вторых, индустриализация проводилась невиданно быстрыми темпами, а подготовка кадров отставала. К концу 1930-х гг. молодежь все больше стремилась получить среднее, а потом высшее образование и не хотела идти работать на фабрики и заводы. Образовался перекос, его требовалось ликвидировать.

В-третьих, введение платы за образование было вызвано и желанием улучшить его качество за счет повышения ответственного отношения учащихся к учебному процессу.

С этой целью 2 октября 1940 г. вышло в свет постановление СНК СССР № 1860 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий».

Постановлением с 1 сентября 1940 г. в 8-х, 9-х и 10-х классах средних школ вводилась плата за обучение. Ее установили в следующих размерах: в школах Москвы и Ленинграда, а также в столичных городах союзных республик — 200 рублей в год; во всех остальных городах, а также в селах — 150 рублей в год. Аналогичную плату за обучение распространили на учащихся техникумов, педагогических училищ, сельскохозяйственных и медицинских школ и других специальных средних учебных заведений.

В высших учебных заведениях СССР плату за обучение установили в следующих размерах: в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и столицах союзных республик — 400 рублей в год; в высших учебных заведениях, находящихся в других городах, — 300 рублей в год; в художественных, театральных и музыкальных высших учебных заведениях — 500 рублей в год.

Много это или мало? Средний размер ежемесячной заработной платы в 1940 г. был равен 331 руб., а в 1945 г. — 434 руб. При этом плата за обучение с годами не менялась.

Процесс обучения на платной основе регламентировался рядом нормативных правовых актов, и прежде всего постановлениями СНК СССР от 12 октября 1940 г. № 1993 «Об утверждении приказа ВКВШ “О мероприятиях по выполнению постановления Совнаркома СССР об установлении платности обучения в высших учебных заведениях и об изменении порядка назначения стипендий студентам”», от 1 ноября 1940 г. № 2206 «О размерах платы за обучение в вечерних высших и средних учебных заведениях и 8—10-х классах средних школ взрослых», от 28 октября 1940 г. № 2180 «О сохранении в летных и технических училищах и вузах Главного управления Гражданского воздушного флота при Совнаркомом СССР бесплатности обучения, дотации на питание и обмундирование и прежнего порядка назначения стипендий учащимся», от 31 октября 1940 г. № 2195 «О сохранении для слушателей военных факультетов высших учебных заведений бесплатности обучения, а также ранее существовавшего порядка обеспечения их денежным довольствием и обмундированием», от 31 октября 1940 г. № 2188 «О сохранении в национальных театральных и музыкальных студиях и национальных группах хореографических училищ городов Москвы и

Семинар в техническом вузе, 1950 г.

Ленинграда бесплатности обучения и ранее существовавшего порядка материального обеспечения учащихся», от 7 декабря 1940 г. № 2452 «Об освобождении от платы за обучение учащихся — инвалидов-пенсионеров и их детей и воспитанников детских домов».

Особенностью платного образования была и система льгот.

Первоначально предполагалось, что льготников в данном случае не будет вообще. Однако почти сразу от платы за обучение освободили воспитанников детских домов, детей пенсионеров-инвалидов, затем детей педагогов. А с началом Великой Отечественной войны число льготных категорий, освобождавшихся от платежей за образование, стало расти в геометрической прогрессии.

Оставалось бесплатным обучение в военных учебных заведениях, а также в училищах, где готовили летчиков гражданского воздушного флота. Плата за заочное и вечернее обучение в средних и высших учебных заведениях взималась в половинном размере.

Еще во время войны, помимо расширения категорий льготников, плату за обучение отменили для коренных народов среднеазиатских союзных республик. Решение абсолютно понятное: там, где образованных кадров не хватало, молодежь максимально стимулировали к получению полного среднего и высшего образования.

Государство стимулировало и учащихся, и студентов, которые добросовестно относились к учебе. Те, кто получил в процессе учебы не менее 2/3 оценок «отлично», а остальные не ниже четверки, за учебу не платили. Это касалось средних классов школы, техникумов и вузов.

А сколько реально стоило высшее образование в СССР? Полностью ли оплачивали обучение студенты советских вузов? Достаточно обратиться к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1972 г., которым было установлено, что граждане СССР, выезжающие на постоянное жительство за границу (кроме выезжающих в социалистические страны), обязаны возместить государственные затраты на обучение в высшем учебном заведении, аспирантуре, ординатуре, адъюнктуре и на получение соответствующей ученой степени. Так, выпускник МГУ имени М. В. Ломоносова должен был заплатить 12,2 тыс. руб., а не закончивший обучение — 2,4—2,5 тыс. руб. за каждый год обучения. Обучение в других вузах ценилось ниже: 6—9 тыс. руб. Дипломы экономистов, юристов и специалистов иностранных языков оценивались в 6 тыс. руб.

Стране нужны рабочие

В стране происходила индустриализация, а после прихода в 1933 г. к власти в Германии нацистов замаячила угроза новой войны. Страна нуждалась не только в квалифицированных кадрах с высшим образованием. Нужны были и квалифицированные кадры со средним техническим образованием. Задача дальнейшего расширения нашей промышленности требовала постоянного притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. Без непрерывного пополнения состава рабочего класса невозможно было успешно развивать промышленность. С этой целью 2 октября 1940 г. был принят Указ Президиума

Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР»². В чем состояла основная идея данного Указа?

Во-первых, Указом было предоставлено право Совету народных комиссаров СССР ежегодно призывать (мобилизовывать) от 800 тыс. до 1 млн человек городской и колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14—15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах (РЖУ), в возрасте 16—17 лет — для обучения в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО).

Во-вторых, Указ обязывал председателей колхозов ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) по два человека молодежи мужского пола в возрасте 14—15 лет в РЖУ и 16—17 лет в школы ФЗО на каждые 100 членов колхозов, считая мужчин и женщин в возрасте от 14 до 55 лет.

В-третьих, Указ обязывал городские советы депутатов трудящихся ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) молодежь мужского пола в возрасте 14—15 лет в РЖУ и 16—17 лет в школы ФЗО в количестве, ежегодно устанавливаемом Советом народных комиссаров СССР.

В-четвертых, Указ устанавливал, что окончившие РЖУ и школы ФЗО считаются мобилизованными и обязаны проработать 4 года подряд на государственных предприятиях, по указанию Главного управления трудовых резервов при Совете народных комиссаров СССР, с обеспечением им зарплаты по месту работы на общих основаниях.

В-пятых, все лица, окончившие РЖУ и школы ФЗО, пользовались отсрочками по призыву в Красную армию и Военно-морской флот до истечения срока, обязательного для работы на государственных предприятиях.

Это обучение в РЖУ и ФЗО продолжалось от полугода до двух лет в зависимости от получаемой профессии. При этом важно отметить, что обучение производилось бесплатно, а учащиеся ремесленных училищ и ФЗО в период обучения находились на иждивении государства (бесплатное обучение, обеспечение за счет государства питанием, одеждой, обувью, бельем, учебниками и учебными пособиями и общежитием). Кроме того, для

Плакат 1940-х гг.

Занятие в ремесленном училище

² Государственные трудовые резервы СССР — система организованной, плановой подготовки квалифицированной рабочей силы для ведущих отраслей народного хозяйства Союза ССР.

учащихся ремесленных и железнодорожных училищ была введена форменная одежда.

После смерти И. Сталина, в 1953 г., призыв (мобилизация) молодежи в ремесленные и железнодорожные училища был отменен Указом Президиума Верховного Совета СССР. В 1959 г. все учебные заведения, входившие ранее в систему Государственных трудовых резервов, и большинство ведомственных учебных заведений, готовивших рабочие кадры, были преобразованы в профессионально-технические училища.

Чуть позже, 6 июня 1956 г., вышло постановление Совета министров СССР «Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР». Нововведение вступало в силу с начала нового учебного года, т.е. с 1 сентября. Как отмечалось в документе, Правительство приняло такое решение «в целях создания наиболее благоприятных условий для осуществления в стране всеобщего среднего образования и получения молодежью высшего образования».

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >